АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ · 1973 ·

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2026 • № 1



Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2026 • №1



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Главный редактор

Аничкин Евгений Сергеевич, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук

Заместители главного редактора

Сорокин Виталий Викторович, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, профессор кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук

Редакционный совет

5.1.1

Шпопер Дариуш, д. ю. н. (Слупск, Польша)

Стоилов Янаки, д. ю. н. (София, Болгария)

Васильев Антон Александрович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Анохин Юрий Васильевич, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

5.1.2

Матаева Майгуль Хафизовна, д. ю. н. (Семей, Казахстан)

Мырзалимов Руслан Муратбекович, д. ю. н. (Бишкек, Кыргызстан)

Остапович Игорь Юрьевич, д. ю. н. (Екатеринбург, Россия)

Ким Юрий Владимирович, д. ю. н. (Кемерово, Россия)

Безруков Андрей Викторович, д. ю. н., доцент (Красноярск, Россия)

5.1.3

Золотухин Алексей Валерьевич, д. ю. н. (Душанбе, Таджикистан)

Кузьмина Ирина Дмитриевна, д. ю. н. (Красноярск, Россия)

Лисица Валерий Николаевич, д. ю. н. (Москва, Россия)

Носиров Хуршед Толибович, д. ю. н. (Душанбе, Таджикистан)

Рехтина Ирина Владимировна, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Иноятова Сахиба Фазиловна, д. ю. н. (Ташкент, Узбекистан)

5.1.4

Детков Алексей Петрович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Плохова Валентина Ивановна, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Рахимбердин Куат Хажумуханович, д. ю. н. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Байдельдинов Даулет Лаикович, д. ю. н. (Казань, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна, д. ю. н. (Бишкек, Киргизия)

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н. (Томск, Россия)

Бертовский Лев Владимирович, д. ю. н. (Москва, Россия)

Чечетин Андрей Евгеньевич, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Давыдов Сергей Иванович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Лебедев Николай Юрьевич, д. ю. н. (Новосибирск, Россия)

Ханов Талгат Ахматзиевич, д. ю. н. (Караганда, Казахстан)

Петухов Евгений Николаевич, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Тыдыкова Надежда Владимировна, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

5.1.5

Борубашов Бекбосун Ишенбекович, д. ю. н. (Бишкек, Кыргызстан)

Лазутин Лев Александрович, д. ю. н. (Екатеринбург, Россия)

Гаврилов Вячеслав Вячеславович, д. ю. н. (Владивосток, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абызова Е.Р. Перспективы персонализации права 5

Беденков В.В., Ударцев А.М. Развитие законодательной техники в условиях антироссийской политики стран Запада 13

Беседина Е.С. «Народная монархия» как государственный идеал Ю.Ф. Самарина 18

Зеленин Ю.А., Моисеева О.Г., Русанов В.В. Политико-правовая доктрина евразийцев в оценке эмигрантской литературы в 1920–30-е гг. 23

Панькина Н.А. Диалектика «Ли» и «Фа»: синтез ритуала и закона в правовой системе Древнего Китая (до III в. до н. э.) 30

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Gubernatorova E.V., Zubkova V.S. Fundamental rights and citizen characteristics in accordance with the constitution of Indonesia 39

Казанцева О.Л., Наракшина А.М. Конституционно-правовые основы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних 44

Таваралиев Х.Д., Бондарева Е.А. Институт гражданства в федеративных государствах на примере Российской Федерации 49

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Воронина И.А, Воронин В.В. Капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах: проблемы и пути решения 55

Коваленко Е.Ю., Матвеев Д.Д. Особенности исполнения международных коммерческих контрактов в современных экономических условиях 59

Корочкин А.Ю., Кобзарь О.С. Вопросы рассмотрения споров в киберспорте 66

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Базаров Р.А., Ольков С.Г. Компаративный анализ основных исходных положений — принципов отечественного уголовного законодательства 71

Горожанкин А.Ю. Общественная опасность производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ) 77

Куфлева В.Н. Лицо, впервые совершившее преступление: теоретическая характеристика и нормативное значение 83

Максимов А.Г. Дискуссионные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76^1 Уголовного кодекса РФ) 90

Упоров А. Г. Содержание иностранных военнопленных в исправительных учреждениях РФ как вынужденная мера: проблемы соответствия уголовно-исполнительному законодательству и международному гуманитарному праву 95

Филиппова Е. О. Криминологическая характеристика личности лица, совершающего преступления в сфере компьютерной информации 101

Фонштейн А. И. Преступления, связанные с обращением порнографии, в системе уголовного права России: ретроспективный анализ 105

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Блинова Ю. В. Право, подлежащее применению при определении прав физического лица на имя в Германии 111

Большакова О. Б., Кононыхина Т. С. Некоторые аспекты общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних через призму стратегий молодежной политики до 2030 года, реализуемых в Российской Федерации и Республике Беларусь 116

Воронина С. В., Губернаторова Э. В. Семейный кодекс Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовое исследование 122

Зарубин Д. В. Отдельные особенности принятия и вступления в силу конвенций и рекомендаций МОТ 129

Манапова А. Ф. Внедрение превентивного опыта исламской Республики Иран в Российскую Федерацию в области охраны культурных ценностей народов 133

Рузиназаров Ш. Н. Правовой режим электронных торговых площадок в гражданском обороте 138

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ

Тыдыкова Н. В. Рецензия на монографию В. Н. Куфлевой «Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования» 149

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 153

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ 156

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340.12
ББК 32.813

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Е. Р. Абызова

Арбитражный суд г. Москвы (Москва, Россия)

Исследование данной темы представляется актуальным в связи с необходимостью научного осмысления теоретической и практической значимости будущего персонализации права, его изменений в контексте цифровых технологий в рамках юридической науки с выходом на возможности его практического применения. Целью настоящей работы является установление специфических особенностей персонализированного права, обусловленных технологизацией общественных отношений, а также определение основных направлений развития персонализированного права в будущем. Рассмотрены взаимосвязи персонализации с алгоритмизацией (машинизацией) права, использование последних в формировании индивидуальных правовых норм целях совершенствования механизмов правового регулирования. Проанализированы преимущества и возможные негативные последствия персонализации права в связи с рисками, связанными с ограничениями в части сужения возможностей выбора и ущемление личной свободы. Определены перспективы персонализации права в процессе реализации отдельных отраслевых норм (уголовного, гражданского, договорного, семейного, наследственного права). Обращается внимание на необходимость междисциплинарного сотрудничества не только между юристами, но и программистами, социологами, экономистами и другими специалистами. Делается вывод относительно статуса персонализированного права, состоящий не в замене традиционного права, а в дополнении его и оптимизации инструмента.

Ключевые слова: персонализация права, правовое регулирование, алгоритмизация права, машиночитаемое право, программные предписания, искусственный интеллект, большие данные, блокчейн технологии.

PROSPECTS FOR PERSONALIZATION OF LAW

E. R. Abyzova

Moscow Arbitration Court (Moscow, Russia)

The study of this topic is relevant due to the need for scientific understanding of the theoretical and practical significance of the future personalization of law, its changes in the context of digital technologies within legal science, and the possibilities of its practical application. The purpose of this paper is to establish the specific features of personalized law, caused by the technologization of social relations, and to determine the main directions of the development of personalized law in the future. The relationship between personalization and the algorithmization (mechanization) of law is considered, as well as the use of the latter in the formation of individual legal norms for the purpose of improving the mechanisms of legal regulation. The advantages and possible negative consequences of the personalization of law are analyzed in connection

with the risks associated with restrictions in terms of narrowing the possibilities of choice and infringement of personal freedom. Prospects for the personalization of law in the process of implementing individual industry norms (criminal, civil, contractual, family, and inheritance law) are determined. Attention is drawn to the need for interdisciplinary cooperation not only between lawyers, but also between programmers, sociologists, economists, and other specialists. The conclusion reached regarding the status of personalized law is that it does not replace traditional law, but rather complements it and optimizes its instrument.

Keywords: personalization of law, legal regulation, algorithmization of law, machine-readable law, software regulations, artificial intelligence, big data, blockchain technology.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.1

Одной из определяющих черт современной российской действительности является доминирование государственных интересов над личными, что приводит к решению большинства вопросов в пользу государства. В подобной системе приоритетов способность человека к действию уступает место самой возможности его совершить. На первый взгляд, возникает парадоксальная ситуация: признавая неполноценность действующего законодательства в сфере защиты прав и свобод, граждане одновременно выступают за сохранение механизмов их ограничения. Вместе с тем этому феномену существует объяснение, в соответствии с которым личность, функционируя в любом правовом пространстве, демонстрирует высокую адаптивность и стремится к реализации своих прав. В процессе этого она формирует новые общественные отношения, которые нуждаются в правовом регулировании, зачастую вступая в конфликт с интересами государства.

Проблема заключается в том, что формальные демократические нормы, механически скопированные с Запада и закрепленные в действующем российском законодательстве, не обеспечивают сегодня реальной защиты прав личности. Чрезмерное увлечение абстрактными конструкциями, такими как «правовое государство», «гражданское общество» и «права человека», приводит к отчуждению реальных людей, особенно наименее защищенных пожилых граждан, что находит закономерное отражение в общественном правосознании. В российском обществе демократия стала ассоциироваться со вседозволенностью, что спровоцировало повсеместный правовой нигилизм, а понятие «права человека» утратило свое правовое и социальное содержание. Вместе с тем гарантия обеспечения приоритета прав человека возможна только при наличии сильного государства, способного к эффективному управлению обществом и конструктивному влиянию на индивидов.

Фундаментом правовой системы, определяющим ее социальную, политическую и юридическую природу, неизменно выступают права личности. В условиях социально-экономической и политической турбулентности, способность государства обеспечивать реализацию прав человека и гражданина служит индикатором устойчивости правовой системы и показателем ее развития. Для эффективного управления обществом государству необходимо рациональное расширение властных прерогатив, что требует пересмотра устоявшихся представлений о его роли. Согласны с мнением Е. Н. Тарасовой, что в сложившейся ситуации государство не должно ограничиваться функцией «ночного сторожа», а должно выступать в качестве активного субъекта общественных отношений [1].

Хотя в современном российском обществе обозначились определенные позитивные изменения во взаимоотношениях между государством и гражданами, тем не менее, они сопровождаются снижением уровня жизни, сокращением численности населения и т. п., ставшими результатом непродуманных государственных решений. Наблюдаемые тенденции обусловливают в современной академической литературе актуализацию научного и практического интереса к проблематике создания персонализированных продуктов, что, в свою очередь, детерминирует необходимость разработки соответствующих инструментальных решений.

В научной дискуссии наряду с термином «персонализация» часто фигурирует понятие «кастомизация», которое подразумевает физическую трансформацию продукта с целью его адаптации к специфическим потребительским нуждам индивида, позволяющей использовать науку и технологию анализа поведенческих стереотипов для решения этих проблем. Т. Я. Хабриева, опираясь на идеи

В. С. Стёпина, рассматривает современное общество как переживающее коренные изменения, анализируя его ценностные ориентиры и трансформации. Такой подход открывает широкие возможности для практических решений и имеет обширную сферу применения [2, с. 5–18]. В. С. Стёпин, в свою очередь, указывает на два взаимосвязанных пути развития юридической науки и практических преобразований: от глубоких теоретических изысканий к конкретным отраслевым решениям и их реализации, и наоборот — от практических наработок к формированию отраслевых концепций и фундаментальных теорий. Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор считают, что современная наука уже перешла к новому этапу, характеризующемуся интеграцией фундаментальных и прикладных исследований, а также усилением роли междисциплинарных подходов [3, с. 26].

Глубокий уровень обобщения, присущий современной юридической теории, с точки зрения Н. Ф. Порываевой, играет ключевую роль в понимании общей картины правовой реальности, что позволяет увидеть общие принципы и направления развития права, особенно в контексте влияния технологий на общество. В частности, это касается изменений в праве, вызванных развитием технологий, включая появление и эволюцию «машиночитаемого» или «персонализированного» права [4]. В России уже принят документ, определяющий машиночитаемое право в качестве концепции, дающей описание машиночитаемого права, анализирующей связанные с ним технологии и затрагивающей вопросы алгоритмов и алгоритмизации в праве. Автор справедливо считает, что в ближайшем будущем право, вероятно, претерпит изменения, когда часть правовых норм будет переведена в формат машиночитаемый/персонализированный, столь необходимый для автоматизации правоприменения в определенных областях. Формально это будет означать преобразование правовых норм в компьютерные алгоритмы, причем в первую очередь будут алгоритмизированы те нормы, которые соответствуют этим требованиям, что неизбежно повлечет за собой изменения в их содержании.

В контексте прогрессирующей технологизации общественных отношений юридическое сообщество активно интересуется будущим развитием права, при этом доктрина указывает на перспективность рассмотрения алгоритмизации (машинизации) права как прогнозируемого направления его эволюции. В связи с чем Т. Я. Хабриева представляет алгоритмизацию права (то есть его перевод в машинный формат) в качестве одного из перспективных направлений развития права наряду с персонализацией, дегуманизацией и натурализацией [5, с. 5–17]. Она отмечает, что эти направления не противоречат друг другу, а, наоборот, отражают общую тенденцию развития права, рассматриваемую с разных точек зрения. В данном контексте термины «алгоритмизация» и «машинизация» права она использует как синонимы.

Становление информационного общества актуализировало потребность в реформировании устоявшихся парадигм публичного управления. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 определяет стратегические приоритеты развития России до 2030 и 2036 годов, уделяя особое внимание модернизации государственного управления посредством цифровизации и информатизации. В контексте этой трансформации ключевым инструментом становится внедрение передовых технологий, включая машиночитаемое право. В связи с чем российские ученые предлагают два основных концептуальных подхода к осмыслению машиночитаемого права: а) интерпретация как структурирование текста, когда нормативное положение, представленное в текстовой форме, подвергается разметке, обеспечивающей его визуализацию и обработку машиной; и б) интерпретация как формализация представления на машинном языке, при которой правовые нормы выражаются посредством языка программирования, что позволяет машине осуществлять семантический и структурный анализ правовых предписаний [3, с. 26]. Данный подход обусловливает возможность реализации «машиноисполняемости» правовых норм в рамках нормативных конструктов.

И. В. Понкин считает, что машиночитаемое и машиноисполняемое право предполагает перевод юридических документов и их взаимосвязей в формат, понятный компьютеру. Это достигается путем кодирования правовых норм в машинный язык, что позволяет представить право в виде структурированной компьютерной логики [6, с. 86–88]. Н. Ф. Порываева, в свою очередь, видит в машиночитаемом праве результат «алгоритмизации права». Это означает создание правовых структур, построенных по техническим принципам, которые функционируют как алгоритмы для решения конкретных юридических ситуаций (прецедентов) [4, с. 12].

С точки зрения технологий М.А. Липчанская и С.А. Привалов определяют машиночитаемое право как комплекс технических решений, основанных на искусственном интеллекте и направленных на то, чтобы правовые нормы могли быть встроены в систему машинного анализа конкретных случаев, что позволяет реализовать права человека в автоматическом режиме [7, с. 85–96]. В.Д. Горбачёв считает, что ответы на эти вопросы позволяют выделить три основных подхода к определению машиночитаемого права [8, с. 165–183]. Первый — как программное предписание, выступающее посредником между различными способами представления информации. Второй — как предписание для обработки машиной поступающих данных с помощью алгоритмов применительно к конкретным ситуациям. Третий — как способ существования правовой действительности, взаимодействующей с реальной правовой системой по различным сценариям и способной интегрироваться в разнообразные социально-регуляторные системы.

В сложившейся ситуации именно технологии машиночитаемого права, обладающие потенциалом для формирования основы принципиально новой информационной системы, могут быть ориентированы на разработку нормативных правовых актов. Важно отметить, что подобные проекты уже активно разрабатываются. Например, в 2022 году Министерство экономического развития Российской Федерации подписало государственный контракт на создание государственной информационной системы «Нормотворчество». В 2023 году был представлен для общественного обсуждения проект положения, определяющего порядок работы этой системы.

Существует мнение, что для машиночитаемых правовых норм крайне важно обеспечить единообразное толкование [9, с. 91], хотя Р.М. Янковский с соавторами считают этот аргумент дискуссионным. Причина, с их точки зрения, заключается в том, что отсутствует универсальный язык для машиночитаемых норм, который бы позволял человеку их легко воспринимать, и сама возможность создания такого языка на данный момент вызывает серьезные вопросы [10, с. 20–26]. Тем не менее создание единой структурированной и «понятной» для машины базы правовых данных рассматривается ими как необходимая основа для всех будущих «машиноисполнительских концепций», от административных процессов до «машинного правосудия», основанных на применении машиночитаемых правовых предписаний.

На все более широкое использование алгоритмов в правовом регулировании указывает Т.Я. Хабриева, в частности, на создание машиночитаемого права, предполагающего преобразование юридических норм в программный код [5, с. 5–17]. Зарубежные юридические эксперты усматривают в данном подходе возможность персонализации права, предполагающую формирование индивидуальных правовых норм на основе анализа данных о конкретных субъектах. Технологические возможности обеспечивают сбор и обработку больших объемов информации о поведенческих характеристиках и предпочтениях индивидов, что может быть использовано для создания персонализированных правовых предписаний [11, с. 115–136]. Это означает, что вместо общих правил применяются индивидуальные предписания, определяющие поведение лица в правовой сфере. Персонализированное право, в свою очередь, учитывающее индивидуальные особенности, потенциально может сделать правовое регулирование более эффективным.

Однако необходимо учитывать и возможные негативные последствия, среди которых: а) дискриминация (несправедливость) в отношение к людям на основе различных признаков; б) ограничение свободы в части сужения возможностей выбора и ущемление личной свободы; в) государственное вмешательство в виде замены договорных отношений между людьми государственным регулированием; д) смена приоритетов путем превращения гражданина, обладающего правами и обязанностями, в потребителя, ориентированного лишь на удовлетворение своих потребностей. Именно эти риски и требуют пристального учета и внимания при рассмотрении перспектив развития права в эпоху цифровизации. Если персонализация права будет осуществляться без должного контроля и этических ориентиров, общество может столкнуться с ситуацией, когда право перестанет быть универсальным инструментом обеспечения справедливости и защиты прав большинства граждан.

Перспективы персонализации права и ее дальнейшее развитие неразрывно связаны с концепцией «натурализации права», подразумевающей интеграцию природоподобных технологий в правовую систему. Натурализация может привести к трансформации субъектов правоотношений, вплоть

до киборгизации субъектов права. В практическом плане машинизация, персонализация и натурализация права представляют собой взаимозависимые процессы. Если машинизация выступает как процесс, обеспечивающий персонализацию и натурализацию, то машинизация и натурализация являются условиями для персонализации, которая, в свою очередь, становится свойством нового правового ландшафта. Все вместе отражает фундаментальное изменение в способах создания и применения права, характеризующее его будущее состояние.

По мере развития права, особенно в контексте цифровизации, существует риск его «сакрализации». Если ситуация не изменится, правовая система станет недоступной для большинства, превратившись в загадку даже для тех, кто должен ее понимать. Это произойдет из-за закрытости алгоритмов, требующих специальных знаний и юридических барьеров, ограничивающих доступ к технологиям, которые теперь определяют правила игры, следствием чего станет снижение прозрачности и подотчетности правовой системы [5, с. 12]. В связи с этим, особенно в периоды технологических сдвигов, становится критически важным разработать право будущего, которое, по сравнению с действующим, должно быть более гибким и чутким к быстрым изменениям, порождаемым цифровыми технологиями. Следовательно, ключевыми характеристиками правового регулирования современных цифровых технологий должны стать гибкость персонализированного права, его технологическая нейтральность, соразмерность, ориентация на учет рисков и защиту прав человека.

Будущее права уже сегодня определяется формированием смешанной правовой среды, так называемой новой реальностью, в которой ключевую роль будет играть взаимодействие человека, претерпевшего технологические изменения, с гибридными объектами, сочетающими в себе элементы природы и культуры. Эти объекты, стирающие границы между естественным и искусственным, активным и пассивным, становятся основой для развития права. В результате, с точки зрения Э. Дэвис, право претерпит существенные изменения, все больше интегрируясь с технологиями и практиками [12]. Произойдет его трансформация от системы, основанной исключительно на нормах, к автоматизированной системе, сочетающей в себе нормативные и познавательные функции. Эта трансформация, включающая в себя автоматизацию, персонализацию и природное содержание права, приведет к появлению гибридной формы права, выражающейся в виде баз данных алгоритмизированных юридических норм и регуляторных технологий.

Такая гибридная форма права ставит перед правовой системой новые вызовы, связанные с владением, использованием, сертификацией и проверкой этих ресурсов. В связи с чем ожидается разработка новых научных и практических подходов, направленных на включение в законодательство понятий, связанных с информацией, данными, сетями и другими терминами, необходимыми для описания обновленного права. Смещение акцента в праве в сторону индивидуального регулирования, вызванное указанными причинами, по мнению В.Д. Зорькина, усугубит проблему равенства перед законом. Эти изменения в праве, в свою очередь, поставят под угрозу принцип справедливости, который, опираясь на юридическую науку и судебные решения, сочетает в себе идеи равенства и пропорциональности [13, с. 1–6]. В представлении авторов учебника право будущего эволюционирует в искусственно созданный социобиотехнический регуляторный механизм. Его задача — упорядочение, контроль и развитие отношений в цифровой среде. Этот механизм будет опираться на разнообразные регуляторы, созданные человеком, и потенциально неограниченные по своему составу [14, с. 39–40].

Перспективы персонализации права представляют собой многогранную тему, затрагивающую технологические, социальные и этические аспекты, определившие дискуссионные направления развития юридической науки и практики в эпоху цифровизации, искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных. Как известно, персонализация права предполагает адаптацию правовых норм, решений и процедур к индивидуальным характеристикам субъектов права (физических лиц, организаций) и ситуаций. Став, по сути, неотвратимой тенденцией, персонализация права утвердилась в качестве стремления к более справедливому и эффективному праву, что естественно потребовало: во-первых, разработки этических и правовых стандартов использования персональных данных; во-вторых, сохранения человеческого контроля над принимаемыми решениями; наконец, в-третьих, защиты базовых принципов права — равенства, справедливости, предсказуемости.

Персонализированное право не есть замена традиционному, а дополнение его, инструмент дифференциации и оптимизации. Его развитие еще вчера требовало создания этических и правовых рамок для алгоритмов; разработки механизмов контроля и обжалования персонализированных решений; обеспечения прозрачности и участия граждан; сохранения баланса между индивидуализацией и универсальными гарантиями прав. Сегодня уже разработаны основные направления и перспективы персонализации, в том числе по различным отраслям права. Совсем скоро персонализация потребует адаптацию законодательства с учетом новых подходов к правоприменению в целях обеспечения гибкости в реагировании на индивидуальные потребности граждан. В качестве технологических драйверов выступают искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение, которые уже сегодня в состоянии анализировать огромные массивы данных, выявлять закономерности и предлагать индивидуальные решения.

Это может проявляться: а) в автоматизированном составлении договоров, когда ИИ будет генерировать договоры, учитывая специфику сторон, их цели и риски; б) в персонализированных юридических консультациях, в которых чат-боты и виртуальные ассистенты будут предоставлять информацию и рекомендации, адаптированные к конкретной ситуации пользователя; в) в прогнозировании правовых рисков на основе анализа поведения субъектов с одновременным предложением персонализированных превентивных мер. Искусственный интеллект уже доказал, что способен оптимизировать судебный процесс, оказывая реальную помощь в анализе доказательств, поиске прецедентов и даже в вынесении рекомендаций по решению споров. Ожидается дальнейшее развитие AI-судей, алгоритмических рекомендаций для них, улучшение доступа к правосудию. Вместе с тем следует учитывать два важных обстоятельства, согласно которым персонализация права может привести к изменению общественного восприятия правовой системы: с одной стороны, это может повысить доверие к правосудию, с другой — вызвать опасения по поводу неравенства в доступе к правовым услугам.

Технологические инновации с развитием искусственного интеллекта и больших данных открывают новые возможности для персонализации правовых услуг. Например, алгоритмы могут анализировать индивидуальные случаи и предлагать более адаптированные решения, учитывающие уникальные обстоятельства каждого клиента. Правовые технологии (Legal Tech) будут способствовать росту и развитию технологий, которые смогут автоматизировать рутинные процессы, улучшить взаимодействие с клиентами и предложить инновационные решения для юридических задач. Большие данные (Big Data) позволят выявлять тенденции и особенности поведения различных групп населения, что может быть использовано для создания более точных и эффективных правовых норм. Блокчейн-технологии смогут обеспечить прозрачность, безопасность и неизменность правовых записей, что важно для персонализированных контрактов и прав собственности.

В целом, перспективы персонализации права обещают значительные изменения особенно в сфере его реализации. Так, например, в уголовном праве таким направлением стала индивидуализация наказания (ст. 60 УК РФ) посредством перехода от репрессивной модели к восстановительной и профилактической с учетом психофизиологических характеристик личности, социального контекста деяния, а также прогноза возможного рецидива с использованием ИИ и Big Data.

В гражданском, семейном, наследственном и договорном праве предполагается использование искусственного интеллекта для прогнозирования последствий принимаемых решений с помощью персонализированных брачных контрактов, алиментных обязательств и т. п. с учетом: доходов, здоровья, образа жизни сторон; интересов детей с использованием данных о поведении родителей; реальных возможностей участия родителей в воспитании детей в соответствии с договоренностями сторон. Все это реально возможно при создании «умных контрактов», автоматически исполняющихся при выполнении определенных условий, с возможностью адаптации к меняющимся обстоятельствам.

Налоговое, трудовое и административное право получат развитие в части большего дифференцирования налоговых ставок и льгот на основе: установления реального уровня фактического дохода; разработки более гибких налоговых режимов, учитывающих индивидуальные доходы, расходы и инвестиционные стратегии; дифференциации размера персонализированного штрафа за нарушения ПДД в зависимости от дохода нарушителя. Например, в Финляндии и Швейцарии за превышение скорости миллиардер может заплатить € 50 000, а студент — € 200. В данном случае цели очевидны:

штраф будет работать как сдерживающий фактор, если он будет ощущаться одинаково болезненно для всех; да и фактор справедливости не следует сбрасывать со счета общественного мнения граждан.

Право социального обеспечения и здравоохранения кардинально пересмотрит порядок расчетов и назначения гражданам персонализированных пособий, пенсий, разработки реализации медицинских программ на основе: состояния здоровья (генетика, хронические заболевания); образа жизни (вредные привычки, физическая активность и т. п.); социально-экономического статуса. В целях недопущения дискриминации по здоровью или поведению все эти инновации требуют соблюдения и обеспечения этических и правовых рамок.

Сегодня цифровое право и ИИ (алгоритмическая юстиция) анализируют тысячи параметров дела и предлагают персонализированные решения с помощью «юридических чат-ботов» и «умных контрактов», адаптирующих условия под пользователя. Уведомления о правах и обязанностях направляются гражданам только в персонализированном виде (например, гражданину приходят только те законы, которые касаются его профессии, возраста, имущества). Более того, персонализация права может открыть новые возможности для вовлечения граждан в процесс правотворчества. С помощью технологий можно будет собирать мнения и предложения от граждан, что позволит создавать более адаптированные и актуальные законы, отражающие потребности и интересы общества.

Естественно, что в этом случае персонализация права потребует интеграции знаний из различных областей, таких как психология, социология и экономика, что позволит лучше понимать потребности клиентов и разрабатывать более эффективные правовые решения. В итоге, перспективы персонализации права откроют новые горизонты для правовой системы, реализация которых потребует комплексного учета как технологических, так и социальных аспектов. Персонализация права может способствовать более широкой интеграции альтернативных методов разрешения споров, таких как медиация и арбитраж, которые могут быть адаптированы под индивидуальные потребности сторон, что позволит находить более эффективные и быстрые разрешения конфликтов.

Вместе с тем наряду с огромными преимуществами внедрения персонализированного права в социально-экономическую, политико-правовую, технологическую сферы общественной жизни, следует учитывать неизбежные с этим явлением сложности в ее реализации, связанные: во-первых, со значительными технологическими, финансовыми и организационными ресурсами, необходимыми для создания и внедрения персонализированных правовых систем; во-вторых, с разработкой строгих правил и механизмов защиты данных в целях обеспечения прозрачности и справедливости алгоритмов, используемых для персонализации права; в-третьих, с обеспечением доступности персонализированных правовых услуг для всех без исключения граждан; в-четвертых, с разработкой этических кодексов и стандартов для использования этих технологий в целях установления ответственности, прозрачности и контроля; в-пятых, с достижением баланса между персонализацией и универсальностью правовых норм в целях их справедливого применения и интерпретации.

В настоящее время определены пути решения проблем обеспечения успешной персонализации, которые предполагают: разработку четких правовых рамок, регулирующих сбор, обработку и использование персональных данных для персонализации права; обеспечение прозрачности и подотчетности алгоритмов и процессов, используемых для персонализации права с установлением механизмов подотчетности за их использование; развитие цифровой грамотности населения в части понимания и использования персонализированных правовых услуг; разработка этических кодексов и стандартов для использования ИИ и других технологий в правовой сфере; постоянный мониторинг и оценка эффективности и последствий персонализации права в целях выявления и устранения возможных проблем; междисциплинарное сотрудничество между юристами, программистами, социологами, экономистами и другими специалистами.

Персонализация права — это не отказ от закона, а его эволюция. Она стремится сделать право более человечным, точным и эффективным, но требует обеспечения строгого баланса между индивидуализацией и гарантией равенства, прозрачности и защиты прав человека. Персонализация обеспечит переход от «права для абстрактного человека» к «праву для конкретного человека». Она несет в себе потенциал повышения справедливости и эффективности правового регулирования, но одновременно ставит перед правовой системой новые этические, технологические и философские вызовы.

Таким образом, персонализация права, представляющая собой перспективное направление развития правовой системы, приведет к более эффективному, справедливому и гибкому правовому регулированию. Важно будет найти баланс между персонализацией и универсальностью правовых норм, чтобы обеспечить равенство перед законом и защиту прав всех граждан. При этом следует учитывать, что персонализация права — это не просто технологический тренд, а возможность сделать право более человечным и ориентированным на потребности каждого индивида.

Персонализированное право предстанет в качестве права нового типа, построенного не на абстрактных правилах для «всех», а на глубоком понимании уникальности каждого субъекта права. Произойдет не просто изменение отдельных норм, а фундаментальная трансформация права как системы, культуры и практики. Персонализированное право — не новая форма правового суверенитета, не государство над человеком, а «общество вместе с человеком».

В науке появится новая отрасль — персонализированная юриспруденция с собственной методологией и терминологией; практика перейдет к клиентоориентированному подходу, как уже происходит в медицине; в законодательстве возрастет количество «гибких норм», механизмов исключений, адаптивных санкций; технологии ИИ станут помощниками юристов в оценке личности, не подменяя выводов и оценок человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тарасова Е. Н. Личная безопасность граждан и ее конституционные гарантии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия. Право. 2008. № 85. С. 361–364.

2. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

3. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Российская академия наук ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2023. С. 26.

4. Порываева Н. Ф. Алгоритмизация прав : дисс. … канд. юрид. наук., М., 2022. 165 с.

5. Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

6. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онтоинженерия в праве : учебник. М. : Буки Веди, 2021. С. 86–88.

7. Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 85–96.

8. Горбачёв В. Д. Машиночитаемое право как инструмент цифровой трансформации государственного управления // Экономика. Право. Общество. Т. 9. № 3 (з9). 2024. С. 165–183.

9. Шаршун В. А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. 2022. № 1 (75). С. 91.

10. Янковский Р. М., Вашкевич А. М., Иванов А. Ю., Наумов В. Б., Незнамов А. В., Щёкин Д. М. Машиночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. 2021. № 10. С. 20–26.

11. Grigoleit Hans C., Bender Philip M. The Law between Generality and Particularity — Potentials and Limits of Personalized Law / Busch Christoph, De Franceschi Alberto, eds., Algorithmic Regulation and Personalized Law. A Hand book. 2021. Pp. 115–136.

12. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург : Ультра ; Культура, 2008.

13. Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 6.

14. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 39–40.

УДК 340.1
ББК 67.022.14

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЗАПАДА

В. В. Беденков, А. М. Ударцев
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В условиях усиления внешнеполитического давления и санкционной политики со стороны некоторых стран Запада в Российской Федерации наблюдается необходимое обоснованное изменение подходов к законодательной технике. Особое внимание уделено последствиям таких изменений для правовой определенности и судебной практики. Выводы исследования указывают на актуальность развития и совершенствования механизмов законодательной техники, усиления экспертной поддержки и применения современных методик правового моделирования. Настоящее исследование базируется на междисциплинарном подходе с преобладанием юридических методов, обеспечивающих комплексный анализ трансформаций законодательной техники в современной России. Основное внимание сосредоточено на том, как право способно адаптироваться к меняющимся международным реалиям — от точечных изменений в законодательстве до масштабных правовых реформ, вызванных внешнеполитическим давлением, что обусловливает выбор соответствующих аналитических инструментов.

Ключевые слова: законодательная техника, кризисное нормотворчество, антироссийская политика, санкционные механизмы, правовая неопределенность.

DEVELOPMENT OF LEGISLATIVE TECHNIQUE IN THE CONTEXT OF THE ANTI-RUSSIAN POLICY OF WESTERN COUNTRIES

V. V. Bedenkov, A. M. Udartsev
Altai State University (Barnaul, Russia)

In the context of increasing foreign policy pressure and sanctions policies from some Western countries, the Russian Federation is experiencing a necessary and justified shift in approaches to legislative technique. Particular attention is paid to the implications of such changes for legal certainty and judicial practice. The study's findings highlight the urgency of developing and improving legislative mechanisms, strengthening expert support, and applying modern legal modeling techniques. This study is based on an interdisciplinary approach, with a predominance of legal methods, providing a comprehensive analysis of the transformation of legislative technique in modern Russia. The primary focus is on how law can adapt to changing international realities — from targeted legislative changes to large-scale legal reforms prompted by foreign policy pressure — which determines the choice of appropriate analytical tools.

Keywords: legislative technique, crisis rule-making, anti-Russian policy, sanctions mechanisms, legal uncertainty.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.2

На фоне усиливающегося внешнеполитического давления и необходимости оперативного обновления нормативной базы роль законодательной техники в правовой системе Российской Федерации значительно возрастает. В современных условиях от нее зависит не только формальная корректность нормативных актов, но и их способность адекватно отражать приоритеты

государственной политики. Все чаще внимание смещается с концептуальных установок на способы их юридического воплощения — от выбора понятийного аппарата до логической организации текста.

Именно качество законодательной техники формирует фундамент правовой определенности и стабильности правового регулирования [1, с. 35–41]. Структурная цельность, терминологическая строгость и логическая непротиворечивость нормативного текста обеспечивают его применимость в условиях правовой неопределенности, свойственной периоду глобальных трансформаций. Даже наиболее проработанные политико-правовые концепции оказываются неэффективными без должной нормативной конкретизации. Наряду с этим законодательная техника выполняет важнейшую коммуникативную функцию. Ясность и однозначность формулировок минимизируют риск произвольного толкования и обеспечивают надежную связь между субъектами нормотворчества и адресатами правового регулирования. В условиях усложняющейся системы нормативного регулирования это особенно значимо для граждан и хозяйствующих субъектов, нуждающихся в предсказуемости и правовой защищенности.

Современная правовая система Российской Федерации, находящаяся под воздействием внешнеполитической турбулентности, демонстрирует сдвиг в сторону программно-рамочных форм законодательства. Этот вектор трансформации обусловлен необходимостью обеспечения правовой гибкости и институциональной устойчивости в условиях быстро меняющегося международного контекста. Вместо традиционного детализированного регулирования законодатель всё чаще прибегает к созданию нормативных конструкций, содержащих лишь общие цели, направления и принципы государственной политики, оставляя конкретизацию на усмотрение исполнительной власти [2, с. 51–57].

В условиях политической и экономической турбулентности эффективная законодательная техника способна служить инструментом консолидации общества, транслируя стратегические приоритеты государства в нормативно закрепленной форме [3, с. 22–27]. Законодательство все чаще включает декларативные элементы, отражающие базовые ценности, политические установки и идеологические ориентиры. Подбор терминологии, акценты в структуре и стиле нормативных актов становятся частью правового дискурса, формирующего восприятие государственной политики как системной и последовательной.

В этом контексте особое значение приобретают профессиональные аспекты, составляющие основы законодательной техники. С их помощью осуществляется нормативное закрепление понятий, отражающих курс на укрепление суверенитета, защиту национальных интересов и снижение зависимости от внешнего влияния. Присутствие таких элементов делает законодательство не просто регулятором общественных отношений, но и служит механизмом институциональной легитимации государственной политики через формализованное закрепление политических решений в системе права.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что в странах с ярко выраженной централизацией управления законодательство зачастую совмещает регулятивную и символическую функции. В таких условиях правовой акт утрачивает сугубо юридическое значение и приобретает черты политического манифеста, отражающего стратегические ориентиры государства и способствующего формированию общенационального консенсуса. Как справедливо отмечается в отечественной литературе, в подобных политико-правовых системах закон способен выполнять не только нормообразующую, но и интеграционную функцию, формируя устойчивую нормативную матрицу реализуемого курса государственной политики.

Исходя из этого, в современной России прослеживается тенденция трансформации законодательной техники в многозначный правовой инструмент, сочетающий в себе не только технические, но также коммуникативные аспекты. Такая эволюция отражает не просто особенности текущей правовой политики, но и более глубокие процессы, связанные с переосмыслением роли закона в контексте укрепления государственности, обеспечения правовой устойчивости и реализации концепции национального правового суверенитета.

Говоря о влиянии санкционной политики на правовую систему современной России, можно отметить, что с момента начала масштабного санкционного давления в 2014 году вектор внешнеполитического взаимодействия с Российской Федерацией претерпел радикальные изменения. Международная конфронтация приобрела устойчивый и институционализированный характер, что вызвало

необходимость системного переосмысления подходов к правовому регулированию в рамках национальной юрисдикции. Санкционная политика, инициированная недружественными государствами, выступила внешним триггером, активизировавшим внутренние процессы нормативной мобилизации и правового реагирования [4, с. 44–52].

В ответ на санкционное давление в российском праве начал формироваться отдельный нормативный массив, ориентированный на защиту национальных интересов. Этот сегмент включает в себя нормативные акты, направленные на реализацию ответных мер, ограничение присутствия иностранных субъектов в стратегических секторах экономики, а также обеспечение суверенного контроля над критически важной инфраструктурой. Регулирование стало охватывать такие сферы, как оборона, энергетика, телекоммуникации, валютный контроль и обработка персональных данных, относящихся к специальным категориям. Особое внимание при этом уделяется обеспечению устойчивости финансовой системы, снижению зависимости от иностранных институтов и переориентации внешнеэкономических связей.

Значительное усиление получили нормы, касающиеся трансграничных операций, валютного регулирования и оборота капитала. Одновременно с этим расширяется арсенал ограничительных мер, предусматривающих, в частности, упрощенные процедуры изъятия имущества, недопущение к участию в государственных закупках иностранных компаний, связанных с недружественными юрисдикциями, и исключение их из стратегических инвестиционных процессов [5].

Однако значение данных инициатив выходит за пределы исключительно защитных механизмов. По мере институционализации санкционного давления возникает запрос на воспроизводство устойчивых моделей нормативного самообеспечения. Это находит выражение не только в разработке новых актов, но и в модификации законодательной техники: от увеличения доли рамочных и бланкетных норм до акцентированного использования экспресс-процедур принятия законов и усиления роли подзаконного нормотворчества [6, с. 112–118].

Санкционное давление перестало быть лишь внешним раздражителем и стало фактором, повлиявшим на институционализацию мобилизационного вектора в российском законодательстве. Речь идет не только об отражении угроз, но и о создании адаптивной и автономной модели правового регулирования, отвечающей требованиям времени. Эта трансформация демонстрирует, что в условиях внешнего давления правотворчество приобретает не только утилитарное, но и стратегическое значение — как фактор обеспечения правового и институционального суверенитета государства.

Примером может послужить тот фактор, где особую роль на государственном уровне имеют законодательные инициативы, связанные с укреплением религиозных, духовно-нравственных, моральных, а также традиционных семейных ценностей. Это связано с осложнением ситуации в сфере правовоспитательной деятельности по причине антироссийской глобалистской политики некоторых стран Запада.

Все это транслируется обществу под эгидой эгоцентризма и «прогрессивности». Распущенный и сугубо потребительский образ жизни обесценивает семейные ориентиры. Молодежи в противовес традиционному приоритету семейных ценностей некоторые западные пропагандисты и идеологи ставят карьеру, развлекательные мероприятия, полную свободу половых отношений. Практика показывает, что семья в своем традиционном значении в некоторых европейских странах практически перестала существовать. Пропаганда моральной распущенности, подмена нравственных ценностей, обусловленная псевдосвободой выбора с постоянной трансляцией самых разнообразных пороков, способна привести к вырождению цивилизации. Мы не должны допустить подобного «прогрессивного» развития событий в нашем государстве.

Также стоит отметить, что в условиях нарастающих внешних вызовов приоритетное значение приобрела сфера цифрового регулирования и технологического суверенитета. Законодательные инициативы в данном направлении включали не только меры защиты критической информационной инфраструктуры, но и формирование основ суверенного киберпространства [7]. Принятие Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ о стабильной работе российского сегмента Интернета стало отправной точкой в формировании цифрового суверенитета. В дальнейшем стратегический вектор получил развитие в ряде программных актов, определяющих приоритеты в технологической сфере,

включая нормативную базу для внедрения цифрового рубля, стимулирование использования отечественного программного обеспечения и регламентацию трансграничного движения данных.

Анализ показывает, что в условиях санкционного давления фрагментарная нормативная реакция трансформировалась в институционально оформленную стратегию. Она основана на сочетании адаптивных механизмов с долгосрочным правовым планированием, направленным на укрепление суверенитета, обеспечение технологической и экономической безопасности, а также стабилизацию внутреннего правового порядка. Законодательные органы Российской Федерации продемонстрировали способность не только к быстрой адаптивности, но и к формированию системного подхода к нормотворчеству, который учитывает специфику внешнеполитической конфронтации и внутренние задачи устойчивого развития.

Говоря о перспективных направлениях совершенствования законодательной техники, стоит отметить, что в современных условиях, когда правовая система России вынуждена функционировать в условиях внешнего давления и внутренней нормативной перегрузки особую актуальность приобретает не только оперативность принятия законодательных решений, но и их качество с точки зрения юридико-технического оформления. Усиление требований к структурной стройности, логической непротиворечивости и правовой определенности нормативных актов требует перехода от ситуативных решений к выстраиванию устойчивой системы законодательной техники. В этой связи представляется целесообразным обозначить основные практические направления, способствующие улучшению качества правотворчества, среди которых можно выделить следующие.

Во-первых, целесообразно активное внедрение цифровых технологий в сферу нормотворческой деятельности. Применение специализированных правовых платформ, основанных на алгоритмах логико-семантического анализа, может существенно повысить структурную целостность и связанность законопроектов. Такие системы способны выявлять пробелы, противоречия и дублирующие элементы еще на стадии подготовки текста, минимизируя риски нормативной нестыковки и повышая предсказуемость правового регулирования.

Вторым важным направлением выступает институционализация юридической экспертизы. Создание центров правовой оценки и предварительной верификации законопроектов позволит обеспечить многоуровневую проверку качества нормативного материала до его внесения в парламент. Подобные центры могут действовать при законодательных органах, академических институтах или на базе научно-образовательных платформ, выполняя функцию фильтрации и совершенствования правотворческих инициатив.

Третьим важным аспектом является совершенствование юридической техники в части логики и структуры нормативного правового акта. Простота визуального и структурного восприятия норм, особенно в социально значимых отраслях, способствует снижению правовой неопределенности и расширению правовой информированности населения. Графическая структура, иерархическая организация текста, акцентирование ключевых понятий могут быть интегрированы в практику правотворчества наряду с традиционными формами [8, с. 7].

Наряду с этим следует актуализировать методологическую базу норм проектирования. Разработка и внедрение единого свода стандартов юридико-технического оформления нормативных актов позволит унифицировать практику правотворчества на федеральном и региональном уровнях. Такие стандарты должны учитывать требования к структуре, терминологии, стилю и логике текста закона, обеспечивая преемственность и согласованность всей правовой системы [9, с. 17–22].

В целях повышения адаптивности правовой системы необходимо внедрение системы регулярного мониторинга действующего законодательства. Такая система должна фиксировать применимость, эффективность и актуальность норм, а также обеспечивать корректировку нормативной базы с учетом изменений в судебной практике, общественных потребностях и международной обстановке [10, с. 245].

Наконец, системная работа по подготовке квалифицированных кадров в области юридической техники остается ключевым элементом устойчивого нормотворчества. Образовательные программы в сфере государственной службы должны включать дисциплины, ориентированные на практику правовой логики, норм проектирования, анализа правовых последствий и моделирования законода-

тельных решений. Отсюда следует, что без совершенствования архитектуры правотворческого процесса, включающего научное сопровождение и устойчивые институциональные механизмы, невозможно обеспечить качественное развитие законодательной техники.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что современное развитие законодательной техники в условиях внешнеполитической нестабильности и внутренней трансформации требует системного, многопланового подхода. Повышение качества нормативных актов должно сочетаться с обеспечением правовой определенности.

Современные требования к законодательной технике предполагают не только соблюдение международных юридико-технических стандартов, но и учет ценностных ориентиров российской правовой системы, основанных на стратегических принципах, способствующих социальной ответственности и правового единства, что в свою очередь будет способствовать укреплению российской государственности.

Также следует развивать научные школы и исследовательские программы, направленные на осмысление и адаптацию отечественных традиций нормотворчества к современным условиям. Суверенная правовая политика невозможна без опоры на подготовленных специалистов, обладающих не только техническими навыками, но и развитым уровнем правосознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИ СПИСОК

1. Малько А. В., Гуреев С. А. Законодательная техника и эффективность современного законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 35–41.

2. Клишин А. В. Рамочные законы в российском праве: проблемы реализации и толкования // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 51–57.

3. Лазарев В. В. Проблемы юридической риторики и мобилизационной функции права // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 22–27.

4. Гуреев С. А. Правовая политика и риторика законодательства в условиях геополитических трансформаций // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 44–52.

5. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия на недружественные действия иностранных государств» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Савченко Е. Е. Экспресс-кодификация: новое явление в правовой системе России? // Lex Russica. 2022. № 11. С. 112–118.

7. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О стабильной работе российского сегмента интернета» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. С. 2212.

8. Пиголкин А. С. Законодательная техника : учебник. М. : Норма, 2020. С. 7.

9. Бабурин С. Н. Законодательная техника: сущность, структура и значение // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 17–22.

10. Сырых В. М. Теория государства и права. М. : Норма, 2021. С. 245.

УДК 340.12
ББК 67.3

«НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ» КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ Ю. Ф. САМАРИНА

Е. С. Беседина
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена анализу концепции «народной монархии» — ядра политико-правовой доктрины Ю. Ф. Самарина. Раскрывается его органическое понимание государства, где легитимность неограниченной власти монарха основана на духовно-нравственном единстве с народом, скрепленном православием и национальным сознанием. Показано, как этот идеал формировался в полемике с ключевыми конкурентами XIX века: западным абсолютизмом, николаевской бюрократией и конституционализмом, который Самарин отвергал как «организованное недоверие», противопоставляя ему идею «истинной свободы» на основе доверия. В контексте критики уваровской «официальной народности» рассматривается учение о «симфонии властей» и роль земского самоуправления как альтернативы общенациональному представительству. В заключении выявлены внутренние противоречия доктрины: ее зависимость от утопичного идеала тотального доверия, несовместимость с реалиями многонациональной империи и неготовность к вызовам ускоренной модернизации. Тем не менее наследие Самарина представляет собой системную попытку построить модель легитимности, альтернативную западному рационализму.

Ключевые слова: «Народная монархия», Ю. Ф. Самарин, славянофильство, органическое государство, симфония властей.

“PEOPLE'S MONARCHY” AS THE STATE IDEAL OF YU. F. SAMARIN

E. S. Besedina
Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the analysis of the concept of “people's monarchy” — the core of the political and legal doctrine of Yu. F. Samarin. His organic understanding of the state is revealed, where the legitimacy of the unlimited power of the monarch is based on spiritual and moral unity with the people, cemented by Orthodoxy and national consciousness. It is shown how this ideal was formed in a polemic with key competitors of the 19th century: Western absolutism, the Nicolaesan bureaucracy, and constitutionalism, which Samarin rejected as “organized distrust,” contrasting it with the idea of “true freedom” based on trust. In the context of criticism of Uvarov's “official nationality”, the doctrine of the “symphony of authorities” and the role of zemstvo self-government as an alternative to national representation are considered. In conclusion, the internal contradictions of the doctrine are revealed: its dependence on the utopian ideal of total trust, incompatibility with the realities of a multinational empire, and unpreparedness for the challenges of accelerated modernization. Nevertheless, Samarin's legacy represents a systematic attempt to build a model of legitimacy that is an alternative to Western rationalism.

Keywords: “People's monarchy”, Yu. F. Samarin, Slavophilism, organic state, symphony of authorities.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.3

Государственно-политическое наследие Юрия Федоровича Самарина, несмотря на его важную роль в славянофильском движении, до сих пор мало изучено. Между тем именно Самарин, уникальным образом сочетавший философскую глубину славянофильства и многолетний опыт практической государственной службы и участия в осуществлении реформ, смог перевести теоре-

тические постулаты течения в область конкретных политических преобразований. Ядром политических взглядов является концепция «народной монархии», представляющая собой законченный государственный идеал, альтернативный основным политическим проектам XIX века. В современную эпоху, отмеченную поиском внутренних культурно-исторических ориентиров государственного развития, обращение к этому органическому идеалу, основанному на духовном единстве власти и нации, представляется особенно значимым.

В основе государственной теории Самарина лежит органическое понимание государственной власти. Государство для него — не искусственная ассоциация, созданная по рационалистическому общественному договору, а живой организм, естественно вырастающий из народной жизни. Отсюда вытекает ключевой тезис самаринской доктрины — легитимность неограниченной власти монарха основана не на формальном законе или общественном договоре, а на духовно-нравственном единстве с народом, скрепленном православной верой и национальном сознании. В этой формуле кратко и заключается вся суть «народной монархии». На первый взгляд, как верно отмечает О.В. Груздева, сочетание «народная монархия» кажется оксюмороном, то есть совмещением несовместимого [1, с. 34]. Однако этот термин четко обозначает понимание Ю.Ф. Самариным органической легитимности власти. Русский народ видит в государе не отчужденного правителя, а «православного и русского человека от головы и до ног» [2, с. 168], в котором воплощена общая воля и судьба нации. Власть царя — это власть, не отъемлемая от народа, подобно как воля не отделима от живого тела, Прочность такой власти зиждется на доверии и убежденности в «единстве ее интересов и интересов Русской земли, в невозможности отделить первые от вторых» [3, с. 328]. Такое органическое, а не договорное понимание власти Самарин исторически обосновывает в своей ранней работе «Князь и вече». Славянофил подчеркивал, что «присутствие Варягов… так сказать запечатлело ее, дало ей внешний образ» [4, с. 101], но сама идея государства зародилась в народной жизни. В отличие от Запада на Руси не было завоеваний, а значит, не было противопоставленных друг другу групп населения, а «значит не могло быть и революций, и конституций» [5, с. 54]. Анализируя древнерусский быт, он показывал, что власть князя основывалась не на завоевании или юридическом договоре, а на нравственном признании и взаимном служении «земле». Князь обладал всей полнотой личной власти, однако он был подотчетен вече не по закону, а по совести. И даже в Новгороде, где существовали «грамоты» с условиями призвания князя, приоритетный характер носило реальное признание правителя всеми представителями общины [6, с. 18]. Этот тип отношений, где легитимность проистекает из глубинного доверия и общего дела, служил для Самарина историческим прообразом и подтверждением возможности идеала «народной монархии».

Такой идеал был возможен лишь при условии глубокого национального и религиозного единства власти и народа. Самарин отвергал модели, сводящие власть к голой силе (подобной власти Чингисхана), поскольку в таком случае нельзя говорить о верности народа, это лишь вынужденное подчинение. К абстрактной законности власть сводить также нельзя, так как «законная власть может быть употреблена и направлена так же, как и всякая другая… как орудие угнетения» [2, с. 159], а значит, такая власть не является гарантией справедливости. Не может быть власть сведена и к утилитарному «страховому учреждению», обслуживающему лишь материальные интересы (как правительство Луи-Филиппа), поскольку такая власть, лишенная национального характера, не способна, по его мнению, мобилизовать народ для жертв и подвигов. Во всех этих случаях власть, лишенная национального характера, «лишает себя возможности располагать теми силами, какие почерпает народ в любви к родной земле, в сочувствии к своим одноплеменникам» [2, с. 155]. В связи с этим подлинная сила власти и ее легитимность заключается в органической связи с народом, скрепленной общей верой и судьбой. Поэтому государство не может быть «нейтральным» в вопросах веры и народности. К такому выводу Самарин приходит во многом через горький опыт службы в Западных губерниях (Остзейском крае и Украине). Там он воочию наблюдал, как власть, стремясь к абстрактному «порядку» и опираясь на инородное дворянство, на деле потворствовала подавлению православия, ущемлению русских интересов, что, очевидно, подрывало самую основу общественной жизни. Таким образом, православие и русская национальность выступали самой сущностью «народной монархии».

Стоит, однако, отметить: принципиально важно, что в «народной монархии» православие мыслилось не внешним атрибутом, как в доктрине официальной народности С.С. Уварова, которой

противопоставляли себя славянофилы, а живой, действительной силой, созидающей национальное единство. Живой же и свободной вера может быть там, где Церковь сохраняет свою духовную независимость. «Духовная независимость сама по себе; между первой и второю [т. е. независимостью духовной и мирской] ничего нет общего… вторая не может служить ручательством за первую; напротив, призванная в подкрепление… она сгубила бы ее» [7, с. 531]. Именно поэтому Самарин был последовательным критиком петровской синодальной системы, превратившей Церковь в «казенное ведомство» и лишившей ее пророческого голоса. Потеряв эту живую духовную основу, государство вынуждено опираться на голую силу и бюрократический аппарат. В противовес этому он отстаивал идеал «симфонии властей» — не слияние, а гармоничное взаимодействие двух самостоятельных сфер, где Церковь, свободная от государственной опеки, становится подлинным духовным фундаментом, а государство, уважая ее автономию, получает прочную нравственную основу. Только такая свободная Церковь могла, по мысли Самарина, стать живой душой «народной монархии».

Вместе с тем этот идеал государства не был универсальной схемой. Напротив, он исходит из ключевого органического принципа: «Земля создает государство, а не государство Землю» [4, с. 103]. Он был убежден, что «доискаться единой, всесовершенной и безусловно применимой формы правления [есть] такое же заблуждение в области политики, какое заблуждение в области политической экономии — стремление к изобретению неприлежного мерила ценности» [2, с. 153]. Поэтому «народная монархия» мыслилась как единственно верное, естественное выражение исторического духа России, органически выросшее из собственной почвы. Эту мысль Самарин демонстрирует историческими примерами зарубежных стран: «Английская конституция как нельзя лучше облекает весь организм Англии именно потому что она не с чужого плеча на нее наброшена, её построена», а в США «трудно… бы было отыскать признаки стремления к монархической форме» [2, с. 153]. Именно из этого убеждения в уникальности национального пути проистекает и острая критика чуждых навязанных моделей.

Рассматривая последовательно эти модели, следует начать с западноевропейского абсолютизма. На формальном уровне сходство с идеалом Самарина очевидно: и та, и другая модель предполагает неорганическую власть монарха. Однако сущностные различия для мыслителя были фундаментальными. Абсолютизм возник, по его убеждению, как результат насильственной централизации и подавления местных общин, став «продуктом рационалистической мысли» и «бездушной машиной власти», главной целью которой было внешнее могущество и бюрократическая эффективность. Русское самодержавие мыслилось как органическое «естественное выражение народной жизни», где власть монарха основана на духовной связи с народом и взаимном доверии. И хотя в «народной монархии» правитель не ограничен формальным законом или деятельностью представительного органа, монарх не злоупотребляет своей властью, поскольку он сдержан самими основами народной жизни — православной верою, национальным сознанием и нравственными идеалами. Абсолютизм — искусственная конструкция, выросшая из вражды; народная монархия — живой союз, вырастающий из добровольного самоотречения личности в пользу целого. Поэтому Самарин настаивал, что «русское самодержавие в общественном сознании не должно смешиваться с деспотизмом, отжившим свой век на Западе» [8, с. 198].

Непосредственным и наиболее болезненным для Самарина проявлением этой чуждой, механической логики на русской почве была современная ему бюрократическая система николаевского образца. Опираясь на свой опыт государственной службы, он видел в ней прямое следствие и извращение абсолютистских принципов. Бюрократия представляла собой «тиранию рассудка» [8, с. 309], систему, где живое дело служения подменялось формальной отчетностью, а чиновник превращался в бездушного исполнителя. Этот аппарат создал ситуацию, когда «правительство и народ так давно разошлись друг с другом, что теперь они как будто раззнакомились» [9, с. 189]. Как отмечает О. В. Груздева, Самарин видел корень этой проблемы в появлении «лишних людей» — сословии посредника, которое отделяло власть и народ друг от друга. Если разросшийся бюрократический аппарат на Западе необходим был для внешнего могущества, то в России это привело к глубокому разрыву между государством и народом, превратив власть в отчужденную надстройку [1, с. 35]. Именно эту роль и выполняла бюрократическая система: будучи всецело зависимой от государства, она паразитировала на его связи с нацией, подменяя живое служение формальным отправлением должности.

Резко негативно Самарин относился и к конституционализму. Формированию этой позиции во многом способствовал его практический опыт службы в Остзейском крае, где он воочию наблюдал, как формальные конституционные гарантии и местное самоуправление, дарованное немецкому дворянству, стали механизмом закрепления сословных привилегий и системных угнетений православного населения. Этот опыт привел его убеждению, что конституционные модели не обеспечивают свободу, а лишь закрепляют господство одной узкой группы населения.

Для Ю. Ф. Самарина конституция была «организованным недоверием», искусственным инструментом, разрушающим органическое единство власти и народа и заменившим его формальным договором. Такое соглашение неминуемо делит единый организм нации на противоборствующие части с официально закрепленными интересами. Подлинного народного представительства при этом возникнуть не могло, так как в современных реалиях могло сложиться только господство образованного меньшинства — дворянства и бюрократии, — оторванного от народной почвы и преследующего свои узкосословные цели. «Народ не желает конституции, — утверждал Самарин, — так как верит в «добрые намерения самодержавного царя» и не доверяет другим сословиям» [10, с. 328]. Он считал, что конституционализм, будучи чуждым историческому опыту России, на практике может привести лишь к бюрократизации и централизации, народной же конституции сформироваться в условиях отрыва образованного общества от народа сформироваться не может.

Во многом в основе критики конституционализма лежит идея о существовании двух типов свобод. Для Самарина конституционализм предлагал свободу формальную — то есть ограниченную и регламентированную буквой закона, «свободу-в-рамках», которая легко вырождалась в произвол отдельной группы. Истинная же, «внутренняя» свобода русского человека заключалась в возможности добровольного, нравственного подчинения власти, которую он же сам и признает. Это свобода основана не на гарантиях против власти, а на вере в ее праведность. Конституция, таким образом, не расширяла, а убивала эту глубинную, органическую свободу.

Эта же логика имела прямое продолжение и в отношении к идее общерусского представительства, вопрос о котором актуализировался в годы перед эпохой Великих реформ. Ю. Ф. Самарин, в отличие от некоторых других славянофилов (например, К. С. Аксаков), выступавших за созыв Земского собора, считал такой путь ошибочным. Для него «земства не местного, а общерусского быть не может; общерусское представительство делается естественно государственным представительством» [11, с. 227]. Иными словами, любой общенациональный орган неминуемо превращался бы в орган власти, ограничивающий монарха, что разрушило бы принцип органического единства. Подлинное же представительство народных нужд, по его убеждению, должно было осуществляться не «наверху» в политической сфере, а «внизу» — через всесословное земское самоуправление. Земство мыслилось им не как еще один властный орган, а как «правильно организованная сила общественного мнения», живой канал связи между «землей» и царем [12, с. 7]. Строгое разграничение сфер позволяло бы народу реализовать заложенные в нем склонности к самоорганизации, не посягая на единство и полноту верховной власти.

Из этого жесткого разграничения сфер логично вытекает и конкретный, ограниченный набор функций, которые Самарин отводил государству. Он иронично замечал, что «Спаситель и апостолы создали церковь… но они не создавали государственных форм и не писали конституций» [10, с. 325]. Функция государства не в том, как перестраивать жизнь по абстрактным лекалам, а в том, чтобы быть юридическим и силовым выражением единства всей земли. Из этой ключевой функции вытекают и две другие: во-первых, роль верховного арбитра в сословных и социальных конфликтах (как например, в ходе крестьянской реформы, когда государство должно было ограничить крестьян от произвола помещиков); во-вторых, защита сложившегося общинного уклада от внешних угроз.

Таким образом, теория «народной монархии» Юрия Фёдоровича Самарина представляет собой наиболее системное и политически ориентированное выражение славянофильского государственного идеала. Основываясь на идеях органической историософии славянофильства, он предлагает систему, в которой неограниченная власть монарха получает легитимность не из формальной законности или общественного договора, а из живого духовно-нравственного единства с народом, скрепленного православной верой и народным сознанием.

Однако несмотря на всю глубину и аргументацию, невозможно не обратить внимания на внутренние противоречия, пронизывающие эту теорию. Вся конструкция «народной монархии» зиждется на тотальном, безусловном доверии между народом и монахом. Парадоксальным образом сам Ю. Ф. Самарин в своей роли трезвого критика современной власти это доверие последовательно подрывает. Его беспощадный анализ николаевской бюрократической системы и петровских реформ констатирует крах того самого идеала, который он стремится обосновать. Не предлагает концепция Самарина и ответа на вопрос, что же делать, если нравственные качества монарха оставляют желать лучшего.

Не менее фундаментальные противоречия проистекают из несоответствия национального характера самаринского идеала многонациональной и поликонфессиональной реальности Российской империи. Ю. Ф. Самарин, сталкиваясь с эти противоречием на практике, предлагал не политико-правую модель интеграции, а стратегию по сути ассимиляции и подчинения инородных элементов русскому началу. Таким образом, органический идеал, призванный преодолеть формализм и отчуждение, на имперской почве рисковал обернуться инструментом жесткой унификации, подавляющей иную органику — жизнь иных народов империи.

Еще одной уязвимостью органической теории является ее неготовность к вызовам модернизации. Призыв Самарина к «благоразумной осторожности» и вере в то, что подлинные формы жизни разовьются сами в свой срок, вступала в противоречие с императивами эпохи (как, например, необходимость отмены крепостного права) и напрямую угрожала безопасности и стабильности империи, о чем сам же Самарин неоднократно заявлял. Более поздняя история развития нашего государства также проиллюстрировала, что в условиях системного кризиса или внешнего давления у государства может не быть времени на ожидание органического созревания «здоровых начал».

Несмотря, однако, на эти уязвимости, политико-правовое наследие Ю. Ф. Самарина сохраняет значительную теоретическую ценность. Оно представляет собой уникальную попытку построить модель легитимности, альтернативную как западному рационалистическому конституционализму, так и бюрократическому абсолютизму, выводящую силу власти из духовного консенсуса нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Груздева О. В. Идея «народной монархии» в работах Ю. Ф. Самарина // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 34–42.

2. Самарин Ю. Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России? // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 152–169.

3. Самарин Ю. Ф. Письма М. П. Погодину. 1841–1871 // Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Русское самосознание. СПб. : Росток, 2016. С. 315–334.

4. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 85–152.

5. Самарин Ю. Ф. О двух началах нашей народности, православии и самодержавии // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 49–58.

6. Самарин Ю. Ф. Вече и Князь // Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Русское самосознание. СПб. : Росток, 2016. С. 7–22.

7. Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. Ответ иезуиту отцу Мартынову. Письмо третье // Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Церковь и общество. СПб. : Росток, 2014. С. 522–537.

8. Самарин Ю. Ф. По поводу книги «L'ancien regime et la revolution par Alexis de Tocqueville» // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 309–310.

9. Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 177–200.

10. Самарин Ю. Ф. По поводу толков о конституции // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 325–330.

11. Самарин Ю. Ф. Письмо к И. С. Аксакову // Ю. Ф. Самарин 1840–1876 Статьи. Воспоминания. Письма. М. : ТЕРРА-TERRA, 1997. С. 227.

12. Самарин Ю. Ф. О проекте земских хозяйственных учреждений. 1-е изд. М. : тип. Бахметева, 1863. 70 с.

УДК 34
ББК 67.1

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА ЕВРАЗИЙЦЕВ В ОЦЕНКЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1920–30-Е ГГ.

Ю. А. Зеленин, О. Г. Моисеева, В. В. Русанов
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В работе исследуется оценка политико-правовой доктрины классического евразийства в эмигрантской литературе 1920–30-е гг. Авторы приходят к выводу, что публикациях П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, М. В. Вишняка, С. И. Гессена, И. А. Ильина, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, Ф. А. Степуна, Г. В. Флоровского и др. намерение идентифицировать мировоззрение евразийцев сочеталось с преимущественно негативной оценкой их политических и юридических взглядов. Таким образом, евразийство, прежде чем стать уважаемым и признанным идейным течением, было за редким исключением резко осуждено современниками, представлявшими разные идеологические течения от правого до левого спектра. Евразийство критиковали за его вторичность, обвиняли в неполноценном консерватизме, утопическом этатизме и даже фашизме.

Ключевые слова: евразийство, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, М. В. Вишняк, С. И. Гессен, И. А. Ильин, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, Ф. А. Степун, Г. В. Флоровский.

THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF THE EURASIANS IN THE ASSESSMENT OF EMIGRANT LITERATURE IN THE 1920S AND 30S

Yu. A. Zelenin, O. G. Moiseeva, V. V. Rusanov
Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines the assessment of the political and legal doctrine of classical Eurasianism in the emigrant literature of the 1920s and 30s. The authors conclude that Eurasianism, before becoming a respected and recognized ideological trend, was, with rare exceptions, sharply condemned by contemporaries representing different ideological trends from the right to the left spectrum. Eurasianism has been criticized for being secondary, accused of inferior conservatism, utopian statism, and even fascism.

Keywords: Eurasianism, P. B. Struve, N. A. Berdyaev, M. V. Vishnyak, S. I. Gessen, I. A. Ilyin, A. A. Kiesewetter, P. N. Milyukov, F. A. Stepun, G. V. Florovsky.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.4

Евразийство, сразу заявившее себя как влиятельное идейное течение, вызвало живой, зачастую резко критический, интерес среди ученых и публицистов русской эмиграции в 20–30-е гг. XX в. В публикациях П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, М. В. Вишняка, С. И. Гессена, И. А. Ильина, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, Ф. А. Степуна, Г. В. Флоровского и др. намерение идентифицировать мировоззрение евразийцев сочеталась с преимущественно негативной оценкой их политических и юридических взглядов. Положительные оценки, наоборот, были довольно редки [1, 2, 3]. В данном исследовании мы не предпринимаем попытку объяснить причины такой резкой критики евразийства, как справа, так и слева, и будем придерживаться презумпции идейных разногласий, хотя некоторые исследователи усматривают и личные мотивы отдельных публицистов и мыслителей [4, 5].

Одним из самых первых критиков евразийства был видный ученый, публицист, либеральный консерватор П. Б. Струве. Он называл евразийство смесью «из запахов, идущих от гниения револю-

ции, как жизненного факта и как идеологии, и запахов, идущих от подлинной и свежей любви к нации и от духовного слияния с Церковью» [6, с. 376]. Однако он отмечал, что эти «элементы здорового консерватизма в произведениях евразийцев пока выражены довольно слабо» и в них довольно ярко проявляются «апологетические тенденции по отношению к настоящему, идеализация его самых злых сторон» [7, с. 328].

В своей статье «Россия» (1922) П. Б. Струве относил евразийство, наряду с национал-большевизмом, к «гибридным формам идеологий, порожденным революцией». Оно, по его мнению, «внешним образом продолжает традицию славянофильства». Но если, по мнению П. Б. Струве, для славянофильства был характерен определенный универсализм, то евразийство представляет из себя партикулярную доктрину, которая строится на противопоставлении России романо-германской цивилизации и «сводится к утверждению культурно-расовых особенностей народов евразийского мира». Более того, он утверждает, что «поскольку евразийство подчеркивает и ставит во главу угла всего исторического понимания судеб России родственность русской культуры с азиатским Востоком, постольку оно объективно странным образом воспроизводит доктрину одного славянского ненавистника России, некого поляка Духинского, который более чем 50 лет тому назад проповедовал, что «московиты» суть восточная, туранская раса, лишь поверхностно соприкоснувшаяся с западной, славянской культурой, усвоившая себе скандинавское название «русских» и славянский язык» [8, с. 335–336].

В статье «Евразийцы» религиозный философ Н. А. Бердяев отмечает, что с идейной точки зрения евразийство не является оригинальным и воспроизводит идеи классического славянофильства и в особенности Н. Я. Данилевского. Это, по его мнению, скорее эмоциональное, чем интеллектуальное течение: «эмоциональность его является реакцией творческих религиозных и национальных инстинктов на происшедшую катастрофу» и «такого рода душевная формация может обернуться фашизмом» [9, с. 134]. К положительным чертам евразийства Н. А. Бердяев относит «пореволюционую бодрость», отсутствие «вульгарного реставраторства», «примат культуры над политикой», а к отрицательным — попытку возврата к языческому партикуляризму, замкнутость, «номиналистическое отрицание реальности человечества», «татарско-азиатскую статичность», «отрицание духовного аристократизма» и др. [9, с. 134–139].

В следующей статье он также оценивает позитивно их политический реализм и защищает их от обвинений в сменовеховстве и приспособлении к большевистской власти [10, с. 141]. Однако исходя из их позиционирования себя как ортодоксально-православного течения, автор статьи относит евразийство к «оптимистически-монистической идеологии», наподобие марксизма, из-за примата необходимости над свободой, коллектива над личностью и отсутствия нравственной оценки политики.

Опасной стороной евразийства Н. А. Бердяев считает утопический этатизм. Он приходит к парадоксальному выводу, что своим этатизмом и рациональным конструктивизмом евразийцы порывают с традициями русской национально-религиозной мысли (славянофилами и Достоевским) и «вступают на путь европеизации и американизации России» [10, с. 143–144]. Он отмечает, что на данном этапе евразийцы являются в большей степени «выразителями империалистической идеи, татарско-чингисханской и немецко-петровской, чем русских духовных упований», но оно может сыграть положительную политическую роль, если освободится «от соблазнов утопии, от эксцессов этатизма, от вожделений диктатуры партии» [10, с. 141–144].

В более поздних трудах его позиция по отношению к евразийству принципиально не изменилась. Так, в работе «Самопознание» (1940), он отмечает, что с евразийцами у него «были личные отношения», они к нему «относились хорошо», искали у него «поддержку от нападений старой эмиграции», а он в свою очередь, сочувствовал пореволюционной молодежи, в том числе и евразийцам, которые «примирились с тем, что произошел социальный переворот и хотели строить новую Россию на новой социальной почве». К характерным чертам евразийства (которые сам Н. А. Бердяев называет «чуждыми» и «враждебными» для его мировоззрения) он относит «восточничество» (враждебность западной культуре), «бытовое исповедничество» (обрядовое восприятие православия) и этатизм [11, с. 259]. Также симптоматично, что в своей итоговой работе о русской общественной мысли «Русская идея» (1946) Н. А. Бердяев ни разу не упоминает евразийства.

Не менее резкой критике подверг евразийство известный либеральный историк и публицист Павел Николаевич Милюков. Еще в 1922 г. он отметил: «…с людьми, которые борются против старой интеллигентской идеологии, у нас спор очень давний и долгий. В двух словах мы согласны с их возражениями против старого интеллигентского максимализма. Но мы возражаем против нового — тоже максимализма и тоже интеллигентского… Скажу только, что можно быть национальным без мистики, без старого «вехизма» и без нового «евразийства» [12, с. 32].

Более основательную попытку критики евразийской идеологии П. Н. Милюков предпринимает в своей статье «Третий максимализм». Он подчеркивает, что сам этот термин является одним из самоназваний евразийцев, предложенное П. П. Сувчинским. Последний назвал евразийство как третью систему идей, пришедшую на смену социал-коммунистическому и реставрационному максимализмам. П. Н. Милюков отрицает новизну и научность евразийской идеологии: «Не ново, потому что оно, в сущности, построено в том же стиле и даже с теми же деталями, как и здание, в свое время противополагавшееся прежнему максимализму. Неверно, потому что построенное с определенными задними мыслями, оно искусственно подгоняет к ним те верные «научные истины», которые кладет в свою основу» [13, с. 74].

Далее П. Н. Милюков критикует евразийцев за их метафизический реализм, приведший их к географическому и культурно-историческому абсолютизму, включая отрицание всемирно-исторического прогресса: «С «расчленением по отраслям» культуры и с забвением ступеней развития их история безнадежно рассыпается в куски, ничем не связанные. Какой громадный регресс даже сравнительно с другим их учителем — Константином Леонтьевым, у которого представление о неизбежной, роковой смене стадий развития каждого народа составляло основной стержень и нерв его учения» [13, с. 75–76].

Наиболее резок по отношению к евразийцам П. Н. Милюков в своей рецензии «Русский расизм» (1926) на их программный документ «Евразийство — опыт систематического изложения». Истоки идеологии евразийства он видит не в старом славянофильстве, у которых в доктрине «было слишком много гуманного и общечеловеческого», а в учении их эпигонов К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского об «исторических типах и о гибели цивилизаций не восточным, а западным путем». За попытку реставрации этого варианта русского славянофильства он называет их «настоящими русскими расистами» [14, с. 104]. Также он критикует их за определенную апологию большевистской революции: «в советской победе они торжествуют гибель западнического идеала и освобождение масс для построения идеала евразийского» [14, с. 105].

Неонародник, демократический социалист Марк Вениаминович Вишняк критиковал евразийство за его антидемократизм [15, с. 322, 334]. Именно в отрицании демократии он усматривал «духовное родство и внутреннюю политическую близость» большевизма и евразийства: «Не столь существенно различие в благих целях у коммунистов и евразийцев, сколь их схожесть в положительной оценке советской системы, в принятии форм и методов советского управления» [16, с. 489–490].

Религиозный философ Г. Ф. Флоровский, бывший одно время сторонником евразийства, в статье «Евразийский соблазн» (1928) видит «евразийскую правду» только в постановке вопросов, но сами решения, предложенные евразийством, считает «соблазнительными грезами» и идейным тупиком [17, с. 237]. Историософию евразийства он рассматривает как «натуралистическую мифологию» и считает, что «в евразийском патриотизме слышится только голос крови и голос страсти, буйной и хмельной», а не голос совести [17, с. 241–242]. Определенную симпатию евразийцев к большевикам он оценивает следующим образом: «В этих «ворах» евразийцы увидели «воплощение государственной стихии»… И потому евразийцы сознательно и хотят быть «следственниками современного большевизма», «следственниками советской государственности», в психологии и типе, в пафосе и внутреннем строе. Они хотят и призывают равняться по большевистскому примеру и типу, только переменив «конструктивный принцип» с безбожного на религиозный» [17, с. 242].

Более того, он даже рассматривает евразийство, наряду с марксизмом, как один из плодов протестантского рационализма: «В евразийской утопии противоречиво переплетаются и спаиваются мотивы органической теории и самого острого, просвещенского рационализма. Здесь евразийцы повторяют марксизм, во всех его внутренних неувязках, с его сочетанием эволюционного фатализма

и революционного пафоса… В известном смысле, марксизм, как историческая философия, завершает диалектику протестантской мысли» [17, с. 249].

Евразийство, в его понимании, нельзя полностью считать соответствующим православию: «Евразийцы чувствуют православную стихию, переживают и понимают православие как историко-бытовой факт, как подсознательный «центр тяготения» евразийского мира, как его (именно его) потенцию. И вместе с тем конкретно-практические задачи Евразии они определяют совсем не по этому «центру», не из живого православно-культурного самосознания, но из размышлений теософического, этнического, государственно-организационного порядка» [17, с. 259].

Также он усматривает определенные этатистские тенденции в евразийстве: «в евразийском «государственном максимализме» заложен острый и кощунственный соблазн. В евразийском толковании все время остается неясным, что есть культура (или «культуро-субъект») — становящаяся Церковь или становящееся государство» [17, с. 261]; «…в их избрании и воле Восток Ксеркса победил Восток Христа, «Восток свыше»» [17, с. 265].

Известный философ и правовед С.И. Гессен также отрицает за евразийством право на идейную целостность и самобытность, описывая его как «идеологическую амальгальму». Новизну евразийства он видит в тотальности и радикализме их критики: «Какая-то подлинная глубина и объективность чувствовались в этом обобщении вины за происшедшее падение России на всех участников гражданской войны — красных и белых, «демократов» и «контр-революционеров», в этом требование покаяния и пересмотра всех старых идеологий» [19, с. 495]. Идеологическая амальгальма правых и левых идей в евразийстве позволяет автору сравнить его с итальянским фашизмом [19, с. 499].

По мнению другого либерального историка и публициста А.А. Кизеветтера, евразийство не является развитой идеологией. Он, по его словам, всего лишь «настроение, вообразившее себя системой» [19, с. 266]. Это настроение, как он считает, возникло из ощущений, навеянных двумя событиями: Первой мировой войной, которая воспринималась как результат кризиса европейской культуры и большевистской революции. Он отмечает двойственное отношение евразийцев к большевизму: «Отвергая большевизм во всех его основных положениях, евразийцы, тем не менее, находят для себя в большевизме ряд родственных мотивов постольку, поскольку большевизм ставит себе задачей ниспровергнуть предшествующую европейскую культуру» [19, с. 267].

Также он критикует евразийство за «борьбу против европейских элементов в русской культуре», отрицание линейного прогресса и общечеловеческих ценностей [19, с. 269–271]. А.А. Кизеветтер отрицает значительное влияние ордынского фактора на становление русской государственности: «Общеизвестно, что татарские образцы сыграли некоторую роль в развитии государственной техники в Московском государстве. Но отсюда еще очень далеко от того, чтобы признать, что Московское государство сложилось в форме татарской орды и было обязано татарскому руководительству всеми основами своей государственности» [19, с. 275].

Он считает, что у евразийства нет достаточно разработанной политической доктрины: «они лишь утверждают, что и политическое устройство Евразии должно быть основано на азиатских, а не на европейских началах» и не приемлют парламентаризма, «считая его таким же тлетворным исчадием европеизма, как и материализм и атеизм». Он предполагает, что политически идеалом евразийцев является «допетровская патриархальная монархия, которую они как будто склонны считать национальной политической формой русской народности» [19, с. 277–278].

В своей рецензии на «Начертание русской истории» Г. Вернадского А.А. Кизеветтер более подробно критикует историческую концепцию евразийцев за ее ненаучность и характеризует последнюю как «геополитическую мистику»: «Автор «Начертания» пользуется «теорией месторазвития»… для того, чтобы признать затем Евразию … за тот кусок нашей планеты, который был «предсоздан» для образования на нем евразийского государства. Для историка, стоящего на почве научного мировоззрения, освоение русским народом всей этой территории является результатом сцепления множества процессов хозяйственной колонизации и политической борьбы. А для автора «Начертания» все объясняется неустранимой внутренней логикой месторазвития» [20, с. 2].

Специальная критика политико-правовой доктрины содержалась в рецензии «Пророки» (1925) известного социолога права Г.Д. Гурвича, который в резкополемической форме разбирает статьи

В. М. Шахматова («Государство-правды») и В. Н. Ильина («Столп злобы богопротивной»). Он приходит к выводу, что «особенности психологии евразийства» сводятся к «сочетанию крайнего невежества и неспособности логически мыслить, к исключительным самомнению и самонадеянности» [21, с. 3].

Эсеровский публицист М. Слоним считает, что в теоретических построениях евразийцев «много противоречий, отзвуков славянофильства, мистического тумана» [22, с. 10]. Единственным существенным достоинством евразийцев он считает то, что они «почувствовали революцию», «ее грандиозность, ее катастрофичность» и «поняли, что старое не воскреснет» [22, с. 11]. Однако вместо реальной практической деятельности евразийцы предлагают «революцию духа». Он согласен с евразийцами о роли России как моста между Востоком и Западом и признает удачным термин «Евразия», но считает неверной идею, что сближение будет осуществляться с помощью православия [22, с. 20]. По его мнению, подкупающий пафос евразийства убивается его догматизмом: «тяжелый груз предвзятых теорий, книжного мистицизма и церковности обессилил этот порыв и превратил интересную попытку в сектантски догматическую и безжизненную схему» [22 с. 21].

По мнению русско-французского писателя, литературного и музыкального критика, являвшегося другом П. П. Сувчинского, Б. Ф. Шлецера (1881–1969), корни евразийского учения восходят к славянофильству и оно «сочетается с определенно неославянофильским русским мессианизмом: европейское человечество — безнадежно больное, России предстоит спасти его, явив нам новую форму жизни» [23, с. 341]. Он выделяет следующие черты евразийской идеологии: «множественность культурных типов (культурный релятивизм); самостоятельность путей России, своеобразие ее культурного бытия (Евразия); отрицательная оценка европейской культуры, переродившейся в цивилизацию (закат Европы); утверждение грядущей культуры России как религиозной, православной; надежды, возлагаемые на церковь, теократические, быть может, даже мечты; националистическая мистика и в связи с этим антисоциалистические тенденции (славянофильский мессианизм)» [23, с. 341–342]. Б. Ф. Шлецер, в отличие от многих других критиков евразийства, к «объективной ценной» части евразийского учения относил «мысль об «особых путях России», о географическом, физическом своеобразии этого мира, отличного от европейского, способного выработать свои формы жизни», выраженную, прежде всего, в публикациях П. Савицкого [23, с. 341–342]. Но в целом, как и многие другие, считал, что евразийство ценно и интересно не положительными идеалами, а «отрицанием своим, критикой, острым сознанием кризиса европейской культуры…» [23, с. 347].

Русско-немецкий философ, христианский демократ и социалист Ф. А. Степун (1884–1965) характеризует евразийство как «художническое миросозерцание», «художническую эмоцию», отличающееся зоркостью в диагностике пореволюционной России и фантастичностью планов ее исцеления [24, с. 404]. Он высоко оценивает у евразийцев «онтологическое ощущение России, как живого существа, как лица» и подчеркивает, что современность «евразийствует, но современность всегда, по крайней мере на шаг, отстает от своего времени, и в этом вся проблема евразийства, не как художнической эмоции, а как политического миросозерцания» [24, с. 401]. Стержневыми идеями евразийства он считает «антинароднический державный национализм» (носителем национальной идеи у них является не народ, а интеллигенция) и «евразийский консервативный бытовизм» (эмпирически-духовное исповедание православия) [24, с. 401–402].

Ф. А. Степун одним из первых сравнивает евразийство с фашизмом: «Против монархической реставрации; за большевицкую эмоцию, но против коммунистического социализма; и прежде всего и страстнее всего против демократии — все это, взятое вместе, дает достаточное основание к определению евразийства как русского фашизма» [24, с. 404]. В своей поздней статье 1967 г. он уже более осторожен в своих оценках и характеризует евразийство как «антиевропейскую идеологию» [25, с. 44].

Известный консервативный философ и правовед И. А. Ильин в статье «Идейный оползень» также критиковал определенную симпатию евразийцев к большевистской революции: «Наряду с общим осуждением и даже подчас отвращением от этого величайшего в мире злодеяния они тогда уже пытались вложить в революцию свой особый «евразийский» смысл» [26 с. 272].

Далее он осуждает и иронизирует над евразийским признанием революции как факта: «Фактопоклонство… Но разве гений Петра Великого и его дело во всем его величии и с некоторыми его

ошибками — не факт! И дивная русская культура, расцветающая на протяжении 200 лет после Петра, во всем ее глубоком, русском своеобразии, насажденная и вскормленная Православием и закрепленная монархическим правосознанием, — не факт! Почему же господа «евразийцы» не преклоняются этому факту? Почему же они предпочитают «поклоняться» разрушительным гнусностям третьего интернационала?.. Что же ими руководит, неотменимость факта или идейное сочувствие?» [26, с. 277]. По его мнению, то общее, что объединяет евразийцев и большевиков — это «разрушение и искоренение русской культуры, совершенное за восемь лет большевиками» [26, с. 279].

И.А. Ильин ратует за духовный, а не материальный (экономический как у большевиков или географический/этнографический как у евразийцев) критерий: «Отвергать западное надо совсем не постольку и не потому, что оно «романо-германское», а лишь потому и постольку, поскольку оно религиозно-несостоятельное, ложное, пошлое, больное или нам ненужное... Добро и зло не имеют «востока» и «запада»: зло и на востоке зло; добро и на западе добро» [26, с. 281]. В этом он, в том числе, видит и психологическую причину признания факта большевистского переворота евразийцами: «Самая основная «идея» их — имеет характер географический и этнографический. Они спрашивают, не в чем качественная природа добра и зла, а в какую сторону света повернуться; они ищут не верного строения духа (об этом не проронено ни слова!), а верный материк: они признают победителем не верного и сильного духом, а сильного числом. Ими, как и большевиками, владеет пафос силы, объема, числа, пафос «планетарного» размаха. Как и все несильные люди, они не выдерживают длительного торжества злодея и в «победившем» злодее они готовы искать приемлемые черты» [26, с. 281–282]. Также в этой статье И.А. Ильин проводит интересную квалификацию евразийского движения. Он выделяет три концентрические группы людей называющих себя евразийцами: 1) «вожаки-агитаторы»: к ним он относит П. Савицкого, Н. Трубецкого и П. Сувчинского; 2) «взвинченные ими и поддавшиеся им (может быть, временно?) начинающие публицисты»: Флоровский, В.Н. Ильин и Я. Садовский; 3) «неопределенный кадр патриотической зарубежной молодежи, — молодая аудитория, сочувствующая «всему высокому и прекрасному» и не разглядевшая еще характер преподносимых ей идей». Таких ученых и публицистов, как А.В. Карташева, Н.С. Арсеньева, Э. Сеземана, Г.В. Вернадского, П.М. Бицилли и М.В. Шахматова, он вообще отказывается причислять к евразийскому движению, так как публикации последних «имеют объективный, ответственный, религиозно-патриотический характер и могли бы появиться в любом русском национальном журнале» [26, с. 269].

В другой, тоже резко полемической статье «Самобытность или оригинальничание» он называет евразийцев идейными знахарями и демагогами, так как они, по его мнению, хотят упрощенное объяснение самобытности России: «Какая глубокомысленная, какая прозорливая «теория»!.. За последние двести лет Россия якобы утратила свою самобытную культуру потому, что она подражала Западу и заимствовала у него; чтобы восстановить свою самобытность, она должна порвать с германо-романским Западом, повернуться на Восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингисхан и татары...» [27, с. 305]. Называет евразийство «чингиз-хамством...» [27, с. 307].

По его мнению, следование евразийскому учению ведет не к возврату утраченной самобытности, а к смене одного заимствования на другое: «Этот рецепт совсем не противопоставляет русскую самобытность — заимствованию; нет, он противопоставляет одно заимствование и подражание, неодобряемое — другому заимствованию и подражанию, похвальному: долой пресмыкание перед Западом! да здравствует пресмыкание (кизяк!) перед Востоком! Перестанем быть полунемцами, полуфранцузами! Станем истинно русскими татарами...» [27, с. 308].

Таким образом, раннее евразийство, прежде чем оно стало уважаемым и признанным идейным течением, было резко критически оценено представителями различных идеологических течений. Его обвиняли во вторичности, в неполноценном консерватизме, утопическом этатизме и даже фашизме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устрялов Н.В. Понятие государства // Вестник китайского права. Вып. 1. Харбин, 1931. С. 11–23.

2. Устрялов Н.В. Интеллигенция и народ в русской революции // Устрялов Н.В. Под знаком революции. Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. / ред.-сост. М.А. Колеров. М., 2017. С. 202–221.

3. Ширинский-Шихматов Ю. А. Российский националмаксимализм и евразийство // Евразийский сборник VI. Прага, 1929. С. 25–31.

4. Колеров М. Как и зачем Иван Ильин искал союза с евразийцами в 1923–1925 годах. URL: https://regnum.ru/news/innovatio/2952518.html

5. Половинкин С. М. Г. В. Флоровский и евразийство // Вестник РХГА. 2014. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/g-v-florovskiy-i-evraziystvo.

6. Струве П. Б. «Евразийство». По поводу сборника «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» // Русская мысль. 1922. № 6–7.

7. Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 319–330.

8. Струве П. Б. Россия // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 331–349.

9. Бердяев Н. А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.

10. Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 141–144.

11. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.

12. Милюков П. Н. Россия и демократическая эмиграция (доклад в первом публичном заседании Республиканско-демократического клуба в Праге, 5 июня 1923 г.) // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М. : РОССПЭН, 2012. С. 23–37.

13. Милюков П. Н. Третий максимализм // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М. : РОССПЭН, 2012. С. 32.

14. Милюков П. Н. Русский расизм // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М. : РОССПЭН, 2012.

15. Вишняк М. В. Оправдание демократии: [полемика с Л. П. Карсавиным] // Современные записки. 1923. Кн. 16 (III). С. 322–349.

16. Вишняк М. В. Алексеев Н. Н. На путях к будущей России. (Советский строй и его политические возможности), Париж, 1927: [жрец.] // Современные записки. 1927. Кн. 32. С. 489–490.

17. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 237–265.

18. Гессен С. И. Евразийство: [рец. на кн.: Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4)] // Современные записки. 1925. Кн. 25. С. 494–508.

19. Кизеветтер А. А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 266–278.

20. Кизеветтер А. А. Русская история по-евразийски // Руль. 1927. 27 ноября. С. 2.

21. Гурвич Г. Д. Пророки // Дни. 1925. № 796. 23 июня. С. 3.

22. Слоним М. Евразийцы // Воля России. 1922. № 2. С. 9–21.

23. Шлецер Б. Ф. «Закат Европы»: [о сб. «На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. (Берлин, 1922) и о сб. «Освальд Шпенглер и закат Европы» (М., 1922)] // Современные записки. 1922. Кн. 12. С. 339–348.

24. Степун Ф. А. Евразийский временник (Берлин, 1923, Кн. 3): [ж. рец.] // Современные записки. 1924. Кн. 21. С. 400–406.

25. Степун Ф. А. Россия между Европой и Азией // Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 40–49.

26. Ильин И. А. Идейный оползень // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 268–288.

27. Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 303–309.

УДК 340.151
ББК 66.1

ДИАЛЕКТИКА «ЛИ» И «ФА»: СИНТЕЗ РИТУАЛА И ЗАКОНА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ (ДО III В. ДО Н. Э.)

Н. А. Панькина

Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний Новгород, Россия)

В статье исследуется процесс формирования уникальной правовой модели Древнего Китая, основанной на диалектическом взаимодействии и последующем синтезе ритуально-этической системы «Ли» и легистского позитивного закона «Фа». Анализируются философские основания этих категорий в учениях конфуцианства, легизма, даосизма и моизма, а также их институциональное воплощение в сферах уголовного, семейного и наследственного права. Доказывается, что к III в. до н. э. в древнекитайском праве сформировалась устойчивая гибридная система, где «Ли» определяло этические цели и содержание правовых норм, а «Фа» обеспечивало механизмы их формального применения и принудительного исполнения. Этот синтез заложил основу для последующего развития китайской правовой традиции на тысячелетия вперед. Исследование актуально в контексте преодоления евроцентристской парадигмы в сравнительном правоведении и углубленного понимания правовых основ китайской цивилизации.

Ключевые слова: Древний Китай, право, Ли, Фа, конфуцианство, легизм, синтез, ритуал, закон, сравнительное правоведение, диалектика, государственное управление.

THE DIALECTIC OF LI AND FA: SYNTHESIS OF RITUAL AND LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF ANCIENT CHINA (BEFORE THE 3RD CENTURY BCE)

N. A. Pankina

Volga State University of Water Transport (Nizhny Novgorod, Russia)

This article examines the formation of a unique legal model in ancient China based on the dialectical interaction and subsequent synthesis of the ritual-ethical system of Li and the legalistic positive law of Fa. The philosophical foundations of these categories in the teachings of Confucianism, Legalism, Daoism, and Mohism are analyzed, as well as their institutional embodiment in the spheres of criminal, family, and inheritance law. It is demonstrated that by the 3rd century BCE, a stable hybrid system had emerged in ancient Chinese law, where Li defined the ethical goals and content of legal norms, while Fa provided the mechanisms for their formal application and enforcement. This synthesis laid the foundation for the subsequent development of the Chinese legal tradition for millennia to come. This study is relevant in the context of overcoming the Eurocentric paradigm in comparative law and deepening understanding of the legal foundations of Chinese civilization.

Keywords: Ancient China, law, Li, Fa, Confucianism, Legalism, synthesis, ritual, law, comparative law, dialectic, public administration.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.5

Современная сравнительно-правовая наука переживает методологический кризис, связанный с преодолением устоявшейся евроцентристской парадигмы. Традиционное правоведение зачастую ограничивается изучением западноевропейских правовых моделей, оставляя без вни-

мания оригинальные правовые системы Востока, что создает искаженную картину мирового правового развития [1, с. 45]. В условиях глобализации возрастает интерес к альтернативным правовым традициям, требующим диалога равных правовых культур, а не механического распространения западных стандартов. Особый интерес в этом контексте представляет китайская правовая традиция, являющаяся одной из древнейших в мире и демонстрирующая уникальные пути правового развития.

Несмотря на признанную уникальность китайской правовой традиции, в отечественной науке сохраняется значительный пробел в комплексном изучении древнекитайского права как целостной системы, основанной на синтезе нормативных регуляторов [3, с. 118]. Работы российских ученых (Л. С. Переломов, М. Ю. Ульянов) преимущественно сосредоточены либо на философских аспектах правовых учений, либо на отдельных исторических периодах [4, 5]. Комплексных исследований, рассматривающих право Древнего Китая как развивающуюся систему с присущим ей механизмом взаимодействия различных нормативных регуляторов, до сих пор недостаточно.

Цель данной статьи — восполнить этот пробел, проанализировав диалектическое взаимодействие ритуала («Ли») и закона («Фа») как ключевых категорий китайской правовой мысли до III в. до н. э. Именно в синтезе этих понятий следует искать истоки уникальности, устойчивости и адаптационной способности китайской правовой традиции [6, с. 204].

Задачи исследования:

1. Раскрыть философско-этическую сущность «Ли» и его функции в системе социального регулирования.

2. Проанализировать легистскую доктрину «Фа» как технологию государственного управления.

3. Рассмотреть влияние альтернативных философских учений (даосизма, моизма) на правовую мысль.

4. Проследить историческую эволюцию взаимодействия «Ли» и «Фа» от конфликта к синтезу.

5. Выявить конкретные проявления синтеза «Ли» и «Фа» в уголовном, семейном и наследственном праве.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу древнекитайской правовой системы как динамической модели, где этико-ритуальные и легистские элементы не просто сосуществовали, а вступали в диалектическое взаимодействие, результатом которого стало создание устойчивой гибридной конструкции.

Философско-этический императив «Ли»: ритуал как основа социального порядка. Понятие «Ли» (礼) является центральной категорией не только конфуцианской этики, но и всей социально-политической мысли Древнего Китая. Изначально, в доконфуцианский период, «Ли» относилось к религиозным жертвоприношениям и церемониям, выполняемым для поддержания социального и космического порядка [7, p. 345]. С помощью правильного выполнения ритуалов в подобающие моменты времени человек делал невидимый мировой порядок видимым, гармонизируя социальный, земной и небесный миры [8, с. 56]. Эта изначальная связь с космологией придавала «Ли» характер высшей, сакральной нормы.

Конфуцианцы переосмыслили это понятие, наполнив его глубоким этическим содержанием. Они рассматривали «Ли» как формальные социальные роли и институты, которые древние мудрецы-правители вывели из космических моделей для упорядочивания жизни общины [9, p. 112]. Таким образом, «Ли» эволюционировало от религиозного ритуала к всеобъемлющему коду цивилизованности, определяющему надлежащее поведение человека во всех сферах жизни — от семейных отношений до управления империей. Как отмечает А. И. Кобзев, «Ли» представляло собой «сложный синтез нормативных регуляторов, где правовые нормы были неотделимы от этических и ритуальных предписаний» [3, с. 120].

К периоду Чжаньго («Сражающихся царств», V–III вв. до н. э.) «Ли» сформировалось как комплексная система социального регулирования, выполнявшая ряд ключевых функций:

▪ Этико-нормативная функция: «Ли» представляло собой систему «объективных» предписаний поведения, которые связывали людей в сетях взаимодействующих ролей внутри семьи, общества и потустороннего мира. Оно «очеловечивало» или «цивилизовало» индивида, отличая его от животных, и позволяло ему исполнять свои надлежащие роли (родителя, ребенка, правителя, подданного), под-

державая тем самым пять фундаментальных отношений (у лунь), лежащих в основе социальной гармонии: отца и сына, правителя и подданного, мужа и жены, старшего и младшего братьев, друзей.

▪ Политико-управленческая функция: Конфуций представлял себе правильное управление как руководствующееся принципами «Ли». Правительство, основанное на «Ли», противопоставлялось управлению посредством уголовных наказаний. «Ли» рассматривалось как абстрактная сила, делающая возможным само существование государства. В «Лунь Юе» прямо утверждается: *«Если направлять народ посредством добродетели и упорядочивать с помощью ритуала, то народ будет знать стыд и будет искренне устремляться [к правильному]»* [10, 2:3].

▪ Социально-стабилизирующая функция: «Ли» цементировало общество, давая опору индивидууму, чье социальное место и поведение были четко регламентированы. Нормы «Ли», обладая громадным авторитетом, были санкционированы социально выработанным опытом, признаны большинством общества и обеспечивали предсказуемость социальных взаимодействий [11, с. 89].

Правовая доктрина Конфуция, изложенная в «Лунь Юе», представляет собой целостную систему, в которой право растворяется в этике. Первичными являются категории морали («Дэ») и ритуала («Ли»), а правовые нормы («Фа») и наказания («Син») носят подчиненный, вспомогательный характер. Классическое высказывание Конфуция иллюстрирует это:

《论语·为政》: «子曰：«道之以政，齐之以刑，民免而无耻；道之以德，齐之以礼，有耻且格。'»

Перевод: «Учитель сказал: „Если направлять народ посредством законных распоряжений [政, чжэн] и упорядочивать его с помощью наказаний [刑, син], то народ будет стремиться избегать [наказаний], но не будет испытывать стыда. Если же направлять его посредством добродетели [德, дэ] и упорядочивать с помощью ритуала [礼, ли], то народ будет знать стыд и будет искренне устремляться [к правильному]"» [10, 2:3].

Краеугольным камнем социального контроля стала сыновняя почтительность («Сяо»), рассматривавшаяся как первичная социальная и, по сути, правовая норма, предшествующая лояльности государству. В «Лунь Юе» ученик Ю-цзы провозглашает:

《论语·学而》: «有子曰：'...其为人也孝弟，而好犯上者，鲜矣；不好犯上，而好作乱者，未之有也。君子务本，本立而道生。孝弟也者，其为仁之本与！'»

Перевод: «[Ученик] Ю-Цзы сказал: „...Тот, кто в своем поведении следует сыновней почтительности [孝, сяо] и братской любви [弟, ти], но любит противостоять вышестоящим, — таких мало. А тот, кто не любит противостоять вышестоящим, но любит поднимать смуту, — таких не бывает. Благородный муж [君子, цзюньцзы] пестует основу. Когда основа утверждена, возникает Путь [道, дао]. Сыновняя почтительность и братская любовь — вот они и являются основой человеколюбия [仁, жэнь]!"» [10, 1:2]

Таким образом, семья становилась микромоделью государства, а семейная иерархия — основой политического порядка.

Социальный и правовой порядок, по Конфуцию, зиждется на доктрине «Исправления имен» («Чжэн мин»), требующей точного исполнения обязанностей, предписанных социальной ролью.

《论语·子路》: «子曰：'...名不正，则言不顺；言不顺，则事不成；事不成，则礼乐不兴；礼乐不兴，则刑罚不中；刑罚不中，则民无所措手足。...'»

Перевод: «Учитель сказал: „...Если имена неправильны, то слова не имеют оснований. Если слова не имеют оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не осуществляются, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, то наказания [刑罚, син фа] не применяются надлежащим образом. Если наказания применяются ненадлежащим образом, то народ не знает, как действовать"» [10, 13:3].

Эта концепция легитимировала социальную иерархию и требовала от каждого соответствия своему «имени» — быть государем, подданным, отцом или сыном в полном смысле этих слов.

Легистский позитивизм «Фа»: закон как технология власти. В период Сражающихся царств (Чжаньго, V–III вв. до н. э.) в противовес конфуцианскому идеализму сформировалась философия легизма (фацзя), выдвинувшая в качестве центральной категории «Фа» (法) — писаный закон. Легисты (Шан Ян, Хань Фэй-Цзы) сознательно противопоставили свою доктрину конфуцианскому ритуалу. Если «Ли» основывалось на моральном авторитете и традиции, то «Фа» — на эффективности и при-

нуждении. Легисты подвергли резкой критике конфуцианские идеи, считая их непрактичными и неспособными обеспечить порядок в условиях ожесточенной борьбы между царствами.

Философско-теоретические основания «Фа» включали:

▪ Разрыв с традицией: легисты отрицали воспитание и мораль как неэффективные инструменты управления. Они считали, что апелляция к прошлому и традициям лишь ослабляет государство в настоящем. Хань Фэй-Цзы язвительно высмеивал конфуцианцев, которые, «восхваляя древних правителей, лишь подрывают авторитет нынешнего государя» [12, гл. 50].

▪ Утилитарный подход к власти: власть понималась не как моральный долг, а как технология контроля. Хань Фэй-Цзы подчеркивал, что правитель должен опираться на «две рукояти» — награды и наказания. *«Правитель, обладающий искусством [управления], устанавливает законы, а не следует мудрости [отдельных людей]; он занимается [государственными] методами, а не [чужими] благими намерениями»* [12, гл. 48].

▪ Объективация управления: легисты стремились создать систему, независимую от личных качеств правителя и чиновников. Закон («Фа») должен был стать самовоспроизводящимся механизмом, обеспечивающим стабильность государства.

《商君书·修权》: «法者，国之权衡也。»

Перевод: «Закон [法, фа] — это весы и безмен государства.» [13, гл. «Сю Цюань»].

Идеалом была система, которая работала бы сама по себе, подобно хорошо отлаженному механизму.

▪ Пессимистический взгляд на человеческую природу: в отличие от конфуцианцев, веривших в исправимость человека, легисты исходили из того, что человек по природе эгоистичен и порочен, и управлять им можно только с помощью выгоды и страха. Хань Фэй-Цзы писал:

《韩非子·备内》: «夫以妻之近与子之亲而犹不可信，则其余无可信者矣。»

Перевод: «Если даже в такой близости, как жена, и в такой родственности, как сын, нельзя быть уверенным, то на кого же еще можно положиться?» [12, гл. 14].

Институциональное воплощение «Фа» нашло отражение в радикальных реформах Шан Яна в царстве Цинь (IV в. до н. э.):

▪ Унификация и кодификация: создание единых писаных законов («Фа Цзин»), обязательных для всех подданных, и отмена наследственных привилегий аристократии. Это было направлено на подрыв власти родовой знати и создание централизованной бюрократической машины.

▪ Система наград и наказаний: наказания были крайне суровы и применялись за малейшие проступки, создавая атмосферу тотального страха как единственной гарантии соблюдения законов.

《商君书·境内》: «刑无等级，自卿相将军以至大夫庶人，有不从王令、犯国禁、乱上制者，罪死不赦。»

Перевод: «Наказания не должны иметь степеней [привилегий]. От высших сановников и генералов до чиновников и простолюдинов — если кто-то не повинуется приказу правителя, нарушает государственные запреты или подрывает установленный порядок, виновный должен быть казнен без помилования» [13, гл. «Цзин Нэй»].

Одновременно поощрялись доносы, вплоть до обязанности членов семьи доносить друг на друга.

▪ Примат государственного интереса: частные интересы, моральные нормы и родственные чувства объявлялись второстепенными по отношению к интересам государства. Легисты открыто провозглашали, что цель укрепления государства оправдывает средства. Вся экономическая и социальная политика была подчинена двум целям: укреплению армии и развитию земледелия («Нун Чжань»).

《商君书·农战》: «国之所以兴者，农战也。»

Перевод: «То, благодаря чему государство процветает, — это земледелие и война» [13, гл. «Нун Чжань»].

Хань Фэй-Цзы, синтезировавший идеи легизма, дополнил концепцию «Фа» учением о «Шу» (术) — искусстве скрытого контроля над чиновниками — и «Ши» (势) — авторитете и власти правителя. Таким образом, легизм, представленный Шан Яном и Хань Фэем, — это прагматичная и жесткая философия управления, направленная на укрепление государства и власти правителя путем отрицания моральных принципов и внедрения системы жёстких законов, наград и наказаний. Эта доктри-

на оказалась чрезвычайно эффективной в краткосрочной военно-мобилизационной перспективе, что и позволило царству Цинь в конечном итоге объединить Китай.

Альтернативные философско-правовые концепции: даосизм и моизм

Правовая мысль Древнего Китая не ограничивалась противостоянием конфуцианства и легизма. Существенный вклад внесли даосизм и моизм, выступившие с критикой обеих систем и предложившие альтернативные модели мироустройства.

Даосизм (Лао-Цзы) предлагал радикальную форму естественного права, где единственным подлинным законом является сам космический порядок — Дао (道). Искусственные законы, ритуалы и моральные предписания рассматривались как проявление «малого разума», нарушающее естественную гармонию. В «Дао Дэ Цзине» провозглашается:

《道德经·第十八章》:«大道废，有仁义；智慧出，有大伪；六亲不和，有孝慈；国家昏乱，有忠臣。»

Перевод: «Когда великое Дао [大道, да дао] было упразднено, появились „человеколюбие" [仁, жэнь] и „долг/справедливость" [义, и]. Когда появилось „мудрствование" [智慧, чжи хуэй], возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников [六亲, люцинь] в раздоре, появляются „сыновняя почтительность" [孝, сяо] и „милосердие" [慈, цы]. Когда государство погружается в смуту и беспорядок, являются „верные слуги" [忠臣, чжунчэнь]» [14, гл. 18].

Таким образом, сама необходимость в позитивном законе и ритуале трактовалась как симптом упадка и отдаления от Дао.

Идеал управления — «У-вэй» (无为, Не-деяние), означающее не пассивность, а действие, лишенное насильственного вмешательства в естественный ход вещей.

《道德经·第五十七章》:「故圣人云：我无为而民自化，我好静而民自正，我无事而民自富，我无欲而民自朴。」

Перевод: «Посему Совершенно мудрый говорит: „Я осуществляю не-деяние [无为, увэй], и народ сам преобразуется. Я люблю покой, и народ сам выправляется. Я не предпринимаю [излишних] дел, и народ сам обогащается. Я свободен от страстей, и народ сам становится простым"» [14, гл. 57].

Правитель-даос должен был следовать естественному потоку событий, а не навязывать свою волю.

Даосизм резко критиковал жестокие наказания, рассматривая их как признак неумения правителя и его оторванности от Дао.

《道德经·第七十四章》:「民不畏死，奈何以死惧之？若使民常畏死，而为奇者，吾得执而杀之，孰敢？常有司杀者杀。夫代司杀者杀，是谓代大匠斫，夫代大匠斫者，希有不伤其手矣。」

Перевод: «Когда народ не боится смерти, чего ради устрашать его смертью? Если бы народ постоянно боялся смерти, а кто-то поступал дурно, могли бы мы схватить и убить его, и кто бы посмел [так поступать]? Всегда существует Управляющий убийством [司杀者, сы ша чжэ] [=Дао, Природа]. Заменять Управляющего убийством — все равно что заменять великого плотника. А тот, кто заменяет великого плотника, редко не поранит себе руку» [14, гл. 74].

Хотя прямое влияние даосизма на право было менее значительным, его критика этатизма и ритуализма выступала в качестве философской «совести» системы.

Моизм (Мо-цзы), в свою очередь, представлял собой сочетание этического универсализма и государственного утилитаризма. Критикуя конфуцианский партикуляризм, Мо-цзы выдвинул принцип «Всеобщей Любви» (Цзянь Ай), который должен был заменить партикулярную, разделяющую любовь к своим родным.

《墨子·兼爱中》:「天下之人皆相爱，强不执弱，众不劫寡，富不侮贫，贵不敖贱，诈不欺愚。凡天下祸篡怨恨可使毋起者，以相爱生也。」

Перевод: «Если все люди в Поднебесной будут любить друг друга, сильный не будет угнетать слабого, многочисленный не будет грабить малочисленного, богатый не будет унижать бедного, знатный не будет кичиться перед низким, хитрый не будет обманывать глупого. Все бедствия, узурпации, ненависть и обиды в Поднебесной можно предотвратить, ибо [они] рождаются из [взаимной] любви» [15, гл. «Цзянь Ай чжун»].

В противовес даосскому квиетизму, Мо-Цзы предложил доктрину «Отождествления с высшим» (Шан Тун), требовавшую создания жесткой вертикали власти, где каждый уровень общества безусловно отождествляет свои оценки и волю с волей вышестоящего, вплоть до Сына Неба.

《墨子 • 尚同上》: 「上之所是，必皆是之；所非，必皆非之…天子唯能壹同天下之义，是以天下治也。」

Перевод: «То, что утверждают высшие, непременно должно всеми утверждаться; то, что они отрицают, непременно должно всеми отрицаться… [Правитель-] Сын Неба [天子, Тяньцзы] лишь тогда способен объединить [壹同, и тун] принципы [义, и] Поднебесной, когда Поднебесная управляется [надлежащим образом]» [15, гл. «Шан Тун Шан»].

Критерием истинности любого закона или действия объявлялась польза/выгода (Ли) для народа и государства.

《墨子·非命上》:「发以为刑政，观其中国家百姓人民之利。」

Перевод: «Вводя [что-либо] в качестве наказаний [刑, син] и управления [政, чжэн], следует смотреть, насколько это соответствует выгоде [利, ли] государства, семей ста фамилий и народа» [15, гл. «Фэй Мин шан»].

С этих утилитарных позиций Мо-цзы осуждал и агрессивные войны («Фэй Гун»), и расточительные конфуцианские ритуалы.

《墨子·非攻中》:「计其所得，反不如所丧者之多。」

Перевод: «Если подсчитать то, что [государство] приобретает [от войны], окажется, что это не идет ни в какое сравнение с тем, что оно теряет» [15, гл. «Фэй Гун чжун»].

Хотя моизм как школа постепенно сошел на нет, его идеи универсализма, утилитаризма и сильной централизованной власти оказали косвенное влияние как на легистов, так и на поздних конфуцианцев, заставляя их искать более рациональные обоснования своей политики.

Историческая эволюция взаимодействия «Ли» и «Фа»: от доминации к диалектике. Процесс перехода от системы ритуала к писаному законодательству и их последующему синтезу был сложным и занял несколько столетий. Его можно разделить на три ключевых этапа.

Этап 1. Господство «Ли» (ранний этап, XIV–VI вв. до н.э.)

На начальном этапе развития древнекитайского права главную роль в регулировании общественных отношений играли обычаи и этико-ритуальные нормы («Ли»). Правовые нормы еще не выделялись из общей массы религиозно-этических предписаний. Нормы «Ли» строились на почитании родителей, старших, преклонении перед знатностью и преданности правителю-вану [16, с. 78]. Средством поддержания порядка, согласно конфуцианству, было не закон, а соблюдение традиций и моральных норм. Государство воспринималось как большая семья, а правитель — как «отец и мать» народа.

Этап 2. Возвышение «Фа» и философский конфликт (период Чжаньго, V–III вв. до н.э.)

В эпоху «Сражающихся царств» усиливается роль права со стабильным комплексом наказаний. Легисты выступили с критикой конфуцианства, отстаивая абсолютную власть правителя, который управляет с помощью строго установленного, обязательного для всех закона («Фа») [17, с. 145]. Этот период характеризуется острым идеологическим конфликтом. Конфуцианцы критиковали легистов за чрезмерную жестокость и игнорирование моральных основ, что, по их мнению, не могло привести к истинной гармонии. Легисты, в свою очередь, считали конфуцианские призывы к гуманности и ритуалу наивными и неэффективными для управления большой державой в условиях перманентной войны [18, с. 212].

Практическим воплощением легизма стали реформы Шан Яна в Цинь, которые, однако, доказали свою эффективность в краткосрочной перспективе, но привели к быстрому краху империи Цинь (206 г. до н.э.) из-за своей чрезмерной жесткости и непопулярности.

Этап 3. Синтез и формирование гибридной модели (к. III в. до н.э. и далее)

Исторический опыт показал, что ни один из подходов в чистом виде не является устойчивым. Последующая династия Хань, официально принявшая конфуцианство в качестве государственной идеологии, на деле переняла многие легистские административные и правовые институты. Это положило начало гибридной модели, которую описывают формулой «внешне — конфуцианство, внутренне — легизм» (бяо Жу ли Фа), где морально-ритуальные нормы («Ли») стали этическим фасадом и идеологическим обоснованием власти, а писаные законы и бюрократический аппарат («Фа») — рабочей структурой и механизмом принуждения [19, с. 95].

Этот синтез нашел свое отражение в ключевой формуле: «там, где недостает „Ли", следует применять „Фа"». Нормы морали («Ли») задавали этический стереотип поведения, а право («Фа») с помощью наказаний запрещало от него уклоняться. Произошла «конфуцианизация закона»: легистский правовой каркас был наполнен конфуцианским этическим содержанием.

Проявления синтеза «Ли» и «Фа» в отраслях права

К III в. до н. э. синтез «Ли» и «Фа» стал проявляться в конкретных правовых институтах, что особенно ярко видно на примере уголовного и семейного права.

В уголовном праве синтез проявлялся через систему наказаний, учитывающую социальный статус и моральные обязательства, что прямо противоречило легистскому принципу формального равенства.

▪ Принцип «Сяо» как уголовно-правовая норма: нарушение сыновней почтительности с точки зрения «Ли» являлось аморальным поступком, а в интерпретации «Фа» становилось уголовным преступлением. Например, донос на родителей карался смертной казнью, в то время как сокрытие преступления родителей поощрялось или, по крайней мере, не наказывалось столь сурово. Напротив, непочтительность к родителям (оскорбление, неподчинение) сама по себе становилась тяжким составом преступления.

▪ Дифференциация наказаний в зависимости от социального статуса: легизм провозглашал формальное равенство, но на практике «Фа» вбирал принципы «Ли», устанавливая разные наказания для аристократии и простолюдинов за одно и то же преступление. Аристократия могла отделываться штрафами, понижением в ранге или ссылкой, тогда как простолюдины подвергались телесным наказаниям, членовредительству или казни. Эта система была канонизирована в виде «восьми суждений» (ба и), предоставлявших привилегированным слоям населения льготы при назначении наказаний [20, с. 133]. Легистский принцип единого наказания для всех трансформировался в конфуцианский принцип «разных ритуалов для разных рангов».

В семейном и наследственном праве «Ли» и «Фа» были неразделимы, так как семья рассматривалась как основа государства.

▪ Институт брака: брак считался не частным делом, а ритуалом («Ли»), направленным на продолжение культа предков и объединение семей. Процедура заключения брака строго регламентировалась «Ли» и включала шесть церемоний. «Фа» же обеспечивал соблюдение этих ритуалов. Брак, заключенный без соблюдения «Ли», не признавался законным и не порождал правовых последствий, в частности, в отношении прав детей на наследование. Известные «семь [законных оснований] для развода» были практически целиком заимствованы кодексами из книг о «Ли».

▪ Наследственное право: патрилинейный принцип наследования, освященный «Ли» и конфуцианским культом предков, закреплялся «Фа». Закон лишал наследства детей, проявивших непочтительность, или тех, кто нарушал траур по родителям. Таким образом, моральная норма «Ли» подкреплялась юридической санкцией «Фа». Археологические находки, такие как тексты на бамбуковых планках эпохи Цинь и Хань, содержат записи судебных разбирательств, где лишение наследства использовалось как наказание за нарушение «сыновнего долга» [21, с. 278].

Процесс взаимопроникновения был долгим, но необратимым. Ярким примером является кодекс династии Тан «Тан люй шу и» (653 г.), который содержит прямые ссылки на канонические тексты «Ли», такие как «Ли цзи» и «И ли», более 60 раз. Это демонстрирует, что синтез, теоретически оформленный к III в. до н. э., стал практической реальностью в классическом китайском законодательстве.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что к III веку до н. э. в Древнем Китае завершился процесс формирования уникальной государственно-правовой модели. Многовековое противоборство конфуцианства и легизма завершилось не победой одного учения над другим, а их органичным слиянием в результате диалектического взаимодействия. Сформировалась устойчивая гибридная система, где конфуцианский ритуал («Ли») определял цели, этические рамки и содержание правовых норм, а легистский закон («Фа») обеспечивал механизмы их формального применения и принудительного исполнения.

Этот синтез, иногда выражаемый формулой «там, где недостает „Ли", следует применять „Фа"», стал системообразующим признаком китайской правовой традиции. Жесткая легистская основа управления, унаследованная от империи Цинь, была облачена в конфуцианские этические принципы,

что придало системе как эффективность, так и легитимность в глазах общества. Конфликт и взаимопроникновение «Ли» и «Фа» создали мощный импульс для развития китайской государственности и сформировали теоретический фундамент для создания стабильной имперской модели управления на последующие два тысячелетия.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается в следующем:

1. Деконструкция евроцентризма: работа вносит вклад в преодоление евроцентристской парадигмы в сравнительном правоведении, демонстрируя альтернативный путь правогенеза, не сводимый к римско-правовой традиции.

2. Понимание китайской правовой традиции: анализ диалектики «Ли» и «Фа» является ключом к адекватной интерпретации не только древнего, но и современного китайского права, в котором элементы этой синтетической модели продолжают прослеживаться в виде примата общественных интересов над частными, важности морально-этического воспитания и специфического понимания роли закона.

3. Методологический потенциал: предложенный комплексный подход может быть применен для изучения других восточных правовых систем, также основанных на синтезе нормативных регуляторов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующем:

- Более детальное изучение рецепции синтеза «Ли» и «Фа» в классических кодексах (например, «Тан люй шу и» или «Да Мин лю»).
- Сравнительный анализ древнекитайской синтетической модели с аналогичными процессами в других традиционных правовых системах (например, индуистском или исламском праве).
- Исследование влияния диалектики «Ли» и «Фа» на правовую систему и правовую культуру современного Китая, в частности, на взаимодействие формального права и неформальных социальных норм.

Таким образом, диалектика «Ли» и «Фа» не является лишь достоянием истории, но продолжает оставаться актуальной темой для понимания уникальности и устойчивости китайской правовой цивилизации в глобализирующемся мире.

БИБИЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М. : Восточная литература, 2002. 432 с.

2. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. : Наука, 1981. 340 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/Hq4dN1OJgee5Zyo8XpBAcXvVmbcIofXhoguGX3PZ2tjfmJO-eJLNy8wK_V4vqkosEL8Sw3YER6YgDMxJcA0EC-5HzsnTUoeAz1eTUaOGvQxe7kNNkqaQxg/Konfucianstvo_i_legizm_v_politicheskoy_istorii.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

3. Ульянов М. Ю. История Древнего Китая в работах советских китаеведов 20–30-х гг. XX в. // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII, ч. 2. М., 2018. С. 780–795. URL: https://www.academia.edu/38176528/Ульянов_М_Ю_История_Древнего_Китая_в_работах_советских_китаеведов_20_30_х_гг_XX_в_краткий_обзор_48_я_научная_конференция_Общество_и_государство_в_Китае_Ученые_записки_отдела_Китая_Выпуск_28_Т_XLVIII_ч_2_М_2018 (дата обращения: 18.10.2025).

4. Захарьев В. В. Правовые традиции Древнего Китая: проблемы теории и истории. СПб. : Изд-во Р. Асланова, 2007. 288 с.

5. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли. М. : Наука, 1989. 312 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/gFPjXHtGECPK vUJcwZUngrs-YpAjRH7IZ7mrnqR3mRpmTwYp59AEwzEclyHoCHmkJRV3Bng5_-nnPUghr7NgjlcO1wAaaBSQXpg1dNEex2dgmeqPDtRWQ/Vasilyev_L_S_Problemy_genezisa_kitayskoy_mysli_1989.pdf (Дата обращения 15.09.2025)

6. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб. : Лань, 1999. 415 с.

7. Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М. : Наука, 1985. 240 с. ББК 87.3 (5) URL: https://www.abirus.ru/user/files/Ebooks/titarenko_Mo.pdf (дата обращения 01.10.2025)

8. Рубин В. А. Идеология и культура Древнего Китая. М. : Наука, 1970. 248 с.

9. Буров В. Г. Современная китайская философия. М. : Наука, 1980. 311 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/eLsApIgk7szB5rkQ_s URSSFGvithZHJpRA11z-qqQv825Mm1U2Tg7UHGD-

fs5HxUGE4WJ59h8NP1 ZxpXf1YCAf_2ImuXh7nH20Yn1tkzUlzlzHH4bjthDQ/Burov_V_G_-_Sovremennaya_kitayskaya_filosofia.pdf (дата обращения: 26.09.2025).

10. Деопик Д. В. История Древнего Востока. М. : Высшая школа, 2016. 417 с. 12 ил.

11. Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М. : Наука, 1986. 264 с.

12. Карапетьянц А. М., Кравцова М. Е. Хрестоматия по истории китайской культуры. СПб. : Азбука-классика, 1999. 416 с.

13. The Encyclopedia of Religion and Ethics. Vol. 8 / ed. by J. Hastings. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1915. 900 p.

14. Schwartz B. I. The World of Thought in Ancient China. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1985. 490 p.

Источники (переводы и издания первоисточников):

15. Лунь Юй (Суждения и беседы) / пер. с кит. и коммент. Л. С. Переломова. М. : Восточная литература, 1998. 588 с.

16. Хань Фэй-цзы. Перевод и исследование / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М. : Мысль, 1990. 428 с.

17. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. М. : Наука, 1968. 352 с.

18. Дао Дэ Цзин. Книга о Пути и Силе / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М. : АСТ, 2008. 256 с.

19. Мо-цзы / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. А. И. Кобзева. М. : Мысль, 1996. 456 с.

Электронные ресурсы (для верификации цитат на языке оригинала):

20. 孔子. 论语. URL: https://ctext.org/analects/zh (дата обращения: 19.09.2025).

21. 商鞅. 商君书. URL: https://ctext.org/shang-jun-shu/zh (дата обращения: 19.09.2025).

22. 韩非. 韩非子. URL: https://ctext.org/hanfeizi/zh (дата обращения: 19.09.2025).

23. 老子. 道德经. URL: https://ctext.org/dao-de-jing/zh (дата обращения: 19.09.2025).

24. 墨子. 墨子. URL: https://ctext.org/mozi/zh (дата обращения: 19.09.2025).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 342.7
ББК 67.400.3

FUNDAMENTAL RIGHTS AND CITIZEN CHARACTERISTICS IN ACCORDANCE WITH THE CONSTITUTION OF INDONESIA

E. V. Gubernatorova, V. S. Zubkova
Altai State University (Barnaul, Russia)

The article explorescconstitutional rights and responsibilities of citizens form the foundations of a legal state determining the balance between the freedoms of the individual and his or her responsibility to community and the state. Russian citizens» constitutional rights and responsibilities are formally enshrined in Chapter 2 of the Russian Federation Constitution of December 12, 1993 while the Indonesian Constitution, known as the Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945 (UUD 1945) of August 18, 1945, enshrines the fundamental rights of citizens, as well as a short list of responsibilities that ensure a balance between individual freedoms and responsibility aimed at the societal development.

Keywords: constitutional rights, responsibilities of citizens, personality, Russian Federation Constitution, Indonesian Constitution.

КОНСТИТУЦИЯ ИНДОНЕЗИИ ОБ ОСНОВНЫХ ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ГРАЖДАН

Э. В. Губернаторова, В. С. Зубкова
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются конституционные права и обязанности граждан как основы правового государства, определяющего баланс между свободами личности и ее ответственностью перед обществом и государством. Конституционные права и обязанности граждан России закреплены в отдельной главе 2 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, в то время как Конституция Индонезии, известная как Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945 (UUD 1945) от 18 августа 1945 года, закрепляет только основные права граждан, а также краткий перечень обязанностей, обеспечивающих баланс между индивидуальными свободами и ответственностью, направленной на развитие общества.

Ключевые слова: конституционные права, обязанности граждан, личность, Конституция Российской Федерации, Конституция Индонезии.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.6

The modern world is experiencing another wave of social shifts caused by global and regional changes. Within the framework of these processes, the human community still continues to adhere to certain social and worldview standpoints. The latter ones are reflected in the doctrines and the norms established on their basis that organize the life of the individual, society and the state. Constitutional rights and responsibilities of citizens form the foundations of a legal state determining the balance between the freedoms of the individual and his or her responsibility to community and the state.

Provisions ensuring fundamental human rights and freedoms are originally laid down in the Indonesian Constitution. At the same time, the period from the 1960s to 1990s in the country was marked by the adoption of various legislative acts that officially restricted the rights and freedoms of certain citizens' groups in particular, the Communist Party and other left-wing organizations' members as well as their family members. The representatives of the Chinese community were also included into the mentioned list. Moreover, systematic illegitimate infringements of citizens' rights and freedoms occurred, which took on the largest scale in the context of the fight against political dissent and ensuring control over troublesome territories.

Russian citizens' constitutional rights and responsibilities are formally enshrined in Chapter 2 of the Russian Federation Constitution of December 12, 1993 while the Indonesian Constitution, known as the Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945 (UUD 1945) of August 18, 1945, enshrines the fundamental rights of citizens, as well as a short list of responsibilities that ensure a balance between individual freedoms and responsibility aimed at the societal development. Having analyzed the chapters "Rights and Freedoms of Man and Citizen" of the Russian Federation Constitution and "Human Rights" of the Constitution of Indonesia, let's focus on the rights and responsibilities that are enshrined therein.

In the early 1990s, Russia adopted the ideology of the rule of law, which was officially recognized in the 1993 Russian Federation Constitution as the fundamental law of the land. It proclaimed the fundamental principles of the individual's position in society and the state, as well as the balanced development of society and the state (Article 1). The Constitution of the Russian Federation was the first to recognize the doctrine of natural human rights: fundamental human rights and freedoms are inalienable and belong to everyone from birth (Part 2 of Article 17). Restrictions on fundamental rights and freedoms are possible only in accordance with the provisions of federal law and to the extent necessary in special cases stipulated by the Constitution of the Russian Federation (Part 3 of Articles 55 and 56).

The Indonesian Constitution is the country's supreme law, a founding document defining the political, legal, and social structure of the state. It is more than just a set of rules, it is a "mirror" of the country's socioeconomic conditions, historical context, and cultural characteristics, shaped by 80 years of constitutional regulation. Having been adopted during the struggle for independence, the Constitution has become the foundation of the country's sovereignty. The 1945 Constitution was repealed in 1950, restored in 1959, and is currently in force with a number of amendments, the most important of which were adopted in 1999, 2000, 2001, and 2002, while preserving its core principles. The Constitution emphasizes the importance of organizing the state on the principles of democracy, the rule of law, and social justice, and recognizes the significance of citizens' rights and responsibilities as a criterion for national unity. Let's consider some of these rights and responsibilities.

The right to life, an absolute right among natural rights, is at the forefront of constitutional rights and freedoms of man and citizen [1, 2, 3]. Human life is the most vital individual and social value and an integral property of a person living in natural and social environments. The human right to life is one of the conditions for the realization of all other human rights, since it is the result of biological processes and, as such, represents a unique, supreme value in a modern civilized society. Human life, understood not only as a physiological process, but also as a legally guaranteed opportunity for an individual to remain in society, is the most important object of the natural right of the individual, since all other rights cannot be realized without the right to life [4].

This position is also enshrined in Articles 2, 7, and Part 1 of Article 20 of the Constitution of the Russian Federation. The right to life is the most fundamental social value, relating to the fundamental, inalienable rights that belong to everyone from the moment of birth. The right to life is proclaimed among those rights that cannot be limited, however, it does not encompass a corresponding duty to live.

The Indonesian Constitution enshrines the right to life and personal inviolability. According to Article 28A, every citizen has the right to life, as well as security of person, property and dignity. This right includes protection from arbitrary detention, torture, and other forms of cruel and inhuman treatment. Fundamental laws on the right to life reflect society's profound commitment to protecting human life, which is essential for maintaining the rule of law in the country.

According to Article 28B, every person has the right to found a family and reproduce through legal marriage. Every child has the right to life, growth, and development, as well as the right to protection from violence and discrimination. Similar provisions can be found in the Constitution of the Russian Federation, which recognizes dignity among the fundamental human rights, enshrining this provision in Part 1 of Article 21. It claims that «personal dignity is safeguarded by the state» and nothing may be used to diminish it. In accordance to the seprovisions, human dignity is inviolable.

The idea of human dignity as a unique social value dates back to the ancient world. Human remains inviolable by virtue of spirit, which distinguishes a human from the surroundings and enables him or her to make decisions about self-determination and transformation of itself and its environment. Therefore, dignity, as a set of moral qualities respected within oneself, is uniquely human.

It is to be agreed that today human dignity is "an integral component of the culture of society, embodying centuries-old ideas about a self-determining person, free from poverty, violence, oppression, and humiliation" [5]. Personal dignity acts as a legal category with a socio-historically changing content. The concept of personal dignity includes the possession of not only legal freedom, but also a minimum set of social benefits necessary for a decent life according to the standards of a modern consumer society (housing, relatively high wages, public health care and education, social provision, etc.). Such understanding of this concept is very truein the most developed countries in terms of state and legality, in the context of the recognition and real provision of human rights in a social state.

Article 28C: Citizens of Indonesia have the right to access education. Everyone has the right to benefit from science and technology, art, and culture in order to improve the quality of life and well-being of humanity. In Russia, the most important right among constitutional social rights and obligations is the right to education (Article 43 of the Constitution of the Russian Federation). Education is a unified, purposeful process of upbringing and training, which is a socially significant benefit and is carried out in the interests of the individual, family, society and the state. It is also a set of acquired knowledge, skills, abilities, value systems, experience and competencies of a certain volume and complexity aimed at intellectual, spiritual, moral, creative, physical and (or) professional development of a person while satisfying educational needs and interests.

The right to work is another right that is enshrined in the norms of the compared Constitutions. As for Russia, the "right to work" as a phenomenon appeared in the 19th century and became distinct from lab our freedom [6]. It became transformed from its primary basis — the "right to existence" into the "right to a dignified existence". At present, the "human right to work" can be characterized as a category that reflects the need for work, ensuring human existence and life activity [7]. An analysis of the legal doctrine on the right to work allows us to agree with the position of the authors, who distinguish both subjective and objective components in the right to work [8]. The right to work, before its implementation, is within the framework of general legal relations, and then, upon its implementation, it passes into the category of specific legal relations. This approach to understanding the legal nature of the right to work has not so much theoretical as practical significance. An analysis of Article 37 of the Constitution of the Russian Federation allows us to conclude that the right to work contains the following elements: the right to free choice of employment, to just and favorable working conditions and to protection from unemployment; the right to equal pay for equal work without any discrimination; the right to fair and satisfactory remuneration that ensures a decent living for the person and his family; the right to rest and leisure, including the right to reasonable limitation of the working day and paid period leave.

Unlike the Russian Constitution, Article 28 D, Part 2 of the Indonesian Constitution only enshrines the general provision that individuals have the right to work and to receive fair and adequate remuneration. It should be noted that this provision was previously enshrined in Article 23 of the Universal Declaration of

Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948), assuming that it influenced the content of the Indonesian Constitution.

Article 28F of the Indonesian Constitution stipulates that every person has the right to communicate and receive information for the purpose of developing himself and his or her social environment, and also has the right to seek, receive, possess, store, process and transmit information using all available types of channels. A similar provision is contained in Article 29 of the Constitution of the Russian Federation. Thus, in analyzing this right, it should be noted that it is closely linked to the concept of «freedom of speech» and includes several structural elements. First, everyone has the right to publicly express their thoughts, ideas, and opinions, as well as to disseminate them. Secondly, this right is linked to printed publications and other media. Thirdly, this right comes down to the possibility to receive information, i. e., freedom of access to sources of information. Propaganda or agitation that incites social, racial, national, or religious hatred or enmity is prohibited (Article 10, paragraph 2, of the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms). According to this legal norm, the right to freedom of expression may be restricted in the interests of national security, territorial integrity or public order, in order to prevent disorder or crime, to protect health and morals, or to protect the reputation or rights of others [9].

As stated in Section 4 of Article 28H, every person has the right to personal property and such property shall not be unjustly held by any party (Every person shall have the right to own personal property, and such property may not be unjustly held possession of by any party). The analysis of the Russian Federation Constitution allows us to classify the right to private property (including its ownership, use, and disposal) as an economic right. Meanwhile, the recognition and protection of private property are fundamental principles for building a legal state in the market economy of Russia, therefore the right to property holds one of the most important places in the system of rights.

Along with citizens' rights, constitutions also enshrine responsibilities. While analyzing the Indonesian Constitution, it's worth noting that citizens' responsibilities are enshrined not in a single chapter, but in multiple chapters and articles. These responsibilities connect Indonesians to their governmental and social realities. The Indonesian Constitution emphasizes the need for a unified set of rights and responsibilities to foster a just and sustainable society. These rights and responsibilities encourage citizens to actively participate in the country's political, economic, and social life, fostering the development and strengthening of national unity.

According to Article 27, every citizen has the right and duty to participate in the defense of the state. The duty to protect the territorial integrity and sovereignty of the country, as well as to participate in national defense, is an important part of civic responsibility. The Constitution of the Russian Federation similarly enshrines the duty to defend the Fatherland (Article 59). Part 1 of Article 59 of the Constitution of the Russian Federation uses two concepts: “duty” and “obligation.” While they are closely related in meaning, the former has a deeply moral character, expressing a moral obligation to the Motherland, to the people, and to the loved and closed ones. The second category, “obligation,” is a legal category that is supported not only by moral requirements, but also by legal mechanisms in the form of legal liability for its failure to get fulfilled or its improper fulfillment.

According to Article 28 J, everyone is obligated to respect human rights. Furthermore, it's worth noting that this respect also applies to the life of the community, nation, and state. Article 30 of the Indonesian Constitution emphasizes the importance of citizen participation in protecting and upholding the Constitution, which fosters active citizenship. The duty to respect the rights of other citizens, to comply with the law, and to participate in the country's political life is also enshrined in the Russian Constitution (Part 2, Article 15).

Thus, both states enshrine fundamental rights and obligations in their constitutions. The rights and obligations of citizens under the Indonesian Constitution define a balance between freedom and responsibility, promoting social stability, the development of national identity, and respect for diversity. In light of modern challenges, the significance of these constitutional provisions is growing, requiring the constant updating and strengthening of mechanisms for protecting citizens' rights and fulfilling their obligations. This approach is key to the prosperity and sustainable development of Indonesia as a democratic, multi-ethnic country.

REFERENCES

1. Lukasheva E.A. Human rights: coursebook. 2-d edition. M., 2010. P. 154.

2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / edited by V.D. Zorkin. M. : Norma: Scientific Publishing Center Infra-M, 2013. P. 200.

3. Alizade V.A. The ECHR's position on respect for the right to life. Part I. Material-legal aspects // International criminal law and international justice. 2019. № 6. C. 3–7.

4. SazinS. T. The concept, essence and interrelation of the constitutional rights to life and health protection // Constitutional and municipal law. 2021. № 4. P. 39–45.

5. Nevinskiy V.V. The Constitution of the Russian Federation and human dignity (reminiscences about future) // Constitutional and municipal law. 2013. № 11. P. 48–54.

6. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labour law course: Coursebook: in two volumes. V. 1. The essence of labour law and the history of its development. Labor rights in the human rights system. General part. Moscow: Statut, 2009. P. 795.

7. Stroganov M.I. The right to work and the problems of its judicial protection at the present stage: diss.… cand. jurid. sciences: 12.00.05. M., 1996. S. 17.

8. Human rights in the modern world: socio-philosophical foundations and state-legal regulation. M.: Yuristъ, 2003. P. 224.

9. Zubkova V.S. Constitutional principle of the unity of rights and individual rights in social rights: modernity // Altai Legal Bulletin. 2023. No. 4 (44). P. 72–77.

УДК 342
ББК 67.400

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

О.Л. Казанцева, А.М. Наракшина
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних — одно из важнейших направлений государственной политики в Российской Федерации. Эта сфера общественных отношений является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, что означает объединение их усилий в достижении общей цели обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также выявления и пресечения случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных деяний. Авторы проводят оценку эффективности правовых мер, реализуемых в отношении несовершеннолетних, в том числе в Алтайском крае, формулируют собственные предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика безнадзорности, профилактика правонарушений, правовое регулирование, защита прав.

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

O.L. Kazantseva, A.M. Narakshina
Altai State University (Barnaul, Russia)

Prevention of neglect and juvenile delinquency is one of the most important areas of government policy in the Russian Federation. This area of public relations is the subject of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, which means combining their efforts to achieve the common goal of ensuring the protection of the rights and legitimate interests of minors, the socio-pedagogical rehabilitation of minors in a socially dangerous situation, as well as the identification and suppression of cases involving minors in the commission of illegal acts. The authors evaluate the effectiveness of measures implemented against minors, including in the Altai Territory, and formulate their own proposals for their improvement.

Keywords: minors, prevention of neglect, prevention of offenses, legal regulation, protection of rights.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.7

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что приоритетной задачей государства является забота о детях как будущем России. Защита их прав, создание условий для полноценного развития требуют комплексного подхода и вовлечения всех социальных институтов. Профилактика безнадзорности и правонарушений представляет собой важный инструмент борьбы с ростом преступности, социальными и экономическими проблемами.

Вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уделяется внимание в научной литературе [1–8]. Авторами рассматривается этот процесс в разных аспектах и отмечается важность совместной работы органов публичной власти и общественных институтов.

Также сформирована правовая основа, включающая в себя как международные документы, так и принятые на федеральном, региональном и муниципальном уровне нормативные правовые акты.

Важнейшим актом выступает Конституция РФ, согласно ч. 4 ст. 67.1 которой дети являются «важнейшим приоритетом государственной политики России», поэтому государство обязуется создавать условия для их полноценного развития и нравственного воспитания. Одним из способов формирования у детей и подростков уважения к закону, гуманности и социальной ответственности выступает система профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

При разработке законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений учитываются положения Конституции РФ, в частности, закрепляющие права и свободы человека и гражданина как основы государственной деятельности, запрещающие насилие в отношении граждан, а также гарантирующие защиту семьи, материнства и детства в России. Значительное влияние оказывают на формирование правовой основы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних оказывают международные правовые документы, к числу которых относятся Конвенция ООН о правах ребенка, Декларация прав ребенка.

Согласно ключевому Федеральному закону от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», под профилактикой безнадзорности и правонарушений следует понимать систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, которые осуществляются в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении. Профилактика безнадзорности и правонарушений включает в себя работу не только с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении, но и с неограниченным кругом несовершеннолетних и их социальным окружением.

Профилактика безнадзорности и правонарушений основана прежде всего на принципах Основного закона, закрепляющих общеправовой статус личности, таких как право на жизнь, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность и других, а также гарантиях правосудия.

Значимую роль в профилактической деятельности также играют принципы, прямо не закрепленные в Конституции РФ, но вытекающие из других нормативных актов и определяющие положение детей в российском государстве, например, право жить и воспитываться в семье, право на общение с родителями и другими родственниками, на защиту от злоупотреблений со стороны родителей, на получение содержания от родителей и других родственников, на имя и отчество и другие.

Особенности правового статуса ребенка в России определяют специфику применения по отношению к нему и его родителям мер уголовного и административного принуждения. Юридическая ответственность несовершеннолетних должна основываться не только на предписаниях правовых норм, но и соответствовать психологическим особенностям детей разного возраста. Государство должно стремится минимизировать применение карательных мер в отношении молодых людей, а также восполнить те пробелы воспитания личности, из-за которых подросток оступился, совершил преступление или правонарушение.

При привлечении к ответственности следует применять меры, обладающие воспитательным потенциалом, направленные не на наказание несовершеннолетнего, а преимущественно на восстановление нарушенных им прав. Например, в качестве санкции за совершение административного правонарушения могут применяться назначение обязательных работ, передача под наблюдение родителей или опекунов, установление обязанности для несовершеннолетнего принести публичное извинение, организация примирительных и медиативных процедур с участием подростков, разъяснение норм действующего законодательства.

Несмотря на то, что правонарушения являются более распространенной формой противоправного поведения среди несовершеннолетних и на этапе их совершения ребенка гораздо легче «вернуть» на сторону законопослушания, и ученые-теоретики, и специалисты системы профилактики обращают внимание на такую проблему, как «презумпция виновности родителей». На практике имеют место быть случаи, когда в соответствии со ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях родители или законные представители несовершеннолетних подвергаются административной ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несо-

вершеннолетних без достаточной на то доказательной базы, необоснованному отобранию ребенка из семьи с последующим его перемещением в государственное учреждение.

При совершении несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести следует освобождать его от наказания с назначением ему принудительных мер воспитательного воздействия, если будет признано, что его исправление возможно посредством применения к нему воспитательных мер.

Кроме того, при назначении наказания несовершеннолетнему не должны нарушаться конституционные гарантии, направленные на становление личности: приоритет семейного воспитания (ч. 4 ст. 67 Конституции РФ), обязательное получение основного общего образования (ч. 4 ст. 43), а также право на получение среднего профессионального образования (ч. 1 ст. 43), право на укрепление здоровья и занятие спортом (ч. 2 ст. 41), право на всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное развитие (ч. 4 ст. 67). В случае умаления названных прав не только не удастся привить трудному подростку социально приемлемые образцы поведения и помочь выстроить законопослушную жизнь в будущем, но и можно «взрастить» враждебно настроенную к государству, праву, всему обществу личность.

Следует отметить, что обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. На уровне регионов могут приниматься значимые актуальные нормативные правовые акты и документы стратегического планирования, положения которых впоследствии могут быть закреплены на федеральном уровне.

В Алтайском крае во исполнение плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства на период до 2027 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р, плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2023 № 3233-р, Перечнем дополнительных мер, направленных на координацию деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению преступных деяний против половой неприкосновенности несовершеннолетних на период 2023–2025 годов, утвержденным протоколом Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 07.07.2023 № 2, в соответствии с решениями комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края принят ряд дополнительных мер, направленных на защиту детей от жестокого обращения, включая сексуальное насилие. Постановлением Комиссии от 18.10.2022 № 11 утверждены Методические рекомендации для специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросу защиты детей от жестокого обращения в семье; для муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав подготовлены Рекомендации по проведению анализа состояния, причин и условий, способствующих совершению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних; в образовательные организации края направлены типовые лектории по темам, касающимся профилактики преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, для использования педагогами в рамках профилактической деятельности; утвержден План мероприятий по профилактике преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в Алтайском крае на 2022–2025 годы (постановление Комиссии от 18.10.2022 № 11 в ред. от 29.09.2023).

К реализации Плана мероприятий по профилактике преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в Алтайском крае на 2022–2025 годы привлечены руководители и специалисты органов и учреждений системы образования, здравоохранения, социальной защиты, органов опеки и попечительства, органов по делам молодежи, органов внутренних дел, уголовно-исполнительных инспекций, органов прокуратуры, следственных органов, Уполномоченный по правам ребенка в Алтайском крае. Координация реализации плана возложена на Комиссию. Мероприятия плана направлены на реализацию просветительских программ для родителей (законных представителей), педагогов и обучающихся, внедрение эффективных практик и эффективных инструментов в работу специалистов, их методическое сопровождение, обеспечение безопасно-

сти детей в интернатных учреждениях, проведение межведомственных оперативно-профилактических мероприятий.

Кроме того, Алтайский край первым в России принял Закон от 5 декабря 2023 г. № 99-ЗС «Об общественных наставниках несовершеннолетних в Алтайском крае», целью которого является оказание помощи несовершеннолетним, признанным находящимися в социально опасном положении, через институт общественных наставников, на добровольной и безвозмездной основе работающих с подростками. Наставниками могут стать совершеннолетние граждане Российской Федерации, проживающие в том же муниципальном образовании, что и несовершеннолетний, и обладающие положительными деловыми и моральными качествами. Задачей общественного наставника является оказание поддержки и помощи в решении проблем несовершеннолетнего, способствование его социальной адаптации и интеграции в общество, демонстрация личного положительного примера для подражания. Также в Алтайском крае действует Закон от 15.12.2002 № 86-ЗС «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Алтайском крае», который закрепляет систему органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Алтайского края, информационное обеспечение деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, индивидуальную профилактическую работу, обязанность органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по оказанию помощи несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении, обеспечение психолого-медико-педагогического обследования несовершеннолетнего и другие меры.

Большое значение для профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних имеют гарантии местного самоуправления, а также поддержка органов местного самоуправления государственными органами. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ органы местного самоуправления также вовлечены в профилактику правонарушений среди несовершеннолетних. Так, администрацией города Барнаула принято постановление от 13 мая 2021 г. № 686, которым утверждена программа «Профилактика преступлений и иных правонарушений на территории городского округа — города Барнаула Алтайского края на 2021–2025 годы», ставящая перед органами местного самоуправления цель — создание условий для обеспечения безопасности граждан, проживающих на территории городского округа — города Барнаула Алтайского края, предупреждения возникновения ситуаций, представляющих опасность для их жизни, здоровья и собственности, за счет совершенствования системы профилактики правонарушений и повышения ее эффективности.

Таким образом, начала профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних заложены в положениях Конституции РФ, а ее содержание детализируется в законах и подзаконных актах, принятых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Вместе с тем следует отметить, что несмотря на фактическое закрепление федеральными законами особого правового статуса детей, в Конституции РФ отсутствует упоминание об их особом положении. Однако закрепление подобной нормы в Основном законе государства могло бы положительно отразиться на положении несовершеннолетних, в частности при осуществлении воспитательного, а не карательного воздействия при вынесении решения о привлечении к юридической ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беженцев А. А. Профилактика правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. М. : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2024. 272 с.

2. Винниченко Е. О. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации: административно-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2014. 24 с.

3. Занина Т. М., Бутова М. В. Актуальные проблемы государственно-правового регулирования предупреждения правонарушений несовершеннолетних // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам X юбилейной Международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения). М., 2019. С. 113–117.

4. Маркина Э. В., Сосновская, Ю. Н. К вопросу о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних // Современная наука. 2020. № 2. С. 44–50.

5. Михайлова Т. Н., Михайлов Е. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 163–175.

6. Нортхофф Р. Руководство по профилактике преступности / пер. с нем. Л. А. Нейман и др. Архангельск : Помор. ун-т, 2004. 396 с.

7. Федорова И. В., Калинина С. В. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 192–196.

8. Шадрин И. А. Некоторые особенности осуществления прокуратурой надзорных полномочий в сфере исполнения законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 200–209.

УДК 342.71
ББК 67.400.31

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Х. Д. Таваралиев, Е. А. Бондарева
Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

В статье проводится анализ института гражданства в федеративных государствах на примере Российской Федерации. Несмотря на федеративное устройство, предполагающее распределение власти, большинство стран (в том числе Российская Федерация) придерживаются модели единого общефедерального гражданства как ключевого консолидирующего фактора. Особое внимание уделено эволюции правового регулирования в Российской Федерации, где первоначальный конституционный дуализм был последовательно заменен на монистическую модель. Последовательно раскрывается роль Конституции Российской Федерации 1993 года, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и масштабной работы по гармонизации регионального законодательства, результатом которой стало исключение положений о республиканском гражданстве из основных законов всех субъектов Федерации. Сделан вывод о том, что единое гражданство служит фундаментальной основой целостности, стабильности и консолидации многонационального федеративного государства, а его централизованное регулирование адекватно соответствует конституционным основам российского государственного строя.

Ключевые слова: гражданство, государственный суверенитет, федеративное государство, единое гражданство, гражданство субъекта федерации.

THE INSTITUTE OF CITIZENSHIP IN FEDERAL STATES: THE CASE OF THE RUSSIAN FEDERATION

K. J. Tavaraliev, E. A. Bondareva
Voronezh State University (Voronezh, Russia)

The article analyzes the institution of citizenship in federal states using the example of the Russian Federation. Despite the federal structure, which involves the distribution of power, most countries (including the Russian Federation) adhere to a model of unified federal citizenship as a key consolidating factor. Special attention is given to the evolution of legal regulation in the Russian Federation, where the initial constitutional dualism has been consistently replaced by a monistic model. The article consistently reveals the role of the 1993 Constitution of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the extensive work on harmonizing regional legislation, which resulted in the exclusion of provisions on republican citizenship from the basic laws of all constituent entities of the Federation. The article concludes that a unified citizenship serves as a fundamental basis for the integrity, stability, and consolidation of a multinational federal state.

Keywords: citizenship, state sovereignty, federal state, unified citizenship, citizenship of a federal subject.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.8

Несмотря на федеративное устройство, предполагающее распределение власти между центром и субъектами, большинство государств придерживаются модели единого общефедерального гражданства, который выступает ключевым консолидирующим фактором, обеспечивающим

целостность государства и верховенство федеральной власти. Его регулирование строится на конституционных принципах, главными из которых являются единство гражданства и верховенство федерального законодательства в этой сфере. Именно единое гражданство является одним из основных признаков, отличающих федерацию от конфедерации.

В федеративном государстве правовая природа гражданства усложняется. С одной стороны, оно остается единым и единственным, олицетворяя суверенитет федерации в целом. Гражданство федеративного государства является единым, и это один из ключевых принципов, обеспечивающих целостность государства [1, с. 59].

С другой стороны, наличие субъектов, обладающих автономией, порождает концепцию «регионального гражданства» — устойчивую правовую связь лица с субъектом федерации. Эта связь, однако, носит производный характер и не порождает самостоятельного международно-правового статуса.

На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) можно выделить некоторые ключевые положения по вопросам гражданства.

Право определять круг своих граждан — это неотъемлемая прерогатива суверенного государства. Поскольку суверенитет принадлежит только Российской Федерации в целом, вопросы гражданства относятся к ее исключительному ведению. Субъекты РФ, включая республики, не могут устанавливать собственное гражданство (пункт 3.4) [2].

Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал, что даже тот факт, что республики в Конституции РФ 1993 года именуются «государствами», не означает признания за ними государственного суверенитета (пункт 3.3) [2].

Как следует из Постановления КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П, эта формулировка лишь отражает исторические и национальные особенности республик, но не наделяет их суверенитетом (пункт 2.1) [3].

В Определении от 27 июня 2000 г. № 92-О КС РФ разъяснил, почему наделение республик суверенитетом недопустимо: это нарушило бы конституционный принцип равноправия всех субъектов РФ. Субъект Федерации, не обладающий суверенитетом (например, область или край), по своему статусу не может быть равноправным с суверенным государством (республикой) (пункт 2.1) [4].

Ни одна республика в составе России не обладает государственным суверенитетом и не вправе провозглашать себя таковой. Все они являются равноправными субъектами в рамках единого суверенного государства — Российской Федерации. Следовательно, республики не могут учреждать самостоятельного института гражданства (пункт 3.4) [2].

Конституция России устанавливает принцип единого гражданства (ст. 6), не предусматривает гражданства республик или иных субъектов РФ, относит гражданство в России к исключительному ведению Российской Федерации (ст. 71, п. «в»), что означает его регулирование исключительно федеральным законом (пункт 3.4) [2].

Наличие населения на территории республики не является конституционным основанием для установления республиканского гражданства. Конституционный Суд указывает, что термин «народ республики» может использоваться лишь в демографическом, а не в государственно-правовом смысле. Единое гражданство РФ гарантирует всем гражданам равные права и защиту независимо от того, на территории какого субъекта они проживают (пункт 3.4) [2].

Правовая неопределенность старого законодательства. Конституционный Суд констатирует, что положение Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» 1991 года о наличии у граждан РФ одновременно гражданства республики вступает в противоречие с принципом единого гражданства, закрепленным в Конституции 1993 года (пункт 3.4) [2].

КС РФ однозначно утверждает, что из исключительного характера суверенитета Российской Федерации логически вытекает и исключительная компетенция РФ в сфере гражданства. Установление какого-либо гражданства субъектами Федерации, включая республики, Конституцией не предусмотрено и противоречит принципу единого суверенитета и единого гражданства.

«При наличии в федерации гражданства субъекта выделяются основной и дополнительный уровни гражданства» [5, с. 22]. Стоит отметить, что только основное гражданство закрепляет правовую связь человека и государства, выражающуюся во взаимных правах и обязанностях. Гражданство ино-

го уровня приобретается при наличии гражданства основного уровня и фактическом проживании на территории субъекта.

Для многонациональной России гражданство выступает ключевым инструментом интеграции, укрепляя общегосударственную идентичность при сохранении культурного многообразия. Исторически вопрос о гражданстве субъектов федерации вызывал дискуссии, однако современное конституционное регулирование однозначно утвердило монистическую модель.

До 2000-х годов многие республики в составе РФ провозглашали в своих конституциях республиканское гражданство. Это создало правовой дуализм, противоречивший принципу единства государства. Отдельные положения федерального законодательства того периода, например, закон «О гражданстве РСФСР» 1991 года [6], косвенно допускали такую возможность, указывая, что граждане России, постоянно проживающие в республике, являются также ее гражданами (статья 2).

Согласно подпункту «в» статьи 71 Конституции России 1993 года, гражданство в Российской Федерации отнесено к исключительному ведению федерации. Часть 1 статьи 6 провозглашает гражданство РФ единым и равным.

Конституционалисты указывают, что:

1) федеративное гражданство регулируется только Российской Федерацией как государством [7, с. 30];
2) федерация устанавливает общие принципы и правила, которым в обязательном порядке должны следовать субъекты в составе России [8, с. 22–26].
3) не допускается установление республиканского гражданства или иных территориальных образований, что имело место в России в начале 90-х годов [9, с. 170–194].

Окончательную точку в дискуссии поставил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.06.1998 г. № 12-П, указав, что республики не вправе устанавливать собственные, отличные от федеральных, условия гражданства, а их гражданство «не может иметь правового значения иначе как в единстве с гражданством Российской Федерации» [10]. На основе этой правовой позиции была проведена масштабная работа по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Исключения упоминаний о республиканском гражданстве из текста конституций республик проходило в несколько этапов и растянулось с 2000 по 2023 гг.:

1. Ранний период гармонизации (2000–2001 гг.)

Конституции Чувашской Республики от 30.11.2000 г. [11], Карелии от 30.05.1978 (в ред. от 12.02.2001 г. № 473-ЗРК), Мордовии от 21.09.1995 г. (в ред. от 05.01.2001 г. № 3-З), Ингушетии от 27.02.1994 г. (в ред. от 18.07.2001 г. № 8-РЗП), Коми от 17.02.1994 г. (в ред. от 12.10.2001 г. № 45-РЗ);

2. Активный период унификации (2002–2004 гг.)

Конституции Башкортостана от 24.12.1993 г. (в ред. от 03.12.2002 г. № 369-З), Хакасии от 25.05.1995 г. (в ред. от 10.02.2003 г. № 1), Карачаево-Черкесской Республики от 05.03.1996 г. (в ред. от 27.05.2003 г.), Дагестана от 10.07.2003 г., Удмуртии от 07.12.1994 г. (в ред. от 16.10.2003 № 40-РЗ), Бурятии от 22.02.1994 г. (в ред. от 21.11.2003 № 9), Калмыкии от 05.04.1994 г. (в ред. от 16.02.2004 № 8-III-З), Северной Осетии от 12.11.1994 г. (в ред. от 22.06.2004 № 2-РКЗ) и Адыгеи от 10.03.1995 г. (в ред. от 29.07.2004 г. № 239);

3. Поздний этап гармонизации (2006–2008 гг.)

Конституции Якутии от 04.04.1992 г. (в ред. от 25.04.2006 г. 332-З № 675-III), Марий Эл от 24.06.1995 г. (в ред. от 04.10.2006 № 47-З), Чеченской Республики от 23.03.2003 г. (в ред. от 02.12.2007 г. № 2-РКЗ), Кабардино-Балкарии от 01.09.1997 г. (в ред. от 05.02.2008 г. № 5-РЗ);

4. Завершающий период (2010–2023 гг.)

Конституции Тывы от 06.05.2001 г. (в ред. от 11.04.2010 № 1859 ВХ — II) и Татарстана от 20.11.1992 г. (в ред. от 26.01.2023 № 1-ЗРТ).

Прослеживается волнообразный процесс гармонизации конституционного законодательства республик, пик которого пришелся на 2002–2004 годы, когда 9 из 20 республик внесли ключевые изменения в свои основные законы по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Даже в поздний период отдельные республики (Тыва и Татарстан) долгое время сохраняли в своих конституциях положения, требующие дополнительной гармонизации, что указывает на сложный баланс между унификацией и учетом историко-культурной специфики.

Процесс гармонизации занял более двадцати лет (2000–2023), что демонстрирует как сложность конституционно-правовых реформ, так и различную скорость адаптации регионов к новым федеративным реалиям.

Анализ конституционных положений республик о гражданстве позволяет выявить сходства, основанные на признании верховенства федерального законодательства, и различия, проявляющиеся в степени детализации регулирования и юридической технике формулировок. Ключевым объединяющим элементом является признание производного характера республиканского гражданства от гражданства Российской Федерации, что находило выражение в схожих формулировках, используемых большинством республик: «граждане [Республики] являются гражданами Российской Федерации» (ст. 10 Конституции Карелии, ст. 4 Конституции Башкортостана, ст. 4 Степного Уложения Калмыкии, ст. 5 Конституции Северной Осетии-Алании, ст. 8 Конституции Марий Эл, ст. 21 Ингушетии, ст. 57 Конституции Адыгеи и др.) или «гражданин Российской Федерации… является гражданином [Республики]» (ст. 5 Конституции Мордовии, ст. 6 Конституции Хакасии, ст. 8 Конституции Удмуртской Республики, ст. 6 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, ст. 21 Конституции Татарстана). Вторым универсальным сходством выступает территориальный принцип установления этой связи, когда статус гражданина республики обусловлен проживанием на ее территории (ст. 10 Конституции Коми, статья 6 Конституции Хакасии, статья 12 Конституции Бурятии и др.). Однако наблюдаются существенные различия в подходах к закреплению данного института. Так, одна группа республик ограничивалась краткой декларацией о наличии собственного гражданства без какого-либо раскрытия его содержания (ст. 4 Конституции Тывы; ст. 4 Конституции Башкортостана; ст. 21 Конституции Татарстана). Другие, напротив, предпринимали попытку детального регулирования, устанавливая процедуры приобретения и прекращения (ст. 9 Конституции Карелии; ст. 5 Конституции Северной Осетии-Алании; ст. 57 Конституции Адыгеи; ст. 12 Конституции Якутии), причем Якутия предусматривала уникальное условие — «изъявивший на это желание»: «Гражданином республики может быть человек по рождению или человек, постоянно проживающий на территории Республики Саха (Якутия), изъявивший на это желание и признающий Конституцию Республики Саха (Якутия)» (статья 12).

Таким образом, при формальном единстве базового принципа о производности статуса конкретные конституционные формулы демонстрировали широкий спектр подходов — от символической декларации до создания сложных правовых конструкций

В настоящее время в вышеперечисленные конституции взамен понятий «гражданин Республики» введены другое: «каждый» либо «гражданин Российской Федерации». Примечательно, что Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 07.06.1997 г. изначально, уже в момент своего принятия, не содержала понятия республиканского гражданства. В ее статье 12 было напрямую закреплено: «Республика Алтай не устанавливает свое гражданство, исходит из положения Конституции Российской Федерации о единстве гражданства в Российской Федерации и признает, что каждый гражданин Российской Федерации на территории республики обладает всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Алтай». Можно сказать, что данный Основной Закон предсказал будущие тенденции в конституционном развитии российских регионов. Конституция Дагестана, которая также избегала термина «гражданин Республики Дагестан», закрепляла: «Каждый проживающий на территории Республики Дагестан, за исключением иностранных граждан и лиц без гражданства, в соответствии с федеральным законом является гражданином Российской Федерации (далее гражданин)» (ст. 12). Данная модель представляет собой наиболее корректную с точки зрения федеральной Конституции.

На протяжении всей истории Советского Союза его конституции — 1924, 1936 и 1977 годов — последовательно утверждали принцип единого союзного гражданства. При этом формулировка этого принципа со временем изменилась. Если в Конституции 1924 года (ст. 7) оно устанавливалось «для граждан союзных республик», то в последующих Основных Законах (ст. 21 Конституции 1936 г.

и ст. 33 Конституции 1977 г.) закреплялась прямая и неразрывная связь: «Каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР» [12, 13, 14]. Эта эволюция формулировок подчеркивала укрепление верховенства общесоюзной государственности. Следовательно, гражданство республик в СССР было производным (данная модель была полностью централизованной, несмотря на федеративную форму устройства) от общесоюзного, что также демонстрирует устойчивую тенденцию к централизации данного института. Федеральный закон 31.05.2002 № 62-ФЗ (утратил силу) [15] и Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ [16] не содержал и не содержит упоминаний о гражданстве субъектов, что окончательно закрепляет монистическую, централизованную модель.

Федерализм предполагает разграничение компетенции, но гражданство как атрибут суверенитета остается исключительной прерогативой федеративного государства в целом. Для России монистическая модель с единым федеральным гражданством является не только адекватной, но и единственно возможной, соответствующей ее конституционному строю и обеспечивающей государственную целостность.

Проведенный анализ регулирования института гражданства в федеративных государствах на примере России позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Ключевым фактором, определяющим модель регулирования, является вопрос о суверенитете. В современной доктрине общепризнано, что суверенитетом в полном объеме обладает только федерация в целом как субъект международного права. Следовательно, гражданство как его неотъемлемый атрибут является исключительной прерогативой федерации как носителя государственного суверенитета.

2. Российская Федерация сознательно придерживаются монистической, централизованной модели. Единое гражданство служит мощным инструментом укрепления государственного единства, формирования общефедеральной идентичности и противодействия сепаратизму.

Таким образом, институт гражданства в федеративных государствах, сохраняя свою универсальную сущность, служит важным индикатором баланса между единством страны и автономией ее составных частей. Доминирование монистической модели свидетельствует о том, что в современном мире единое гражданство рассматривается как фундаментальная основа целостности и стабильности федеративного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нешко Е. М. Принципы гражданства Российской Федерации // Epomen. Global. 2019. № 1. С. 55–71.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2001 № 250-О «По запросу Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Козловский С. И., Васильева О. Р. Значение гражданства субъекта федерации // Право и общество. 2021. № 2 (3). С. 22–24.

6. Закон РФ от 28.11.1991 № 1948–1 «О гражданстве Российской Федерации» (утр. силу) // Рос. газ. 1992. 6 янв.

7. Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2003. 643 с.

8. Данько А. А. Коллизионный федерализм в России: проблемы симметрии и асимметрии // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 22–26.

9. Кутафин О. Е. Российское гражданство. М. : Юристъ, 2004. С. 170–194.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 12-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

11. Здесь и далее автором используются тексты Конституций субъектов, размещенные на официальном интернет-портале правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1

12. Конституция СССР 1924 года. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (дата обращения: 28.11.2025).

13. Конституция СССР 1936 года. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 28.11.2025).

14. Конституция СССР 1977 года. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#ii (дата обращения: 14.10.2025).

15. О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон от 31.05.2002 № 62 (утр. силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

16. О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 349.444
ББК 67.404.212.47–32

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

И. А. Воронина, В. В. Воронин
Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Настоящая статья посвящена анализу проблем, связанных с определением порядка проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, и обосновывает необходимость внесения изменений в действующее законодательство. Рассматриваются сложности, возникающие в правоприменительной практике при переходе от формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора к формированию на специальном счете. Вносятся предложения по уточнению временных рамок вступления в силу решений общего собрания собственников, а также по конкретизации перечня лиц, имеющих право на получение информации о средствах на специальном счете. Отмечается, что предлагаемые изменения не повлекут негативных социально-экономических последствий. Акцентируется внимание на необходимости повышения прозрачности использования средств на специальных счетах капитального ремонта. Предлагается четко определить круг лиц, имеющих право доступа к информации о платежах, остатках и операциях по таким счетам, с указанием на то, что данные изменения будут способствовать укреплению доверия собственников к системе, ускорению перехода на специальные счета и повышению эффективности проведения капитальных ремонтов и улучшению жилищных условий граждан. Подчеркивается, что предлагаемые законодательные корректировки окажут положительное социально-экономическое влияние и будут способствовать достижению целей государственных программ Российской Федерации.

Ключевые слова: капитальный ремонт, многоквартирный дом, жилищное законодательство, региональный оператор, специальный счет.

MAJOR REPAIRS OF COMMON PROPERTY IN APARTMENT BUILDINGS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

I. A. Voronina, V. V. Voronin
Orenburg State University (Orenburg, Russia)

This article analyzes the problems associated with determining the procedure for major repairs of common property in apartment buildings, and justifies the need to amend the current legislation. The difficulties that arise in law enforcement practice during the transition from the formation of a capital repair fund on the account of a regional operator to the formation on a special account are considered. Proposals are being made to clarify the time frame for the entry into force of decisions of the general meeting of owners, as well as to specify the list of persons entitled to receive information about funds in a special account. It is noted that the proposed changes will not entail negative socio-economic consequences. Attention is focused on the need to

increase the transparency of the use of funds in special capital repair accounts. It is proposed to clearly define the circle of persons who have the right to access information about payments, balances and transactions on such accounts, indicating that these changes will help strengthen the confidence of owners in the system, accelerate the transition to special accounts and increase the efficiency of major repairs and improve the living conditions of citizens. It is emphasized that the proposed legislative adjustments will have a positive socio-economic impact and will contribute to achieving the goals of the state programs of the Russian Federation.

Keywords: major repairs, apartment building, housing legislation, regional operator, special account.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.9

Вопросы, связанные с проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, остаются одними из наиболее актуальных и требующих постоянного внимания. Эффективность данной сферы напрямую зависит от четкости законодательных норм и простоты процедур, затрагивающих интересы значительного числа граждан. В свете правоприменительной практики выявляются пробелы, требующие корректировки для обеспечения прозрачности и оперативности процессов.

Один из наиболее актуальных аспектов, касающихся капитального ремонта, — это установление сроков перехода к формированию фонда на специальном счете. Согласно части 5 статьи 173 Жилищного кодекса РФ, решение собственников помещений о прекращении накоплений на счете регионального оператора и переводе их на специальный счет вступает в силу лишь спустя год после официального уведомления регионального оператора [1].

Именно специальный счет является наиболее прямым и стратегически выгодным инструментом, предоставляющим домовладельцам полную автономию и эффективность в управлении накоплениями. Выбирая этот вариант, собственники помещений в многоквартирном доме получают больше контроля над своими взносами. Однако для реализации такого решения общему собранию собственников предстоит четко сформулировать и зафиксировать ряд критически важных аспектов. Во-первых, это размер ежемесячных вложений в фонд капитального ремонта, который обязан быть не ниже минимума, предписанного Постановлением Правительства соответствующего субъекта. Во-вторых, следует конкретизировать кандидатуру держателя специального счета. В-третьих, необходимо выбрать банк для открытия этого счета. В-четвертых, нужно определить лицо или организацию, уполномоченное на формирование и рассылку платежных документов за взносы, включая цифровые форматы рассылки, с установлением порядка предоставления этих документов, стоимости связанных с этим операций и условий их оплаты [2, с. 9–10].

Отличительная черта специального счета, предназначенного для формирования фонда капитального ремонта, заключается в одном важном принципе: независимо от того, какое юридическое лицо является формальным владельцем или держателем этого банковского счета, все накопленные на нем финансовые средства по праву принадлежат собственникам помещений в многоквартирном доме. И только им принадлежит исключительное право решать, как будут расходоваться эти деньги, путем голосования на общем собрании.

В ситуациях, когда многоквартирное здание не находится под управлением товарищества собственников жилья, жилищного или иного профильного кооператива, владельцы помещений сохраняют за собой право коллегиально, на общем собрании, поручить региональному оператору роль администратора их индивидуального накопительного счета. В подобном сценарии банковский счет будет формально оформлен на имя самого оператора, однако суверенное право собственности на аккумулированные средства остается исключительно за домовладельцами, которые и определяют порядок их использования в строгом соответствии с Жилищным кодексом [3, с. 28].

Если же владельцами специального счета выбраны ТСЖ, управляющая компания или иной кооператив, эти организации должны в обозначенный срок открыть такой счет в банке, выбранном собственниками. Банк требует предъявления всех необходимых документов, включая протокол решения общего собрания собственников. Счет при этом открывается на имя того лица, которое указано в данном решении [3, с. 13].

Важно отметить, что планирование капитального ремонта — это комплексная задача. Оно должно не только обеспечить приведение зданий в надлежащее состояние и улучшение их инженерных систем, но и гарантировать своевременное проведение работ с учетом установленной периодичности и фактического технического состояния. Все планы должны быть сбалансированы с имеющимися финансовыми, материально-техническими и трудовыми ресурсами, обеспечивая максимально эффективное использование выделяемых средств [4, с. 22].

На данный момент в законодательство вносятся изменения, касающиеся уточнения понятийного аппарата в части установления сроков перехода к формированию фонда на специальном счете капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, а также конкретизации перечня лиц, имеющих право на информацию о средствах на специальном счете, данные изменения затронут статьи 173 и 177 Жилищного кодекса Российской Федерации [5].

Актуальность данной темы также подтверждается словами депутата Государственной Думы А. Ю. Кирьяновым, который является одним из соавторов законопроекта, направленного на уточнение вопросов накопления средств на капитальный ремонт: «Стараемся с коллегами сделать так, чтобы в законодательстве были все нюансы, определяющие судьбу многоквартирного дома. Наши решения по ЖКХ, вопросам, связанным с многоквартирными домами — это, в том числе, и результат работы партийного проекта «Школа ЖКХ» [6].

Для эффективного решения обозначенных проблем и поиска наиболее прагматичных подходов особое внимание следует уделить реализации социальных проектов. Их основная цель — обеспечить доступность, комфорт и безопасность проживания в многоквартирных домах, а также повысить правовую грамотность граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Подобные инициативы выступают действенной платформой для налаживания сотрудничества между органами власти, собственниками жилья и ключевыми участниками ЖКХ-рынка: управляющими организациями, поставщиками коммунальных услуг и региональными операторами капитального ремонта. Так, отличным кейсом такого рода является федеральный проект «Единой России» «Школа ЖКХ» [7].

Региональная программа капитального ремонта играет ключевую роль в поддержании жилищного фонда. Именно она позволяет планировать и организовывать работы, обеспечивать финансовую поддержку из бюджетов различных уровней и контролировать своевременность их проведения как собственниками, так и региональным оператором. Однако учитывая неумолимый процесс старения существующих зданий и непрерывный ввод в эксплуатацию новых, срок окончания региональной программы рискует постоянно отодвигаться в будущее. Если федеральное законодательство останется без изменений, региональные программы рискуют стать «вечными» и утратить свою актуальность [8, с. 4].

Организация капитального ремонта напрямую зависит от региональной программы, которая утверждается в каждом субъекте Российской Федерации. Этот ключевой документ включает в себя полный перечень многоквартирных домов региона, где планируется проведение работ, а также устанавливает строгую очередность их выполнения. При этом стоит отметить, что сроки реализации конкретных ремонтных мероприятий, определенных в этих региональных программах, рассчитаны на период, не превышающий трех лет [9].

При этом на практике нередко возникает ситуация, когда региональный оператор по капитальному ремонту сталкивается с трудностями. Одной из существенных проблем остается точное определение даты получения решения общего собрания собственников многоквартирного дома. Эта неопределенность вынуждает дополнительно запрашивать необходимую информацию либо у самих собственников, либо у владельца специального счета. Такой подход значительно усложняет процедуру перехода от одной формы создания фонда капитального ремонта к другой.

Для устранения обозначенной неопределенности и совершенствования действующего законодательства особенно важно уточнить временной период отсчета, то есть необходимо определить четкий момент, с которого начинается исчисление годичного срока, следующего за получением региональным оператором решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Это может быть, например, дата регистрации решения в установленном порядке или иная фиксируемая дата, исключающая двусмысленное толкование. Такое уточнение позволит избежать спорных ситуаций и ускорит переход к формированию фонда на специальном счете.

Помимо этого, назрела необходимость уточнить круг лиц, имеющих право доступа к информации о средствах на специальных счетах капитального ремонта. Критически важно однозначно зафиксировать, кто именно имеет право истребовать данные о зачисленных платежах от собственников, величине остатка и обо всех операциях, проведенных по данному счету. Более строгое очерчивание этого круга лиц приведет к существенному увеличению открытости в использовании финансовых ресурсов, предназначенных для реализации программ капитального ремонта, и укреплению доверия собственников к механизмам накопления и расходования средств.

Важно отметить, что предлагаемые изменения соответствуют положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации и не затрагивают сферу предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения требований в которой осуществляется в рамках государственного контроля [10].

Принятие изменений, направленных на уточнение понятийного аппарата в части проведения капитального ремонта, не окажет негативных социально-экономических, финансовых и иных последствий, в том числе для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, а, наоборот, будет способствовать достижению целей государственных программ Российской Федерации.

При внесении данных уточнений в статьи 173 и 177 Жилищного кодекса Российской Федерации устранится неопределенность в правоприменительной практике, упростятся процедуры перехода между формами создания фонда капитального ремонта, а также повысится прозрачность использования средств собственников. Это, в свою очередь, будет способствовать более эффективному проведению капитальных ремонтов и, как следствие, улучшению жилищных условий граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // КонсультантПлюс: справочная правовая система / разраб. НПО «Вычисл. математика и информатика». М. : КонсультантПлюс, 1997–2025. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 03.11.2025).

2. Костянов А. В. Контроль проведения работ по капитальному ремонту многоквартирных домов: методическое пособие для собственников помещений. М. : Прометей: Авангард, 2020. 150 с.

3. Архимандритова М. А. Капитальный ремонт в многоквартирных домах и тарифы на коммунальные услуги: вопросы и ответы. М. : Библиотечка РГ, 2014. № 10. 160 с.

4. Шрейбер К. К. Капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах — проблемы и решения: монография. М. : АСВ, 2021. 399 с.

5. Законопроект № 829059–8 «О внесении изменений в статьи 173 и 177 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 2025. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/829059–8#bh_note (дата обращения: 03.11.2025).

6. Официальный сайт партии «Единая Россия» // Партия «Единая Россия», 2005–2025. URL: https://novgorod.er.ru/activity/news/izmeneniya-v-zhilishnyj-kodeks-podderzhali-edinorossy (дата обращения: 03.11.2025).

7. Официальный сайт федерального проекта «Школа ЖКХ» партии «Единая Россия» // Партия «Единая Россия», 2005–2025. URL: https://life.er.ru/ (дата обращения: 03.11.2025).

8. Генцлер И. В., Лыкова Т. Б., Прокофьев В. Ю., Гордеев Д. П., Колесников И. В., Ланцев Д. М. Капитальный ремонт многоквартирных домов: решения и действия собственников жилья / под общ. ред. И. В. Генцлер. М. : Фонд «Институт экономики города», 2016. 176 с.

9. Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Проблемы правового регулирования капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 29–34.

10. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс: справочная правовая система / разраб. НПО «Вычисл. математика и информатика». — М.: КонсультантПлюс, 1997–2025. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 03.11.2025).

УДК 341.9
ББК 67.93

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ КОНТРАКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Е. Ю. Коваленко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Д. Д. Матвеев

Группа компаний «Сталкер» (Барнаул, Россия)

В настоящее время против нашей страны развязана настоящая санкционная война. В этих условиях страдают также и субъекты хозяйственной деятельности, осуществляющие международную коммерческую деятельность посредством заключения коммерческих контрактов. Затруднения российских лиц обусловлены осуществляемыми ограничительными действиями недружественных государств, в числе которых — США, Великобритания, Австралия и другие государства, а также Европейский союз. В сложившихся условиях для российских предпринимателей оказывается необходимым не только принятие во внимание указанных ограничений, но и осуществление действий, направленных на уменьшение их негативных последствий путем включения в международные коммерческие договоры с участием российских лиц необходимых или, по крайней мере, желательных оговорок. Важно понимать, что от возможности осуществления хозяйствующими субъектами международных коммерческих контрактов также зависит и возможность физических лиц на территории России потреблять товары и услуги, производимые за рубежом. Проблемы исполнимости контрактов на фоне санкций важна и потому, что от субъектов в данном случае зависит то, как они смогут преодолеть данную проблему также в контексте и применения штрафов в иностранных юрисдикциях в отношении иностранных контрагентов. Проанализирована судебная арбитражная практика судов разных уровней и предложены определенные рекомендации субъектам экономической деятельности. Дана характеристика обстоятельств непреодолимой силы и критерии отнесения к таковым.

Ключевые слова: международное частное право, международный коммерческий контракт, санкционная оговорка, юридическое лицо, санкции.

FEATURES OF THE EXECUTION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

E. Y. Kovalenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

D. D. Matveev

Legal Partner of the Stalker Group of Companies (Barnaul, Russia)

Currently, a real sanctions war has been unleashed against our country. In these conditions, business entities engaged in international commercial activities through the conclusion of commercial contracts also suffer. The difficulties of Russian individuals are caused by the restrictive actions of unfriendly states, including the United States, Great Britain, Australia, the European Union and other states. Under the current conditions, it is necessary for Russian entrepreneurs not only to take into account these restrictions, but also to take actions aimed at reducing their negative consequences by including necessary or at least desirable reservations in international commercial agreements with the participation of Russian persons. It is important to understand that the possibility of economic entities implementing international commercial contracts also depends on the ability of individuals in Russia to consume goods and services produced abroad also depends.

The problem of the enforceability of contracts against the background of sanctions is also important because it depends on the subjects in this case how they will be able to overcome this problem also in the context of the application of fines in foreign jurisdictions against foreign counterparties. The judicial arbitration practice of courts of different levels is analyzed and certain recommendations are given to subjects of economic activity. A description of force majeure circumstances and criteria for attribution to such circumstances are given.

Keywords: private international law, international commercial contract, sanction clause, legal entity, sanctions.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.10

На сегодняшний день развитие сотрудничества со странами Азии является одной из приоритетных задач развития внешних отношений Российской Федерации, и внешнеэкономическая деятельность как с давними партнерами в Азиатском регионе, так и с другими странами этого региона является хорошим примером этого сотрудничества. Ярким примером развития внешнеэкономических связей являются международные контракты, которые заключаются между хозяйствующими субъектами стран, ведущих торговлю.

Международные контракты являются способом взаимодействия частных субъектов, находящихся под различными юрисдикциями. Торгово-промышленная палата Российской Федерации определяет внешнеторговый контракт как основной коммерческий документ внешнеторговой операции, свидетельствующий о достигнутом соглашении между сторонами. При этом не каждый контракт можно назвать международным, а только тот, который заключается сторонами, находящимися под юрисдикцией разных государств.

Согласно положению Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров, в качестве обязательного условия в этом случае выступает местонахождение сторон заключаемого контракта [1]. Так, международным признается контракт в том случае, если стороны имеют одну государственную принадлежность, но расположены они в разных странах. Следовательно, согласно положениям данной конвенции, Контракт не будет считаться международным, если стороны с разной государственной принадлежностью его заключают на территории одного государства.

В настоящий момент широкое распространение получили так называемые санкции, которые вводят одни страны против других в различных секторах экономики. Однако эти санкции затрагивают как всю экономику отдельной страны, так и отдельных субъектов экономической деятельности. Санкции — это мера воздействия, имеющая ограничительный характер на субъекта в экономической сфере с целью принуждения к определенному поведению. Несомненно, они имеют незаконный характер.

Для начала обратим внимание на то, что с юридической точки зрения есть мера ответственности, предусмотренная за совершенное правонарушение. Здесь важно отметить, что об ответственности российских лиц говорить не приходится по той причине, что правомерные санкции, имеющие место в международном праве, не могут налагаться отдельными государствами. Беря во внимание тот факт, что на данный момент принят и действует уже шестнадцатый пакет санкций, для российских предпринимателей становится выработка правила поведения, уменьшающего риски, в связи с ограничениями просто необходима. В сфере международных коммерческих контрактов для этого предусмотрены специальные правила или специальные оговорки в международных коммерческих контрактах.

В текущих условиях Россия находится под значительными ограничительными мерами со стороны ряда государств. Принимая во внимание эти ограничительные меры, сегодня контрагенты по международным контрактам применяют такой инструмент, как санкционная оговорка. Для начала стоит сказать, что такие санкционные оговорки, а если говорить шире — то правовые оговорки, должны быть, с одной стороны, гибкими, для того чтобы они могли выдержать изменяющиеся внешнеполитические обстоятельства, с другой — быть четко сформулированными, для того чтобы не допускать различного толкования.

Как отметил Р. С. Кашанский, само существование правовых оговорок ученые обусловливают, как правило, «сложностью правового регулирования, глобализацией, увеличением случаев проникновения в национальные правовые системы иностранного права». В связи со сказанным отнюдь не случаен и контекст первого упоминания правовой оговорки — непризнание норм законодательных актов Египта римлянами в силу их противоречия воззрениям последних [2, с. 21–22].

Не претендуя на единственно правильное определение санкционной оговорки, отметим лишь то, что такие оговорки — предусмотренные международным коммерческим контрактом положения, регулирующие действие договора в условиях санкционных ограничений.

О. Ф. Засемкова отмечает, что с учетом того факта, что экономические санкции относятся к категории сверхимперативных норм права, направленных на защиту внутреннего и/или международного публичного порядка, каждая сторона сделки будет нести соответствующие публично-правовые обязанности по соблюдению применимых к ней санкционных ограничений, которые нельзя будет исключить или обойти через выбор иностранного применимого права к контракту. Для хозяйствующих субъектов единственным вариантом поведения, который позволяет им оставаться в рамках правового поля, является соблюдение санкционных ограничений той юрисдикции, национальность которой они имеют и/или в которой они ведут свою деятельность. На достижение этого результата и нацелены санкционные оговорки, в которых прописывается обязательство каждой из сторон по контракту придерживаться применимых санкционных ограничений [3].

При ведении переговорного процесса стороны всегда смотрят на плюсы и минусы разных правовых систем и избирают ту правовую систему, выгодную для всех сторон процесса, чтобы сохранить частноправовые отношения между ними.

При этом сторонам стоит определить, что именно в условиях заключенного контракта будет расцениваться и попадать под понятие санкции, а также, как отмечала Н. Ю. Пшеничная, необходимо перечислить конкретные страны, международные организации, органы, которые вводят санкции (ЕС, США, Великобритания, ООН и прочие) [4, с. 120].

Когда контрагенты избирают российское право, то это будет считаться нарушением публичного порядка, поскольку нормы об одностороннем отказе от договора поставки, предусмотренные ст. 523 Гражданского кодекса Российской Федерации, являются императивными, а перечень — закрытым.

При этом российские судебные органы санкции иностранных государств не признают, что создает дополнительные риски для иностранного контрагента. Точкой равновесия может быть оговорка о применимом праве иностранной компанией — в этом случае публичный порядок не будет нарушен.

Суд в деле № А40–132383/2021 удовлетворил требования Истца. По мнению суда, действия по одностороннему отказу от предоставления услуг, выразившемуся в блокировке аккаунта и канала организации, противоречат:

1) сверхимперативным нормам и публичному порядку РФ;
2) основополагающим нормам международного права в области защиты прав человека, обеспечения независимости и автономии спортивного движения [5].

В другом деле суд кассационной инстанции подтвердил позицию суда первой и апелляционной инстанции по делу о действительности и исполнимости санкционной оговорки по делу АО «Учалинский ГОК» («Покупатель») и ООО «Сандвик Майнинг энд Констракшн СНГ» («Поставщик») [5].

В связи с тем, что торговые отношения в настоящий момент находятся под влиянием санкций, шанс не попасть под них оказывается минимальным, включение в договор оговорки о том, что санкции являются обстоятельством непреодолимой силы, уже становится неактуальным, поскольку не отвечает критерию чрезвычайности.

Следующий способ санкционной оговорки можно рассматривать как возмещение потерь, предусмотренное ст. 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Формулировка данного вида оговорки относится на будущие периоды, не связанные с нарушением договора, и будут применяться в случае наступления санкционного риска. Оговорка может включать обязательство стороны, включенной в санкционный список, уведомить другую сторону о произошедшем, а также возместить контрагенту убытки, согласованные между сторонами.

Исходя из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», критериями данного способа являются следующие: постоянный характер, препятствия нельзя устранить никаким иным способом, даже с привлечением третьих лиц [6].

Еще одним важным условием международного коммерческого контракта является условие о цене и порядке ее уплаты. Как правило, программа международного коммерческого контракта предусматривает валютную оговорку в тех случаях, когда как минимум для одной из сторон договора оплата производится в иностранной валюте. Тогда в подобных случаях важно включать в программу договора валютную оговорку.

При этом, как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», следует различать валюту, в которой денежное обязательство выражено (валюту долга), и валюту, в которой это денежное обязательство должно быть исполнено (валюту платежа). Валютой долга может быть любая, в то время как валюту платежа в настоящее время целесообразно устанавливать в безопасной для себя и контрагентов денежной единице [7].

Также важным моментом, на который стоит обратить внимание, — это вопрос применимого права в международном коммерческом контракте.

Как отмечают В. В. Старженецкий и Я. А. Багрова в своем исследовании, в настоящий момент в практике также нет определенности относительно действия санкционных ограничений в контексте применимого права. Проблема состоит в том, что санкции являются частью того правопорядка, который их принял, и при этом обязывают тех лиц, которые являются субъектами права [8].

Если же стороны по контракту не распространяют их на свои отношения по контракту санкции, тем самым придавая им экстерриториальный эффект, то у них есть несколько вариантов. Во-первых, они могут выбрать нейтральную юрисдикцию. Здесь преимуществом будет не оказывать влияния на отношения сторон, во всяком случае прямого влияния санкционного режима стороны ощущать не будут. Однако юрисдикция, которая была нейтральной, может также попасть в разряд недружественных, что сопряжено с уже известными рисками.

Во-вторых, как отмечают В. В. Старженецкий и Я. А. Багрова, стороны могут не привязывать контракт к какой-либо конкретной правовой системе, а выбрать в качестве применимого права документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств (например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА или Модельные правила европейского частного права) [9, 10].

И. Н. Крючкова, изучая влияние экономических санкций Совета Безопасности ООН на внешнеэкономические отношения, приходит к выводу, что нормы lex causae, включая нормы о санкциях, могут не применяться в государстве lex fori в случае, если такие санкции противоречат основополагающим принципам отдельных отраслей или всей правовой системы государства, так как они нарушат публичный порядок конкретного государства [11, с. 64].

В связи с санкциями недружественных стран стороны по сделке находят пути решения. Например, продажа и поставка товара через третьи страны. Сегодня в перевозке грузов существует следующий фактический механизм обхода санкций, когда продукция поступает в Россию через третьи страны путем перепродажи стороной-посредником. Сначала сторона покупает товар в стране, которая ввела санкции против России, а затем продает эти товары в России с наценкой. Безусловно, эта мера увеличивает издержки бизнеса и толкает контрагентов по сделке искать другие варианты обхода санкций.

Стоит также упомянуть, что ранее многие международные коммерческие договоры с участием российских предпринимателей регулировались английским правом, а споры из таких договоров рассматривались в английских судах и арбитражах. Учитывая практическую недоступность английских судов и арбитражей в настоящее время для российских лиц, при подчинении договора английскому праву сторонам таких договоров предпочтительно обращаться в арбитражи Гонконга и Сингапура.

Альтернативой указанным арбитражам могут служить арбитражи Китая и Российской Федерации. В настоящее время большое количество китайских арбитражей рассматривают международные коммерческие споры. При этом, если ранее в Китае преимущественно имел место институциональ-

ный арбитраж, в настоящее время, как отмечают специалисты, всерьез задумываются об арбитраже ad hoc, процедура которого в принципе уже сейчас может применяться в делах, осложненных иностранным элементом.

Стоит также сказать, что продолжается работа по формированию институциональной основы для развития взаимодействия с различными международными организациями [12]. В рамках решения Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2024 г. № 15 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2025 год» были определены ключевые направления для взаимодействия как с международными организациями, так и с региональными и межгосударственными объединениями и третьими странами в целях развития в том числе в сфере внешней торговли. Особый акцент делается на развитии со странами СНГ, но при этом не являющимися членами ЕАЭС [13].

Необходимо заметить, что международное сотрудничество в области внешней торговли постоянно углубляется, это можно проследить на примере принятия совместных меморандумов [14, 15, 16].

Важно отметить, что сотрудничество происходит и с международными межгосударственными организациями, налаживаются двусторонние контакты в различных сферах и отраслях экономики, что также способствует смягчению санкционного режима и помощи со стороны дружественных государств [17].

География взаимного сотрудничества только расширяется и уже давно вышла за пределы Европы и Азии. Это свидетельствует о том, что даже в условиях сильного санкционного давления международное сотрудничество в области торговли не ослабевает, а набирает обороты [18, 19].

Говоря об итогах исследования, можно сделать несколько кратких выводов.

В сложившихся условиях для российских предпринимателей оказывается необходимым не только принять во внимание указанные ограничения, но и осуществить действия, направленные на уменьшение их негативных последствий путем включения в международные коммерческие договоры с участием российских лиц необходимых или, по крайней мере, желательных оговорок. Важно понимать, что от возможности осуществления хозяйствующими субъектами международных коммерческих контрактов также зависит и возможность физических лиц на территории России потреблять товары и услуги, производимые за рубежом. Проблемы исполнимости контрактов на фоне санкций важна и потому, что от субъектов в данном случае зависит то, как они смогут преодолеть данную проблему также в контексте и применения штрафов в иностранных юрисдикциях в отношении иностранных контрагентов.

Санкционная оговорка — это предусмотренные международным коммерческим контрактом положения, которые регулируют действие договора в условиях санкционных ограничений. Преимуществом санкционных оговорок является то, что стороны могут сохранить свои обязательства, это способствует одному из основополагающих принципов договорного права — Pacta sunt servanda (Договоры должны соблюдаться). Включение таких оговорок в программу международного коммерческого контракта является способом преодолеть публичные ограничения. При конструировании санкционных оговорок важно предусмотреть соотношение положений оговорки с применимым публичными правом.

Однако стоит учитывать, что при разрешении вопроса, связанного с прекращением договора из-за возникновения условий, попадающих под положение санкционной оговорки, иностранная сторона будет заинтересована в том, чтобы расторгнуть договор по определенным сторонами условиям, и в данном случае, как отмечает А. Мингес, в этом противостоянии, как правило, уступает тот, кому больше нужен контракт [20, с. 633].

Валютная оговорка также является важным инструментом, который стороны применяют в своих международных коммерческих контрактах. Цель валютной оговорки состоит в минимизации рисков, связанных со стадией оплаты товара и порядка оплаты в иностранной валюте.

Стороны для целей заключения международного коммерческого контракта ищут и другие пути обхода санкций помимо санкционных оговорок. Например, сегодня существует фактический механизм обхода санкций, когда продукция поступает в Россию через третьи страны путем перепродажи стороной-посредником. При этом, конечно, по сравнению с санкционной оговоркой этот способ

повышает трансакционные издержки лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность в России.

Сотрудничество с дружественными странами, уже входящими в одни международные структуры вместе с Россией, также способствуют развитию институциональной основы для развития взаимодействия с различными международными организациями, и уже определены ключевые направления для взаимодействия как с международными организациями, так и с региональными и межгосударственными объединениями и третьими странами в целях развития в том числе в сфере внешней торговли. Особый акцент делается на развитии со странами СНГ, но при этом не являющимися членами ЕАЭС. Заключение меморандумов и деклараций о намерениях является важным шагом на пути к обеспечению союзнических отношений со странами, которые уже входят наравне с Россией в структуры, созданные для сотрудничества и диалога в сфере торговых отношений. Эти решения позволяют также смягчить экономический ущерб от санкционного режима в отношении России.

В условиях санкционной блокады со стороны стран Запада во главе с США особенно важно продолжать выстраивать эффективное внешнеэкономическое регулирование с дружественными странами. По мере усиления евразийской интеграции в сфере экономики и все более возрастающая роль России в этом регионе помогла достижению задач максимального активного решения проблем и создания еще более благоприятных условий для внешнеторговой деятельности. Участие России в Шанхайской организации сотрудничества с учетом интересов России и других подобных организациях только подтверждает данный тезис.

Для нормального развития двусторонних отношений, особенно на фоне быстрорастущей мировой напряженности, важно установить на уровне правительств стран понятные правила регулирования совершения внешних экономических сделок. Конечно, правительственные структуры дружественных стран и органы государственной власти России будут иметь первостепенную роль в этих процессах. Однако для этого возможно привлечение также и сообщества ученных, отдельных специалистов и организаций, работающих в сфере отношений между Россией и дружественными странами.

В заключение стоит сказать, что санкции в отношении России создают ситуации, при которых становится невозможным исполнение ранее заключенных контрактов, что обременяет стороны по сделке. В этих условиях стороны вынуждены нести дополнительные трансакционные издержки, которые можно избежать благодаря применению санкционных оговорок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1994. № 1.

2. Кашанский Р. С. Толкование правовых оговорок (общетеоретический аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 181 с.

3. Засемкова О. Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2018. 412 с.

4. Пшеничная Н. Ю. Модернизация международных коммерческих договоров в современных условиях // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 117–126.

5. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/arbitral/?arbitral-txt=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=/. (дата обращения: 20.11.2025).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355061/. (дата обращения: 20.11.2025).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355061/. (дата обращения: 20.11.2025).

8. Старженецкий В. В., Багрова Я. А. (Анти) санкционные оговорки в международных коммерческих контрактах // Закон. 2023. № 7. С. 123–145.

9. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон. № 12. 1995.

10. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ. ; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013. 989 с.

11. Крючкова И. Н. Экономических санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в международном общественном и международном частном праве. М. : МАКС Пресс, 2005. 146 с.

12. Седова Ж. И. Государственные односторонние меры ограничительного характера и правовые механизмы защиты бизнеса от негативного влияния иностранных ограничительных мер // Российский ежегодник международного права. СПб. : Российская ассоциация международного права; Контраст, 2019. С. 164–184.

13. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2024 г. № 15 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2025 год» // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/242/9797/ (дата обращения: 20.11.2025).

14. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/6070/ (дата обращения: 20.11.2025).

15. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Международным советом по зерну // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/6042/ (дата обращения: 20.11.2025).

16. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Исламской организацией по продовольственной безопасности // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/5969/ (дата обращения: 20.11.2025).

17. Меморандум о взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Региональным содружеством в области связи // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/8169/ (дата обращения: 20.11.2025).

18. Меморандум о взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Правительством Союза Мьянма // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7559//. (дата обращения: 20.11.2025).

19. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Комиссией по конкуренции Общего рынка Восточной и Южной Африки в сфере конкурентной политики и правоприменения // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/6798/// (дата обращения: 20.11.2025).

20. Мингес В. А. Санкционные оговорки в международных договорах // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 5 (44). С. 632–635.

УДК 34.096
ББК 75.588

ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ В КИБЕРСПОРТЕ

А. Ю. Корочкин

Белорусский государственный университет; Минская областная специализированная юридическая консультация по правовому сопровождению бизнеса (Минск, Республика Беларусь)

О. С. Кобзарь

Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования и разрешения споров в сфере киберспорта. Авторы констатируют, что стремительное развитие киберспорта как технологического феномена опережает адаптацию традиционных правовых институтов, что создает значительные правовые пробелы и риски для всех участников данных отношений. Исследуются системные противоречия, возникающие из-за фрагментированности законодательства на национальном и международном уровнях. В работе рассматривается специфика киберспорта, выделяющая его на фоне традиционных видов спорта. Это порождает уникальную категорию споров, находящихся на стыке спортивного права и права интеллектуальной собственности. Центральное внимание в работе уделено критическому анализу существующих механизмов разрешения споров. Проводится критический анализ существующих и перспективных механизмов разрешения спортивных споров в области киберспорта. В заключении формулируются ключевые системные проблемы, препятствующие формированию целостной правовой системы в киберспорте: фрагментированность регулирования, доминирование вопросов интеллектуальной собственности, неравное положение сторон в спорах и вопросы кибербезопасности. В качестве перспективы развития аргументирована необходимость выработки единообразных международных стандартов, защищающих права киберспортсменов, а также целесообразность официального признания киберспорта в национальных юрисдикциях для унификации законодательства и обеспечения надлежащей правовой защиты участников.

Ключевые слова: спорт, спортивные споры, спортивные конфликты, разрешение спортивных споров, киберспорт.

ISSUES OF DISPUTE RESOLUTION IN ESPORTS

A. Y. Korochkin

Belarusian State University; Minsk Regional Specialized Legal Consultation for Business Legal Support (Minsk, Republic of Belarus)

O. S. Kobzar

Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

The article analyzes the problems of legal regulation and dispute resolution in the field of esports. The author notes that the rapid development of esports as a technological phenomenon outpaces the adaptation of traditional legal institutions, creating significant legal gaps and risks for all participants in these relationships. The article examines the systemic contradictions arising from the fragmentation of legislation at the national and international levels. The paper examines the specific features of esports, which distinguish it from traditional sports. This gives rise to a unique category of disputes at the intersection of sports law and intellectual property law. The article focuses on a critical analysis of existing dispute resolution mechanisms. A critical analysis of existing and prospective mechanisms for resolving sports disputes in the field of esports is provided. The conclusion identifies key systemic problems hindering the development of a coherent legal system in esports: fragmented regulation, the dominance of intellectual property issues, the unequal position

of parties in disputes, and cybersecurity issues. As a development perspective, the author argues for the need to develop uniform international standards protecting the rights of eSports athletes, as well as the advisability of officially recognizing eSports in national jurisdictions to unify legislation and ensure adequate legal protection for participants.

Keywords: sports, sports disputes, sports conflicts, resolution of sports disputes, esports.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.11

Киберспорт, являющийся плодом технической науки, очевидно не имеет адекватного своему уровню правового регулирования не только на национальном, но и международном уровне. Это довольно типичная ситуация для человеческой деятельности, когда технические по своему характеру нововведения и инновации идут быстрее гуманитарных дисциплин, призванных для адекватного их восприятия и интеграции в человеческую деятельность. Киберспорт здесь не стал исключением.

На данный момент киберспорт набирает силу в мире, и спортивные нормы ряда государств воспринимают эту позицию. Международная киберспортивная федерация (IESF), основанная в 2008 году со штаб-квартирой в Южной Корее, по состоянию на 2025 год имеет 151 государств-членов. В данный момент 66 государств юридически признали киберспорт спортивной дисциплиной [1]. Вместе с тем киберспорт имеет весьма отличную от традиционных видов спорта специфику, выделяющую его в качестве особенного явления. Многие правовые нормы, регулирующие правовые отношения в области спорта, не совсем подходят для регулирования отношений в киберспорте. Эту позицию воспринял и Международный Олимпийский Комитет (далее — МОК), 23 июля 2025 года приняв на 142-й сессии МОК в Париже решение о создании Олимпийских киберспортивных игр, с одной стороны, признав спортивный характер кибердисциплин, однако при этом отделив их от других видов традиционного спорта [2].

Традиционная для спортивного права точка зрения о необходимости правового регулирования отношений в киберспорте государством получила свое развитие в таких государствах, как Российская Федерация, Франция, Великобритания, Южная Корея. Каждое из этих государств столкнулось со своими проблемами правового регулирования [3]. В то же время, например, по мнению австралийского ученого Э. Виндхольца, киберспорт должен развиваться без вмешательства государства в соответствии с интересами и ценностями его различных участников и заинтересованных сторон [4]. Именно этот подход фактически реализован на международном уровне, и именно он не работает в качестве защиты прав участников киберспорта. Это заметно на всех уровнях правоотношений в киберспорте, начиная от наказания за допинг в одних киберспортивных турнирах и его отсутствия в других, видно в разном по привилегиям и обязанностям статусу киберспортсменов в различных странах, и особенно видно в спорах, когда киберспортсмен остается без адекватной правовой защиты один на один в конфликте со спонсором, клубом или, еще хуже, с игровым издателем/разработчиком. Все это создает фрагментарную и рыхлую правовую структуру в киберспортивной сфере, уязвимую для злоупотреблений и нарушения прав. Важно отметить, что такие конфликты — не редкость в данной сфере, они обладают особенной спецификой, и многие решения, присущие способам разрешения спортивных споров, в киберспорте либо работают иначе, либо не работают вовсе.

Правовая природа отдельно взятого спора в киберспорте является непростым вопросом. Хотя, как и в классических видах спорта, в киберспорте можно выделить коммерческие и классические (дисциплинарные) спортивные споры, эта классификация имеет ярко выраженную диспропорцию в правом регулировании и инструментарии разрешения споров и конфликтов.

В коммерческих спорах стороны достаточно часто пользуются коммерческим арбитражем. Так, в Южной Корее Корейская коммерческая арбитражная палата (KCAB) в 2020 году рассмотрела крупнейший в своей деятельности спор между южнокорейской компанией Wemade и китайской Jiuling, дочерней компанией Kingnet, о нарушении лицензионного соглашения и неуплате роялти, с присуждением компенсации в пользу Wemade в размере 294,6 млрд вон (приблизительно 210–215 млн дол-

ларов США) [5]. Важно обратить внимание, что стороны отказались решать такой спор в киберспортивных или спортивных арбитражных органах.

Этот, как и многие другие споры в киберспорте, имеют скорее черты конфликтов в сфере интеллектуальной собственности, чем черты спортивного спора, что затрудняет применение классических подходов к их разрешению.

Споры в киберспортивной сфере очень слабо представлены в спортивном арбитраже. Формально, Международная федерация киберспорта (IESF), международная организация, объединяющая национальные киберспортивные организации большинства стран, в том числе и Федерацию компьютерного спорта России, в п. 11 своего Устава определяет Спортивный Арбитражный Суд (далее — CAS) в качестве арбитражного органа, разбирающего споры, вытекающие из мероприятий IESF [6]. Однако на текущий момент CAS не рассматривал дела по киберспортивным спорам, не считая таковые сферой своей компетенции. Кроме того, на данный момент CAS не имеет в своей структуре арбитров, являющихся специалистами в области киберспорта. Попытка разрешения таких споров в CAS была предпринята в 2023 году: Федерация киберспорта Бахрейна (BESF) официально подала апелляцию в CAS в связи с несогласием с решением судей во время Азиатских игр в Ханчжоу [7]. Реакция CAS на требования BESF на данный момент пока неизвестна, но решение арбитражного органа по этому делу ожидается специалистами в области спортивного права во всем мире, так как оно создаст будущие подходы для взаимодействия традиционных арбитражных органов со спорами в сфере киберспорта.

Большинство из попыток создать специализированный киберспортивный арбитраж закончились неудачей. Из перечня таких органов арбитража можно выделить ACES — Arbitration Court for E-Sports (Арбитражный Суд Киберспорта), созданный в 2016 году при WESA — World E-Sports Association, киберспортивной ассоциации, созданной совместно девятью киберспортивными командами различных дисциплин и старейшей в мире киберспортивной компанией ESL Gaming GmbH из Германии. Несмотря на разработанные правила и процедуры арбитража, ACES в реальности не осуществлял практической деятельности. В первую очередь, этот орган не обладал реальным авторитетом и возможностью претворять свои решения по делам в реальную силу. Кроме того, неудача в планах по расширению членов WESA привела к тому, что ACES превратился в сугубо номинальный орган, в реальности никак не функционирующий и не распространяющий свою юрисдикцию даже на уровне отдельно взятой игровой дисциплины, не говоря уже о национальном и тем более международном статусе. По состоянию на 2025 год WESA не осуществляет свою деятельность, сайт организации не работает, а сведения о рассмотрении ACES каких-либо дел отсутствуют. Кроме того, независимость и объективность работы WESA вызывала вопросы у исследователей, так как организация была создана силами ESL, частной коммерческой организации [8]. Более удачным примером является система DRS (Dispute Resolution Systems) от игровой компании Riot Games для игроков League of Legends и Valorant. Разработанная в ноябре 2024 года, эта система рассмотрения жалоб по спорам, возникающим в состязаниях вышеуказанных игр, обладает признаками сформированного арбитражного органа, в том числе процессуальными нормами, сформированным размером пошлины, а также списком арбитров [9]. Недостатком этой системы является ее географическая ограниченность (только в регионе EMEA (Европа, Ближний Восток, Африка), ограниченность игровых дисциплин, а также невозможность рассмотрения споров, связанных с деятельностью с самой Riot Games.

Последней попыткой создания международного арбитража в киберспорте является учрежденный 29 января 2025 года IGET — Международный трибунал по играм и киберспорту [10]. Данный арбитраж отличается от предшественников более серьезной поддержкой — помимо ESIC (Комиссия по добросовестности в киберспорте), некоммерческой организации в киберспорте, которая так же, как и WESA, не обладает достаточным авторитетом и прозрачностью для подобных задач, в дело включился Центр по арбитражу и посредничеству Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPOAMC). На текущий момент IGET выбран в качестве стандарта для разрешения споров внутри продуктов таких компаний, как MOONTON Games, Gamercraft, Inc., NODWIN Gaming. IGET имеет зафиксированные правила арбитража, медиации, предусмотрена возможность ускоренного арбитража (в частности, при спорах во время киберспортивных турниров), а также составления экс-

пертного заключения для решения технических и иных вопросов во время спора. Кроме того, IGET является апелляционной инстанцией для обжалования решений ESIC. В компетенцию IGET входят договорные споры, споры по интеллектуальной собственности и споры, вытекающие из нарушения «честной игры». Стоит отметить, что IGET компетентен рассматривать также и антидопинговые споры [11]. При этом WIPOAMC также рассматривает споры, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности и авторских прав в киберспорте, имеет для них свой особый порядок регулирования и список арбитров [12]. Кроме того, WIPOAMC имеет определенный опыт в разрешении киберспортивных споров между компаниями разных государств. Создаст ли затруднения работа двух по сути параллельных арбитражей, WIPOAMC и IGET, в разрешении, в частности, споров в сфере прав интеллектуальной собственности в киберспорте, покажет время.

На международном уровне правовое регулирование киберспорта осуществляется параллельно несколькими организациями (IESF, WESCO, GEF, МОК, AESF — в Азиатском регионе) [14]. Это, как и споры в отношении прав интеллектуальной собственности и авторским правам, также сближает киберспортивные споры со спорами коммерческими. Например, довольно подробные Антидопинговые правила IESF, основанные на Антидопинговом кодексе WADA 2021 года, могут не иметь никакой юридической силы на киберспортивных турнирах, проходящих не под эгидой этой организации [15]. В данном контексте аналог оговорки о применимом праве, который мог бы находиться в правилах конкретного киберспортивного соревнования, зачастую используется на практике, и мы считаем такой вариант вполне допустимым.

В Республике Беларусь киберспорт не признан спортивной дисциплиной. Белорусская федерация киберспорта (далее — БФК), хотя и входит в члены IESF, является общественным объединением, а не федерацией спорта. Что касается возможности рассмотрения киберспортивных споров, в Уставе не содержится какого-либо порядка разрешения таких конфликтов, равно как и возможности их передачи в CAS или, например, Спортивный третейский суд при общественном объединении «Белорусский союз юристов» [15]. В отсутствии порядка разрешения споров Устав БФК повторяет недостатки уставов спортивных федераций в Республике Беларусь, усложняющих разрешение спортивных споров внутренними органами федерации [16].

Таким образом, основными проблемами в разрешении киберспортивных споров можно назвать следующие:

1) фрагментированность законодательства государств и международного правового регулирования разрешения киберспортивных споров;
2) сильная взаимосвязь киберспортивных споров с конфликтами прав интеллектуальной собственности, так как непосредственно видеоигры, будучи по сути спортивным инвентарем, являются объектами авторского права и источником дохода для разработчиков и издателей видеоигр;
3) неравная роль разработчиков и издателей видеоигр в потенциальных спортивных спорах, поскольку зачастую такие конфликты превращаются в спор о нарушении авторских прав и/или прав интеллектуальной собственности;
4) вопрос кибербезопасности, который регулярно нарушается при киберспортивных соревнованиях и в деятельности разработчиков видеоигр.

Следует констатировать, что специализированная отрасль права, которой является спортивное право, несколько отстает от технических нововведений в области киберспорта. Это не новая ситуация, а норма при введении тех или иных инноваций. В то же время отрицать уникальные черты киберспорта, в частности, широкое участие авторов и правообладателей видеоигр, трудно, и их автономию, равно как и автономию киберспортивных лиг, невозможно и нежелательно полностью подчинять гипотетической федерации или органу-регулятору. Мы считаем, что создание единообразных правил и норм на международном уровне, защищающих права всех участников киберспорта, крайне важно. В отечественном спортивном праве было бы желательным признание киберспорта спортивной дисциплиной, чтобы права киберспортсменов в состязаниях и права российских и белорусских киберспортсменов были уравнены. Это положительно бы повлияло как на белорусский киберспорт, так и на унификацию и систематизацию российского законодательства, регулирующего киберспорт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Sarah Kneller, Lindsey Darvin. Esports: A Case for Universal Recognition as a Sport / August Interactive. URL: https://augustinteractive. gg/media/Esports_%20A%20Case%20for%20Universal%20Recognition%20as%20a%20Sport.pdf

2. IOC enters a new era with the creation of Olympic Esports Games — first Games in 2025 in Saudi Arabia // International Olympic Committee. URL: https://www.olympics.com/ioc/news/ioc-enters-a-new-era-with-the-creation-of-olympic-esports-games-first-games-in-2025-in-saudi-arabia

3. Громова Е. А., Конева Н. С., Феррейра Д. Б. Проблемы правового регулирования киберспорта // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23, № S2. С. 134–140.

4. Eric Windholz. Governing Esports: Public Policy, Regulation and the Law // Bond University. 2020. Vol. 1. № 1. URL: https://researchmgt.monash.edu/ws/portalfiles/portal/314336791/314336739_oa.pdf

5. 위메이드, 中지우링상대로제기한중재승소…배상금 2946억원 // 스포츠경향. URL: https://sports.khan.co.kr/article/202005221728003

6. Lau KokKeng, Edina Lim, Yong Yi Xiang. Legal and Regulatory Issues in Video Gaming and Esports (Part 2) // ENTERTAINMENT & SPORTS — February 2024. URL: https://law.nus.edu.sg/trail/legal-and-regulatory-issues-in-videogaming-esports-p2/

7. Heiko Heidenreich, Markus Kurscheidt, Christian Brandt, Geoff Dickson. Esports Associations and the Pursuit of Legitimacy: Evidence From Germany. URL: https://www.frontiersin.org/journals/sports-and-active-living/articles/10.3389/fspor. 2022.869151/full

8. Arbitration Rules — Dispute Resolution for Riot Games' Esports (EMEA). URL: https://cdn.sanity.io/files/dsfx7636/news/d18bb9a27cf2d641795e736f93853731e2e5e0a8.pdf

9. ESIC and WIPO Unveil IGET: A Landmark Dispute Resolution Body for the Global Video Games and Esports Industries). URL: https://esic. gg/press-release/esic-and-wipo-unveil-iget-a-landmark-dispute-resolution-body-for-the-global-video-games-and-esports-industries/?utm_source=chatgpt.com

10. IGET Rules. URL: https://iget. gg/rules.php

11. WIPO Model Dispute Resolution Board (DRB) Clause for the Resolution of Video Games and eSports Disputes. URL: https://www.wipo.int/amc/en/center/specific-sectors/videogames/clauses/#2medclau.

12. Мухаматкулова П. М. Правовое регулирование киберспорта: международный и национальный опыт. URL: https://journal-web. uz/index. php/06/article/view/773/733

13. Anti-Doping Rules — International Esports Federation. URL: https://iesf.org/anti-doping/

14. УСТАВ Республиканского общественного объединения «Белорусская федерация киберспорта». URL: https://cybersport.by/ustav-roo-belorusskaya-federaciya-kibersporta

15. Кобзарь О. С. Вопросы рассмотрения спортивных споров спортивными федерациями в условиях отсутствия нормативного регулирования // Право.by. 2025. № 2. С. 189–195.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.211
ББК 67.408.01

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИСХОДНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ — ПРИНЦИПОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Р.А. Базаров, С.Г. Ольков

Донбасский государственный университет юстиции (Донецк, Россия, ДНР)

В статье осуществлен компаративный анализ основных исходных положений — принципов отечественного уголовного законодательства. Проанализированы предусмотренные действующим в настоящее время Уголовным кодексом Российской Федерации принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. При этом рассмотрена их взаимосвязь с основными исходными положениями, содержавшимися в прежних уголовных законах РСФСР. Выявлены конструктивно-позитивные положения, имевшие место в уголовных законах прошлых исторических эпох. Сделан вывод о том, что принципы Уголовного кодекса Российской Федерации являются результатом развития основных исходных положений уголовных законов прежних исторических времен.

Ключевые слова: принципы уголовного законодательства, основные исходные положения уголовного закона, принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MAIN PRINCIPLES OF DOMESTIC CRIMINAL LAW

R.A. Bazarov, S.G. Olkov

Donbass State University of Justice of the Russian Ministry of Justice (Donetsk, Russia, DPR)

The article provides a comparative analysis of the main starting points and principles of domestic criminal legislation. It examines the principles of legality, equality of citizens before the law, guilt, justice, and humanism, which are currently enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation. The article also explores the relationship between these principles and the main starting points found in the previous criminal laws of the RSFSR. It identifies the constructive and positive aspects of the criminal laws of previous historical eras. The article concludes that the principles of the Criminal Code of the Russian Federation are a result of the development of the main starting points and principles of the criminal laws of previous historical periods.

Keywords: the principles of criminal legislation, the basic principles of the criminal law, the principles of legality, equality of citizens before the law, guilt, justice, and humanism.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.12

Согласно положениям, содержащимся в научной и словарно-справочной литературе, в целом общепризнано, что под принципом понимается основное исходное положение. Так, Большой энциклопедический словарь определяет принцип (от латинского principium — начало, основа) как основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения [1]. В Большом толковом словаре русского языка указано аналогичным образом, что это основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки и т. п. [2]. Большой толковый словарь русских существительных (идеографическое описание, синонимы, антонимы) разъясняет, что под принципом надлежит понимать основное суждение, являющееся руководящим положением, правилом, установкой для какой-либо деятельности, отличающееся устойчивостью, непререкаемостью [3]. В научных работах по уголовному праву рассматриваемое понятие конкретизируется применительно к отраслевой составляющей. В частности, В.Д. Филимонов в своей монографии отмечает: «Признание принципами определяющих начал уголовного права — обязательное условие их правильного понимания. Оно не вызывает сомнений ни в философской, ни в юридической науке» [4, с. 5]. Подобного подхода придерживаются, в частности, Н.А. Лопашенко и некоторые другие видные ученые в области уголовного права [5]. Особый уровень значимости научного анализа вопросов об основных исходных положениях (принципах) уголовного закона обусловлен, главным образом, тем, что именно уголовное законодательство самым значительным образом сопряжено с наиболее строгими правоприменительными мерами реагирования на случаи его нарушения (вплоть до применения наказаний в виде длительных сроков лишения свободы, а также — пожизненного).

Цель настоящего исследования — осуществить анализ принципов Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) на основе компаративного (сравнительно-исторического) подхода, сопоставляя (сравнивая) их с основными исходными положениями, предусматривавшимися в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года (далее — УК РСФСР 1922 года), Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (далее — УК РСФСР 1926 года) и Уголовном кодексе РСФСР 1960 года (далее — УК РСФСР 1960 года), а также, опираясь на опыт исторического прошлого в части развития уголовных законов, рассмотреть целесообразность использования некоторых конструктивно-позитивных основных исходных положений прежних уголовных кодексов для совершенствования действующего в современный период времени отечественного уголовного законодательства.

В настоящей научной статье применялись, в частности, следующие общенаучные и частнонаучные методы исследования: дедукция, индукция, анализ, синтез, сравнительно-правовой, конкретно-исторический, логико-юридический.

В силу статьи 3 действующего УК РФ под принципом законности понимается, во-первых, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ, во-вторых, что применение уголовного закона по аналогии не допускается [6]. Указанные в статье 3 современного УК РФ основные исходные положения (принципы) уголовного закона являются новыми, они впервые в истории развития отечественного уголовного законодательства закреплены в УК РФ, принятом в 1996 году и вступившим в действие с 1 января 1997 года [7].

Например, УК РСФСР 1922 года, в отличие от действующего в настоящее время УК РФ, содержал в статье 10 основные исходные положения, прямо противоположные, в частности предусматривал на законодательном уровне применение уголовного закона по аналогии [8]. Статьей 10 УК РСФСР 1922 года устанавливалось, что в случае отсутствия в УК РСФСР 1922 года прямых указаний на отдельные виды преступлений наказания или меры социальной защиты применялись согласно статьям УК РСФСР 1922 года, которые предусматривали наиболее сходные по важности и роду преступления. Указанный подход нельзя признать конструктивно-позитивным, поскольку предполагал уголовную ответственность и уголовное наказание не только за те деяния, которые признаны согласно УК РСФСР 1922 года преступлениями, но также и за иные действия, прямо не предусмотренные уголовным законодательством в качестве преступлений.

К сожалению, применение уголовного закона по аналогии было сохранено и в следующем уголовном законе — УК РСФСР 1926 года [9]. Так, в статье 16 УК РСФСР 1926 года закреплялось, что в случае, если то или иное общественно-опасное действие прямо не предусмотрено УК РСФСР 1926 года, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям УК РСФСР

1926 года, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления. В научной литературе вполне обоснованно такому уголовно-правовому подходу дается негативная социально-правовая оценка. Указанное основное исходное положение (по сути — принцип, хотя в УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года терминология о принципах уголовного закона не использовалась) уголовного закона предоставляет возможность безгранично широкого субъективного усмотрения со стороны правоприменительных органов и их должностных лиц как на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела, предварительного расследования (следствия и дознания), так и в ходе судебного разбирательства и назначения наказаний.

Вместе с тем статья 15 УК РСФСР 1926 года содержала весьма полезный конструктивный подход, согласно которому в случае, если при наличии исключительных обстоятельств дела суд приходил к убеждению о необходимости определить меру социальной защиты ниже низшего предела, указанного в соответствующей данному преступлению статье УК РСФСР 1926 года, или перейти к другой, менее строгой мере социальной защиты, не обозначенной в УК РСФСР 1926 года, суд мог допустить такое отступление. При этом надлежало точно изложить в приговоре мотивы, вызвавшие данное отступление. Указанное основное исходное положение УК РСФСР 1926 года свидетельствует, что в нем предполагалась возможность, во-первых, в исключительных случаях назначать наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РСФСР 1926 года, во-вторых, даже назначать более мягкую меру социальной защиты, прямо не предусмотренную УК РСФСР 1926 года.

Далее следует обратить внимание на содержащийся в действующем УК РФ такое важное основное исходное положение — принцип равенства граждан перед законом. В соответствии со статьей 4 УК РФ лица, совершившие преступления, равны перед законом. Они подлежат уголовной ответственности независимо от каких-либо различий по гендерным, расовым, национальным, языковым, религиозным особенностям, а также независимо от происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

УК РСФСР 1922 года в статье 1 содержало основное исходное положение о том, что действие УК РСФСР 1922 года распространяется на все преступления, совершенные в пределах РСФСР, как гражданами РСФСР, так и иностранными гражданами. При этом в отношении некоторых категорий иностранных граждан делалось исключение — кроме иностранных граждан, которые по своему дипломатическому положению пользуются «правом экстерриториальности». Статья 2 УК РСФСР 1922 года устанавливала, что его действие распространялось на граждан РСФСР также и в случае, если преступления совершены ими за пределами РСФСР. Кроме этого, в УК РСФСР 1922 года (статья 3) определялось, что его действие распространялось также на пребывающих в РСФСР иностранных граждан, хотя и совершивших преступления вне пределов РСФСР, но, если они были направлены против основ государственного строя и военной мощи РСФСР.

УК РСФСР 1960 года (статья 2) устанавливал следующее основное исходное положение: УК РСФСР исходил из принципов и общих положений, установленных Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [10]. При этом статье 2 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик указывалось, что уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик состояло из данных Основ, определяющих принципы и устанавливающих общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, общесоюзных законов, предусматривавших ответственность за отдельные преступления, и уголовных кодексов союзных республик [11, 12]. Изложенные положения УК РСФСР 1960 года и Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик содержали упоминания о принципах, однако специальных норм о принципах уголовного закона не было ни в одном из указанных законодательных актов.

Следующим важным основным исходным положением действующего в настоящее время УК РФ является принцип вины (статья 5). Он означает следующее: во-первых, лицо подлежит уголовной ответственности только за то общественно опасное деяние и только за те наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; во-вторых, объективное вме-

нение не допускается, под которым понимается уголовная ответственность за невиновное причинение вреда.

УК РСФСР 1922 года (статья 11) также предусматривал подобное основное исходное положение, согласно которому наказанию подлежали лишь лица, которые, во-первых, действовали умышленно, то есть «предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление», либо, во-вторых, действовали неосторожно, то есть «легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть». Наряду с изложенным УК РСФСР 1922 года (статья 17) устанавливал, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще, в таком состоянии, когда совершившие его не могли давать себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью». При этом делалась важная оговорка: действие статьи 17 УК РСФСР 1922 года не распространялась на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления.

УК РСФСР 1926 года в статье 11 также закреплял, что «меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройства душевной деятельности, или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью». Здесь же пояснялось, что, во-первых, к этим лицам могут быть применены лишь меры социальной защиты медицинского характера, во-вторых, действие настоящей статьи не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Согласно статье 6 УК РФ, раскрывающей принцип справедливости, наказание, а также иные меры уголовно-правового характера, которые применяются к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми. Это означает, что они должны соответствовать ряду обстоятельств: 1) характеру и степени общественной опасности преступления; 2) обстоятельствам его совершения; 3) личности виновного. При этом в части 2 указанной статьи подчеркивается, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

В ранее действовавших уголовных законах также предусматривалось данное основное исходное положение. В частности, УК РСФСР 1922 года (статья 24) устанавливал, что при определении меры наказания учитывается степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления. Примечателен следующий конструктивно-положительный подход. В указанной норме УК РСФСР 1922 года определялось, что для установления этого «изучается обстановка совершенного преступления, выясняется личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им преступлении и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании его образа жизни и прошлого, а также устанавливается, насколько само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности». В статье 25 УК РСФСР 1922 года конкретизировалось, что для определения меры наказания необходимо разграничивать: а) совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии или в интересах чисто личных совершившего преступление; б) направлено ли преступление против государства или отдельной личности; в) совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет; г) совершено ли преступление из низменных, корыстных побуждений или без таковых; д) совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда или по невежеству и несознательности; е) совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз; ж) совершено ли преступление группой (шайкой, бандой) или одним лицом; з) совершено ли преступление посредством насилия или без такового; и) обнаружено ли совершающим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость, или преступление совершено в состоянии запальчивости, по неосторожности, легкомыслию или под влиянием угроз и принуждения другого лица. Данные основные исходные положения свидетельствуют, что в УК РСФСР 1922 года уделялось большое внимание принципу справедливости.

Согласно УК РСФСР 1926 года (статья 7), в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применялись три вида мер социальной защиты: судебно-исправительного, медицинского или медико-педагогического характера. Данные положения также свидетельствуют о наличии в УК РСФСР 1926 года элементов принципа справедливости. При этом в силу статьи 26 УК РСФСР 1926 года меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера могли быть применены судом, если он признавал несоответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера, если меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства.

В соответствии со статьей 7 УК РФ под принципом гуманизма понимается, во-первых, что уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека, во-вторых, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Подобное основное исходное положение имело место в УК РСФСР 1922 года, где в статье 26 предусматривалось следующее: «являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий». Также можно отнести к принципу гуманизма положение статьи 18 УК РСФСР 1922 года о том, что «наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия».

УК РСФСР 1926 года в статье 12 (в редакции от 25 ноября 1935 года) содержал уже противоположное основное исходное положение, согласно которому «несовершеннолетние, достигшие 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания». Но при этом в статье 9 УК РСФСР 1926 года указывалось, что меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят.

Очень важно, чтобы рассмотренные принципы УК РФ выступали в качестве основных исходных положений для правоприменительных органов и их должностных лиц. Компаративный анализ ранее действовавших уголовных законов — УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года, УК РСФСР 1960 года позволяет прийти к выводу о том, что многие принципы действующего УК РФ являются результатом развития основных исходных положений, содержавшихся в прежних уголовных законах. В частности, необходимо особо подчеркнуть наличие в статье 24 УК РСФСР 1922 года междисциплинарного подхода (уголовное право, уголовный процесс, криминология, криминалистика), согласно которому при определении меры наказания учитывается степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления, для установления этого «изучается обстановка совершенного преступления, выясняется личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им преступлении и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании его образа жизни и прошлого, а также устанавливается, насколько само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2002. 1456 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

3. Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

4. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 139 с.

5. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 440 с.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2955.

8. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Принят IX съездом Советов 26 мая 1922 года и постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 года введён в действие с 1 июня 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

9. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Принят постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года и введён в действие с 1 января 1927 года // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

10. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. Принят Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 года и введён в действие с 1 января 1961 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Справочная правовая система «Консультант Плюс».

11. Закон СССР от 25 декабря 1958 года «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Основы_уголовного_законодательства_Союза_ССР_и_союзных_республик_от_25.12.1958 (дата обращения: 29.11.2025).

12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 года «О порядке введения в действие Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления» // Сборник законов СССР. 1968. № 2. СПС «Гарант».

УДК 343.5
ББК 67.75

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ ЛИБО СБЫТА ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ИЛИ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ (СТ. 238 УК РФ)

А. Ю. Горожанкин
Прокуратура Алтайского края (Барнаул, Россия)

В первой части статьи автор делает общий обзор доктринальных положений теории общественной опасности, определяет ее значение для формирования уголовного закона. Также формируется и обосновывается тезис об исключительно уголовно-правовом значении общественной опасности как грани преступного и непреступного. Применение подобного подхода обусловливает дальнейшее исследование, в рамках которого автор излагает и аргументирует суждение о содержании общественной опасности производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), и формирует критерии дифференциации ответственности, оснований криминализации и пенализации. Далее автор анализирует системообразующее понятие общественной безопасности, выделяет его сущностные свойства. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сложной структуре общественной опасности, детерминированной одновременным нарушением совокупности общественных отношений по обеспечению общественной безопасности, здоровью населения и сохранению жизни и здоровья конкретного человека. В статье проанализированы санкции схожих по последствиям преступлений (ст. 109 и ст. 238 УК РФ) и сделан вывод о том, что санкция ч. 2 ст. 238 УК РФ должна быть скорректирована путем исключения из нее наказания в виде штрафа, что детерминировано спецификой общественной опасности реализации товаров и продукции, выполнения работ и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, требования безопасности, права потребителей, общественная безопасность, потребительский рынок.

PUBLIC DANGER FROM THE PRODUCTION, STORAGE, TRANSPORTATION, OR SALE OF GOODS AND PRODUCTS, OR THE PERFORMANCE OF WORK OR THE PROVISION OF SERVICES THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS (ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

A. Yu. Gorozhankin
Altai Krai Prosecutor's Office (Barnaul, Russia)

In the first part of the article, the author provides a general overview of the doctrinal provisions of the theory of public danger and defines its implications for the development of criminal law. The author also formulates and substantiates the thesis that public danger has an exclusively criminal significance, as a boundary between criminal and non-criminal. This approach motivates further research, in which the author presents and argues for the nature of the public danger from the production, storage, transportation, or sale of goods and products, or the performance of work or the provision of services that do not meet safety requirements (Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation), and develops criteria for

differentiating liability and the grounds for criminalization and penalization. The author then analyzes the system-forming concept of public safety and identifies its essential properties. The study reveals a complex structure of social danger, determined by the simultaneous violation of a set of social relations aimed at ensuring public safety, public health, and preserving the life and health of an individual. The article analyzes the sanctions for crimes with similar consequences (Articles 109 and 238 of the Criminal Code of the Russian Federation) and concludes that the penalty under Part 2 of Article 238 of the Criminal Code should be amended by excluding the fine, owing to the specific social danger posed by the sale of goods and products, the performance of work, and the provision of services that do not meet safety requirements.

Keywords: criminal liability, safety requirements, consumer rights, public safety, consumer market.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.13

Категория «общественная опасность» — одна из системообразующих и дискуссионных категорий в науке уголовного права. С одной стороны, в середине прошлого века устоявшимся является суждение о том, что общественная опасность — один из важнейших социально-правовых признаков преступления, она присуща каждому преступному деянию, совершенному в определенных условиях [1, с. 47]. До настоящего времени изложенное суждение по содержанию следует признать приоритетным в российской уголовно-правовой науке: общественная опасность признается определяющим объективным свойством любого преступления [2, с. 606–607], основанием межотраслевой дифференциации ответственности [3, с. 125], криминализации деяний [4, с. 41], выражение в объективной реальности негативных проявлений определенного действия или бездействия, а также их последствий в виде имущественного, морального, физического или иного ущерба, вреда [5, с. 187], уголовно-политический ориентир для распределения энергии и силы государственного реагирования на преступность [6, с. 33] и т.д.

Развитие научной мысли предполагает формирование различного рода альтернативных теорий и концепций, которые, учитывая «сквозную» природу общественной опасности, предполагают оценку необходимости ее сохранения как важнейшего признака преступления либо отсутствие такой необходимости, например, закрепив на нормативном уровне исключительно «формальное» определения преступления [7, с. 11].

Как представляется, категория «общественная опасность» не лишена изъянов, как минимум, в связи с тем, что сформировать определенные критерии ее верификации крайне затруднительно [3, с. 126]. Однако отказ от нее также не решает проблему определения грани преступного и непреступного, а также не позволяет установить взаимосвязь между содеянным и мерой необходимого и достаточного наказания. Следовательно, именно категория общественной опасности позволяет обосновать основания межотраслевой дифференциации ответственности, а также криминализации и пенализации.

В настоящей работе общественная опасность применяется исключительно в уголовно-правовом значении. Данная позиция не бесспорна, и в юридической литературе высказываются вполне обоснованные суждения о том, что административным правонарушениям присуща меньшая степень общественной опасности по сравнению с преступлениями, однако констатировать ее отсутствие является неверным [8, с. 68]. В исследовательских целях согласимся с теми авторами, которые предлагают понимать общественную опасность в узком уголовно-правовом значении, аргументируя свою позицию тем, что степень общественной опасности, являясь одним из элементов общественной опасности, не позволяет провести четкий раздел между преступным и непреступным, а соответственно, не обеспечивает теоретически обоснованные критерии дифференциации ответственности [9, с. 80].

Итак, общественная опасность относится к системообразующим категориям российского уголовного права, она обеспечивает формирование критериев и оснований межотраслевой дифференциации ответственности, а также основания криминализации и пенализации деяний. Помимо прочего общественная опасность обеспечивает логическое структурирование уголовного закона.

Относительно общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, в науке уголовного права сформировались следующие позиции:

1) общественная опасность заключается в нарушении общественной безопасности, под которой понимают состояние защищенности общественных отношений, урегулированное нормами права, обеспечивающее безопасные условия жизни людей и их деятельности от преступных посягательств на безопасность выполнения работ, оказания услуг, реализации товаров, безопасность обращения с источниками повышенной опасности, экономическую, транспортную, информационную безопасность [10, с. 53]. Таким образом, общественная опасность определяется на основе структуры уголовного закона и родового объекта преступления;

2) второй подход заключается в признании рассматриваемого преступления многообъектным, то есть преступлением, которым причиняется вред не только конкретному человеку, но общему состоянию защищенности личности. Соответственно, определение общественной опасности осуществляется через нарушение двух групп общественных отношений: общественных отношений, связанных с обеспечением сохранности жизни и здоровья, и отношений по обеспечению общественной безопасности [11, с. 33];

3) третий подход к установлению общественной опасности является наиболее широким. Общественная опасность производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, определяется нарушением нескольких самостоятельных групп общественных отношений: а) отношения по обеспечению здоровья и благополучия населения в масштабах страны, региона и т. д. Под здоровьем населения понимается совокупность отношений, обеспечивающих нормальное физическое и психическое здоровье граждан; б) вторая группа отношений, подвергаемых негативным изменениям при совершении рассматриваемого преступления — имущественные отношения, возникающие между потребителем и лицом, реализующим товары, работы, услуги (профессиональный участник потребительского рынка). Выделение экономических общественных отношений аргументируется, в частности, тем, что при приобретении небезопасной продукции потребитель тратит свои ограниченные материальные ресурсы не на то, на что он мог рассчитывать при законном осуществлении экономической деятельности со стороны профессионального участника [12, с. 71]; в) третья группа отношений, определяющая общественную опасность нарушения требований безопасности на потребительском рынке — отношения по обеспечению деловой репутации продавцов, производителей, лиц, добросовестно выполняющих работы и оказывающих услуги, которая подвергается негативной оценке при нарушении, допускаемых иными участниками [13, с. 185].

Как представляется, каждая из приведенных позиций имеет под собой теоретическую, практическую и криминологическую основу. Однако широкий плюрализм в определении общественной опасности может привести к существенному дисбалансу уголовного закона, выражающегося, в частности, к «задвоению» (когда за тождественные деяния ответственность устанавливается в различных структурных элементах уголовного закона) ответственности, необоснованному исключению ответственности, нарушению логической структуры УК, рассогласованности системы наказаний. В этой связи представляется необходимым систематизировать изложенные выше доктринальные суждения относительно общественной опасности производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающим требованиям безопасности. Подобная систематизация в рамках настоящей работы строится на основании дедуктивного метода, то есть движения от общего к частному.

Рассматриваемое преступление отнесено законодателем к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. В разделе IX УК РФ содержатся запреты в отношении самых разнообразных деяний, это и террористический акт, и незаконный оборот наркотических средств, и нарушения правил при производстве работ и т. д. Столь широкий круг деяний может затруднить обобщающее определение общественной опасности для совокупности преступлений, ответственность за которые предусмотрена в соответствующем разделе. Однако попробуем выделить общие характеристики общественной безопасности.

Во-первых, подавляющее большинство ученых схожи в понимании общественной безопасности как состояния защищенности общества, государства, личности, окружающей среды [14, с. 370]. Здесь следует обратить внимание, что термин «защищенность» так же, как и категория «безопасность», яв-

ляется крайне широким и безусловно оценочным. Следовательно, определение безопасности через защищенность является максимально абстрактным и требует дальнейшей конкретизации. В данном случае для целей настоящего исследования (фиксация общественной опасности конкретного деяния) выделим два вида состояния защищенности — фактическую и нормативную. Фактическая защищенность обеспечивается посредством применения различных правовых инструментов уполномоченными органами. Применительно к наукам уголовно-правового цикла речь идет о специализированных правоохранительных органах, осуществляющих расследование уголовных дел, привлечение к ответственности, исполнение судебных актов о применении наказания и иных мер уголовно-правового характера. Нормативная защищенность обеспечивается формированием эффективных правовых норм (инструментов), которые обеспечивают как нормальную реализацию общественных отношений, так и возможность привлечения к ответственности при нарушении регулятивных правил.

Во-вторых, общественная безопасность предполагает, что возможность причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, окружающей природной среде сводится к минимуму либо исключается полностью [15, с. 15]. Достигается это опять же посредством как установления нормативных предписаний, так и их применения.

В-третьих, цель общественной безопасности — выявление, устранение и предупреждение угроз, способных нанести вред общественным интересам [16, с. 13].

В-четвертых, элементами общественной безопасности является широкая совокупность общественных отношений, включающая в себя весь спектр общественной и государственной жизни (национальная безопасность, военная безопасность, безопасность личности и т.д.).

В-пятых, функция общественной безопасности — обеспечение стабильности и устойчивости существования и развития общества и государства, а также общественное осознание неприкосновенности социальных благ [17, с. 130].

Итак, общественная безопасность, представляющая собой состояние защищенности личности, общества и государства от совокупности угроз правового, техногенного, природного, экологического и т.д. характера, относится к одним из сложнейших, многоаспектных и фундаментальных социальных категорий. Однако учитывая иерархию объектов уголовно-правовой охраны, согласимся с авторами, аргументирующими суждение о том, что вне зависимости от конкретного вида, элемента безопасности ее сущностью является сохранение личности, а в само понятие «общественная безопасность» следует включать все основные компоненты отдельной личности или коллектива, которые представляют собой условную совокупную ценность, охраняемую моральными и правовыми нормами [18, с. 52].

Одним из таких компонентов является здоровье населения, представляющее собой комплексное состояние физического, духовного и социального благополучия. Оно определяется на основании количественных и качественных показателей, в частности, таких как рождаемость, смертность, средняя продолжительность жизни, заболеваемость и уровень физического развития населения [19, с. 9]. Таким образом, здоровье населения характеризуется совокупностью различных показателей индивидуального здоровья во взаимодействии друг с другом. Подобное взаимодействие и функциональные связи формируют новые категории, на основании которых происходит измерение оценки здоровья населения как самостоятельной категории. Объект соответствующих преступлений (глава 25 УК РФ) определяется как охраняемая уголовным законом обособленная группа общественных отношений, отражающих благополучие людей, объединенных одной территорией, местностью, условиями проживания, труда, отдыха и т.д. [20, с. 30].

Итак, определение общественной опасности, центральным элементом которой является причинение вреда или угроза его причинения, базируется на потенциальной возможности нарушения состояния защищенности личности, что приводит к общей дестабилизации общественной безопасности. В конечном итоге, вред или угроза его причинения относятся к личности, в данном случае личности потребителя товаров, продукции, работ или услуг. Изложенное позволяет соотносить рассматриваемое преступление с иными преступлениями, направленными против человека, его жизни и здоровья. Однако механизм причинения вреда при совершении противоправного поведения, связанного с реализацией продукции, товаров, производства работ или оказания услуг, отличается от механизма причинения вреда при совершении «традиционных» преступлений против личности (раздел VII УК РФ).

На первом этапе создается угроза причинения вреда неопределенному кругу лиц, что и позволяет отнести данное преступление не к преступлениям против личности, а к преступлениям против общественной безопасности. При этом вред жизни и здоровью может и не причиняться, достаточно возникновения реальной угрозы его причинения. Общественная опасность детерминируется созданием условий для причинения реального вреда значительному количеству потерпевших, утратой не просто возможности контроля со стороны государства за безопасностью реализуемой продукции, а условной легализации небезопасной продукции путем введения ее в официальный гражданский оборот.

Таким образом, механизм причинения вреда, определяющий, в том числе, общественную опасность рассматриваемого преступления, может быть представлен следующим образом: нарушение общественной безопасности (происходит во всяком случае), нарушение здоровья населения (психическое здоровье нарушается во всяком случае, так как в гражданский оборот поступают потенциально опасные продукция, товары, работы, услуги, физическое здоровье — только при реальном причинении вреда жизни или здоровью конкретного человека), нарушение общественных отношений по обеспечению сохранности жизни и здоровья (в случае причинения вреда здоровью или смерти конкретного человека). Непосредственный объект преступления в этом случае имеет сложный характер и включает в себя все перечисленные группы отношений. при этом все они образуют основной непосредственный объект преступления.

Сложная структура объекта, детерминированная общественной опасностью, должна отражаться как при установлении криминообразующих признаков, так и при пенализации. В настоящее время система, закрепленная в санкциях ст. 238 УК РФ, не отражает реальной общественной опасности рассматриваемого преступления. Это наглядно видно при сравнительном анализе санкций ст. 109 и ст. 238 УК РФ. Так, в ч. 2 ст. 238 УК РФ (установлена, в том числе, ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти) минимальное наказание предусмотрено в виде штрафа от 100 000 до 500 000 руб., тогда как по ч. 1 ст. 109 УК РФ минимальное наказание — исправительные работы на срок до двух лет. Таким образом, по критерию минимального размера наказания санкция ч. 2 ст. 238 УК РФ с аналогичными ст. 109 УК РФ последствиями ниже, что очевидно не соответствует повышенной общественной опасности преступления, предусмотренного данной нормой.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать тезис о сложной структуре общественной опасности реализации товаров и продукции, выполнения работ и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, детерминированной совокупностью общественных отношений по обеспечению общественной безопасности, здоровья населения сохранности жизни и здоровья конкретного человека. Многоуровневая структура общественной опасности в настоящее время не нашла свое отражение в санкции ст. 238 УК РФ. В этой связи представляется теоретически и практически обоснованным исключить штраф как вид наказания из санкции ч. 2 ст. 238 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 311 с.

2. Лапшин В. Ф. Социальные основания для определения признака общественной опасности преступного деяния // Цивилизация знаний: российские реалии : сборник трудов XVII Международной научной конференции. М. : РосНОУ, 2016. С. 606–608.

3. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140.

4. Антонова Е. Ю. Общественная опасность как основание криминализации деяний // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 ноября 2018 года / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «РГУП». СПб. : Петрополис, 2019. С. 41–43.

5. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного. Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. 256 с.

6. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014. 291 с.

7. Дашков Г.В., Здравомыслов Б.В., Красиков Ю.А. и др. Уголовное уложение вместо УК РФ // Записки криминалистов. 1993. № 1. С. 5–17.

8. Гузеева О.С. Некоторые вопросы общественной опасности преступлений // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 4. С. 66–73.

9. Коренная А.А. Свойства общественной опасности как основания криминализации деяний // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 2. С. 78–86.

10. Кравченко Р.М. К вопросу о социально-правовом содержании общественной опасности преступных нарушений правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг // Право и политика. 2017. № 2. С. 51–59.

11. Белецкий И.А. Общественная опасность преступного нарушения правил при производстве работ или оказании услуг // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2016. № 2. С. 31–36.

12. Нечаева А.В. Особенности объекта производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 70–73.

13. Скрипченко Н.Ю., Санташов А.А., Ускова Т.В. Ответственность за хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнении работ или оказания услуг, не отвечающим требованиям безопасности // Журнал прикладных исследований. 2022. № 12. С. 181–189.

14. Нестеров С.В. Понятие общественной безопасности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 11. С. 369–375.

15. Воронов А.М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления. М. : ВНИИ МВД России, 2004. 204 с.

16. Ильичев И.Е., Богмацера Э.В. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 11–19.

17. Остапенко А.С. Социальные функции и противоречия принципа социального государства в условиях постиндустриального общества и рисков нестабильности // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 1. С. 129–136.

18. Конин В.Н. Юридическая природа общественной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 51–54.

19. Дорофей Ю.О. Здоровье человека как социально-культурный феномен // Научный вестник Крыма. 2018. № 6. С. 1–10.

20. Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения. Понятие, виды, общественная опасность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 5. С. 28–33.

УДК 343.2
ББК 67.408.0

ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НОРМАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В. Н. Куфлева

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Понятие «лицо, впервые совершившее преступление» нормативно закреплено, но не определено в УК РФ. Отсутствие дефиниции порождает пробел, восполняемый судебной практикой через толкование норм. В науке уголовного права сформировался дискурс об эссенции понятия: фактическое (биографическое) против юридического определения «впервые». Разрешение этого вопроса имеет методологическое значение для адекватного применения мер уголовно-правового характера, требует систематизации подходов и выработки единых методических критериев. Обращая внимание на различия в употреблении исследуемого понятия в законе, представляется важным соотносить эту информацию с общим представлением о механизме уголовно-правового регулирования. Анализ показывает: там, где речь идет об императивной законодательной дифференциации уголовного наказания, значение имеет только сам по себе факт совершения преступления впервые; там, где речь идет о диспозитивных основаниях дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, об установлении оснований и условий реализации ответственности, факт совершения преступления теряет свою самодостаточность, входя в систему иных обстоятельств, учитываемых правоприменителем при принятии решения по делу. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что исходный пункт теоретической конструкции «лицо, впервые совершившее преступление» состоит в том, чтобы: а) отделить «факт» и его значение от «лица» и его значения; б) признать, что факт совершения преступления впервые не предопределяет вывод об уровне опасности лица, совершившего этого преступление, не является определяющей характеристикой в структуре данных о лице, впервые совершившем преступление.

Ключевые слова: лицо, впервые совершившее преступление; толкование уголовного закона; судимость, уголовная ответственность, уголовно-правое регулирование.

A FIRST-TIME OFFENDER: THEORETICAL CHARACTERISTICS AND NORMATIVE SIGNIFICANCE

V. N. Kufleva

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

The concept of «first-time offender» is enshrined in law but not defined in the Russian Criminal Code. This lack of definition creates a gap that is being addressed by judicial practice through the interpretation of norms. A discourse has emerged in criminal law scholarship on the essence of the concept: the factual (biographical) versus the legal definition of “first-time offender.” Resolving this issue is methodologically significant for the adequate application of criminal law measures and requires the systematization of approaches and the development of uniform methodological criteria. While noting the differences in the use of this concept in law, it is important to correlate this information with a general understanding of the mechanism of criminal law regulation. Analysis shows that where mandatory legislative differentiation of criminal punishment is involved, only the fact of committing a crime for the first time is significant; When it comes to the discretionary grounds for differentiating and individualizing criminal liability, or establishing the grounds and conditions for implementing liability, the fact of committing a crime loses its self-sufficiency, becoming part of a system of other circumstances taken into account by law enforcement officials when

making a decision on the case. Based on the conducted research, the author concludes that the starting point of the theoretical construct of "first-time offender" is to: a) separate the "fact" and its meaning from the "person" and its meaning; b) recognize that the fact of committing a crime for the first time does not predetermine the level of danger posed by the person who committed it and is not a defining characteristic in the structure of data on a first-time offender.

Keywords: a person who has committed a crime for the first time; interpretation of the criminal law; criminal record, criminal liability, criminal law regulation.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.14

Понятие «лицо, впервые совершившее преступление» относится к числу тех, что нормативно закреплены, но не определены. В тексте уголовного закона (по состоянию на 01.10.2025) оно используется 30 раз: пять раз — при регламентации вопросов, связанных с назначением уголовного наказания (ч. 1 ст. 531, ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), два — при конструировании оснований освобождения от уголовного наказания (ст. 801, примечание 1 к ст. 134 УК РФ) и 23 раза — в конструкции оснований освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, 761, 762, примечания к статям 1271, 1451, 1731, 187, 195, 198, 199, 1991, 1993, 1994, 2055, 208, 2821, 2822, 2823, 337, 338, 3521 УК РФ). При этом закон не содержит дефиниции данного понятия. Соответствующий пробел восполняется судебной практикой в процессе толкования нормативных предписаний.

Изначально это толкование было определено для целей применения норм УК РФ об ответственности несовершеннолетних. В отмененном на сегодняшний день постановлении, посвященном вопросам назначения наказания, устанавливалось, что впервые совершившим преступление следует считать лицо, совершившее одно или не сколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу [1]. Затем этот подход был скорректирован и расширен в постановлении, посвященном вопросам применения норм об ответственности несовершеннолетних. Здесь наряду с упомянутыми к впервые совершившим преступление причислены лица, хотя и осужденные ранее, но у которых судимости за ранее совершенные преступления были сняты и погашены в установленном законом порядке [2]. Последнее толкование сохраняет свою силу. Но наряду с ним в постановлении, раскрывающим основания освобождения от уголовной ответственности, сегодня предложена новая, еще более широкая интерпретация анализируемого понятия [3].

Последовательное расширение объема и наличие к сегодняшнему дню несовпадающих вариантов официального толкования понятия «лицо, совершившее преступление впервые» (хотя и сформулированных применительно к потребностям решения различных, несовпадающих задач уголовного закона), закономерно ставит вопрос об их соотношении, о пределах действия каждого из них и о степени универсальности каждой из сформулированных позиций.

В современной науке по поводу понятия «лицо, впервые совершившее преступление» сложился вполне устойчивый дискурс. При этом самый первый и главный из множества обсуждаемых вопросов состоит в том, является ли это понятие фактическим (биографическим) или юридическим. Некоторые авторы, как известно, критикуя сложившуюся практику, последовательно настаивают на том, что впервые совершившим преступление необходимо считать лицо, к которому за ранее совершенные преступления не применялось ни наказание, ни какие-либо иные меры уголовно-правового характера, то есть лицо, фактически в первый раз в жизни совершившее преступное деяние [4, с. 51–53; 5, с. 34–36; 6, с. 87–90]. Другие, напротив, поддерживают позицию высшей судебной инстанции, уравнявшей несудимое лицо с лицом, впервые совершившим преступление, предлагают легализовать ее, закрепив на уровне самостоятельного уголовно-правового предписания, тем самым настаивая на юридической, а не биографической интерпретации понятия «впервые» [7, с. 31; 8, с. 62].

Эта дискуссия не должна восприниматься как полемика по поводу относительно частного вопроса, связанного по преимуществу с эффективной реализацией института освобождения от уголовной ответственности. Учитывая контекст, в котором обсуждаемое понятие используется в законе, и свя-

занные с ним особенности применения мер уголовно-правового характера, она относится к разряду методологически важных, а ее разрешение во многом свидетельствует о понимании законодателем социальной базы и реальных возможностей уголовного права.

В фундаментальном отношении этот вопрос восходит к проблемам соотношения криминологической обусловленности и политической целесообразности уголовного закона. Его обсуждение позволяет выявить две возможные модели понимания лица, впервые совершившего преступление, и основанного на этом понимании механизма уголовно-правового регулирования.

Первая модель, условно назовем ее «криминологической», предполагает, что лицо, впервые совершившее преступление, в его фактической (биографической) интерпретации соотносимо с криминологической классификацией преступников. С точки зрения криминологии такие лица не образуют единой классификационной группы. Н. Ф. Кузнецова, например, вполне аргументированно выделяла: а) лиц, впервые совершивших преступление в результате случайного стечения обстоятельств и в противоречии с общей характеристикой всего предшествующего поведения (случайных преступников); б) лиц, впервые совершивших преступление под воздействием неблагоприятных условий, но в целом характеризуемых положительно (ситуационных преступников); в) лиц, впервые совершивших преступление, но допускавших раньше правонарушения и в целом характеризуемых преимущественно отрицательно (неустойчивых преступников) [9, с. 133]. С этой точки зрения факт совершения преступления впервые сам по себе еще не предрешает вопроса об уровне опасности лица, совершившего это преступление. Оценочное восприятие опасности таких лиц и возможность ее ранжирования на типологическом и индивидуальном уровне со всей очевидностью не предполагают и строгих, формализованных нормативных предписаний в части реализации уголовной ответственности и наказания. Именно такой материально-оценочный характер феномена «лицо, впервые совершившее преступление», был реализован, как представляется в концептуальных построениях советского уголовного права. Сам закон в тот период не использовал этого понятия, а рекомендации высшей судебной инстанции носили указующий, но все же подчеркнуто рекомендательный характер, ориентируя на совокупную оценку всех данных о личности, которая впервые совершила преступление [10]. При этом оценка общественной опасности личности зависела не столько от формальных, внешних обстоятельств (впервые или не впервые совершено преступление), сколько от всей совокупности характеризующих личность обстоятельств, в том числе и тех, что ко времени совершения преступления утратили свое юридическое значение (например, снятая или погашенная судимость) или вовсе не имели его (бытовое пьянство, аморальный образ жизни, нарушения общественного порядка и пр.).

Вероятно, реакцией на объективные сложности с оценкой опасности личности и связанные с ней погрешности и ошибки судейского усмотрения (а порой и произвола), стало стремление законодателя ввести непосредственно в текст Уголовного кодекса дополнительные формализованные критерии такой оценки. Представляется, что именно на этой волне тезаурус закона пополнился понятием «лицо, впервые совершившее преступление». И именно с этого момента начала формироваться вторая модель его теоретического понимания, основанная на юридической, конструктивистской интерпретации слова «впервые». Условно ее можно назвать «уголовно-политической». Этот момент подчеркивают многие исследователи, отмечая, что возможность относительно произвольного нормативного (или судебного) конструирования содержания обсуждаемого понятия создает предпосылки для относительно свободного формирования, ограничения и корректировки репрессивного вектора уголовной политики государства [11, с. 95].

Важно отметить, что уголовно-политическая модель понятия «лицо, впервые совершившее преступление» не имеет под собой строгого теоретического обоснования. Она — продукт интерпретационной деятельности высшей судебной инстанции, а не результат научного объяснения. В литературе имеется только две попытки post factum дать теоретическое обоснование этой модели, причем их последовательное развертывание приводит к существенно различающимся выводам.

Первая позиция берет за основу интерпретации характеристику юридического факта, который выступает предметом оценки. С ней отчетливо выступил А. Н. Михайлов [12, с. 118–122]. Идея была поддержана А. А. Нечепуренко и В. В. Бабуриным, которые пишут: «Впервые совершившим преступление следует считать лицо, в отношении которого: уголовное преследование никогда не осу-

ществлялось; уголовное преследование осуществлялось, но было прекращено в связи с его непричастностью к совершению преступления, отсутствием события преступления либо отсутствием в деянии состава преступления, в том числе в связи с устранением преступности деяния в период уголовного преследования; уголовное преследование закончилось привлечением лица к уголовной ответственности или освобождением от нее по нереабилитирующим основаниям, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, в совершении которого лицо было признано виновным» [13, с. 74]. Оценка этих суждений с точки зрения теории права показывает, что факт совершения преступления впервые предлагается устанавливать в тех ситуациях, когда именно этот факт получает и сохраняет свой официальный квалификационный статус в качестве преступления. Если все ранее совершенные лицом деяния не получили официального подтверждения в качестве преступления (не были выявлены или будучи выявленными не были признаны уголовно противоправными) или, получив такую правовую квалификацию, не сохранили ее в связи с изменением закона, все последующие уголовно-релевантные поведенческие акты должны рассматриваться как впервые совершенные.

Вторая позиция основывается на характеристике лица, совершившего преступление: является ли оно субъектом ранее возникшего уголовно-правового отношения на момент совершения нового преступления. Задолго до современных дискуссий, во многом вызванных позицией судебной практики, Д.А. Кирилов указывал, что к лицам, впервые совершившим преступление, следует относить среди прочих и тех, кто ранее пребывал в уголовных правоотношениях, но на момент совершения нового преступления «вышел» из них по различным основаниям [14, с. 305]. В наши дни Д.А. Пархоменко пишет, что понятие лица, впервые совершившего преступление, может быть дано с учетом положений уголовного закона, определяющих наличие или отсутствие правовых отношений, порожденных фактом совершения преступления. Соответственно, если на момент совершения преступления лицо не обладало статусом участника ранее возникшего уголовного правоотношения, либо утратило этот статус (например, вследствие истечения сроков давности или судимости, вследствие принятия акта освобождения от уголовной ответственности и т.д.), то такое лицо должно считаться совершившим преступление впервые [15, с. 91, 92].

Как видим, основанное на различных исходных данных (наличие юридического факта или наличие уголовно-правовых отношений) толкование формирует существенно различающийся объем понятия «лицо, впервые совершившее преступление», что доказывает возможность его манипулятивного уголовно-политического использования.

Уголовно-политический компонент рассматриваемой модели интерпретации понятия «лицо, впервые совершившее преступление», ставка на формально-юридические характеристики лица, впервые совершившего преступление, вместе с тем имеет и определенные корреляции с некоторыми современными криминологическими теориями, которые связаны с корректировкой представлений о социальном предназначении уголовного закона.

В рамках рассматриваемого подхода понятие «лицо, впервые совершившее преступление» определяется как «зеркальная конструкция» по отношению к понятию «лицо, совершившее преступление не впервые». За основу разграничения этих двух категорий лиц взят признак наличия или отсутствия не любой, а вполне определенной государственной реакции на совершенное преступление — осуждения с наказанием и судимостью. Такой подход легитимирует в уголовном праве давно известное, но получившее особенное распространение в критической, постмодернистской криминологии суждение о том, что нет людей, не совершавших преступление, но есть только люди, не попавшие в поле зрения государства в связи с совершенными деяниями, «ненаказанные» [16, с. 89].

В контексте уголовного права и уголовной политики это обстоятельство существенным образом корректирует представления о социальной базе отрасли. В традиционном представлении «нормой», «стандартом» социального поведения является исключительно правомерное поведение. Совершение же преступления (в том числе впервые) является отклонением от этого стандарта, с необходимостью или в силу целесообразности требующим государственной реакции. Первичные преступники — это стандартная социальная основа функционирования уголовного права. Все ординарные меры воздействия в уголовном законе традиционно рассчитаны именно на лицо, впервые совершив-

шее преступление. При том, что меры неординарные (усиленные) применяются к тем, кто совершает преступление неоднократно. Вторичные преступники — это экстраординарная база отрасли.

Действующая уголовно-политическая модель толкования лица, впервые совершившего преступление, предлагает, по сути, изменить представления о социальной базе функционирования уголовного права, легитимировать постмодернистский социальный стандарт. Нормой предлагается считать то обстоятельство, что преступления совершаются всеми людьми, тем самым преступное, а не правомерное поведение фактически возводится в ранг нормы или в ранг допустимой вариации нормы. Такая корректировка «нормы» позволяет рассматривать отсутствие государственной реакции на выявленные и расследованные преступления показателем того, что опасность лица, совершившего преступление и ненаказанного, с одной стороны, ничем не отличается от опасности лица, не совершавшего преступления, а с другой стороны, является существенно меньшей по сравнению с опасностью ранее выявленных и наказанных лиц. Отсюда, собственно, и выводятся все рассуждения об особенностях уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Вместе с тем попытка отразить и легитимировать в уголовном праве это постмодернистское изменение представления об общественной норме — спорный момент. По сути, она переворачивает логику правовой оценки. Формула «признание лица не опасным может не требовать применения к нему наказания» подменяется формулой «лицо признается неопасным, потому что не было наказано». Именно в этом заключается основа для критики господствующего подхода.

Дополнительных аргументов критически настроенным авторам добавляет утвердившееся в уголовно-правовой науке мнение, согласно которому факт совершения преступления впервые создает для субъекта «целую систему льгот-наград» [17, с. 134]. Понимание предусмотренных законом особых правовых последствий для лиц, впервые совершивших преступление, как льгот нуждается в критической оценке. Льгота, в самом общем виде, это то, что предоставляется в силу каких-либо особых заслуг или в силу особых обстоятельств. Взгляд на систему правовых последствий, предусмотренных законом для впервые совершивших преступление, как на систему льгот, создает предпосылки для вывода о том, что закон устанавливает привилегии и поощрения лицам, впервые совершившим преступление, что опять же согласуется с постмодернистской интерпретацией уголовного права, в рамках которой стандартной основой для стандартной правовой реакции становится не первичное преступление, а преступление, совершенное лицом, имеющим судимость. Оно воспринимается в качестве нормы, тогда как совершение преступления впервые есть отступление от нормы в позитивную сторону, едва ли не подвиг, создающий основания для льгот.

Изложенные модели понимания категории «лицо, впервые совершившее преступление»: криминологическая, в рамках которой само ее существование лишается смысла, поглощаясь категорией «лицо, не представляющее большой общественной опасности», и уголовно-политическая, в рамках которой возможно полное игнорирование данных о личности в пользу оценки свободно конструируемого понятия «первое преступление», каждая в отдельности содержат непреодолимые и некомпенсируемые недостатки, в силу которых ни одна из них не может быть использована в качестве убедительной и перспективной. Требуется поиск некоторых компромиссов и разработка такой модели, которая совместит достоинства двух изложенных.

В ее основу со всей очевидностью должны быть положены предписания действующего уголовного законодательства, хотя сама модель, как и любое теоретическое построение, не должна «слепо» следовать закону и практике, но создавать, при необходимости, предпосылки для корректировки сложившихся правил. Главное требование к модели — теоретическое обоснование, практическая применимость, объяснительная и прогностическая способность.

Если обратиться к тексту УК РФ, то необходимо заметить, что понятие «лицо, впервые совершившее преступление» используется в нем в двух качественно различающихся контекстах. Так, в ст. 75, 76, 762, 801 УК РФ указание на «впервые совершенное преступление» находится в системно-содержательной связи с иными условиями выбора соответствующей меры правового воздействия и выступает одним из множества критериев, которые правоприменитель должен использовать для оценки опасности преступления и личности, иными словами, соответствующее понятие дается по преимуществу в его криминологической трактовке. В то же время, в ч. 1 ст. 531, ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88 УК РФ ука-

зание на впервые совершенное преступление лишено связи с результатами оценки опасности рассматриваемой судом ситуации, оно является сугубо формальным и не требующим соотнесения с иными данными об опасности преступления и личности виновного, то есть тяготеет к уголовно-политическому варианту его интерпретации.

Такие нюансы использования одного и того же понятия в тексте закона, как представляется, не всегда в должной степени учитываются исследователями. Между тем они заставляют проводить вполне явные различия между двумя пересекающимися понятиями: «лицо, совершившее преступление впервые» и «преступление, совершенное впервые».

В первом случае факт совершения преступления впервые является одной из множества характеристик, которые учитываются при обосновании относительно невысокой степени общественной опасности лица. «Смысл совершения преступления впервые как условия освобождения от уголовной ответственности, — правильно пишет Т. Г. Понятовская, — должен быть сосредоточен не на формальных юридических признаках преступления (совершенного впервые), а на личности виновного, его социальной характеристике». В рассматриваемой ситуации факт «совершения преступления впервые» требует не только установления, но и самое главное — всесторонней и комплексной оценки в общем контексте рассматриваемой правовой ситуации. И именно эта оценка является основой для принятия предусмотренного нормами гл. 11 УК РФ решения об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые впервые совершают преступления. Само решение в этом случае, что важно, является диспозитивным.

Во втором случае впервые совершенное преступление — самодостаточный факт. Законодатель, по сути, конструирует отдельную санкцию для лиц, впервые совершивших те или иные преступления, исключая отдельные наказания из санкции уголовно-правовой нормы (в ст. 56, 88 УК РФ) или, наоборот, дополняя ординарную санкцию альтернативными видами наказания (ст. 531 УК РФ). Вероятно, данные о лицах, впервые совершающих преступления, учитываются в законодательных решениях, но именно как типологические, обобщенные данные. Они в данном случае не имеют значения для правоприменителя, применяющего соответствующие предписания. Сами предписания являются императивными. Суду достаточно констатировать факт совершения преступления и этой констатации самой по себе достаточно, чтобы активировать дополнительные нормативные предписания. В рамках скорректированных с учетом положений ст. 531, 56, 88 УК РФ санкций правоприменитель, разумеется, будет учитывать на общих основаниях сведения о лице, совершившем преступление (включая факт совершения впервые), но от этой оценки будет зависеть принятие уже совершенно иных решений.

Основная проблема имеющихся теоретических дискуссий состоит, как представляется, в неразличении изложенных нюансов, в попытке либо обосновать формальную самодостаточность уголовно-правового понятия «лицо, впервые совершившее преступление», либо избавиться от него вовсе. В оптимальной же теоретической модели оба аспекта нормативного использования понятия «лицо, впервые совершившее преступление» обязательно должны найти свое отражение.

Акцентируя внимание на различиях употребления исследуемого понятия в законе, полагаем важным соотнести эту информацию с общим представлением о механизме уголовно-правового регулирования. Анализ показывает: там, где речь идет об императивной законодательной дифференциации уголовного наказания (по сути, о корректировке санкций закона, об установлении наказуемости деяния), значение имеет только сам по себе факт совершения преступления впервые; там, где речь идет о диспозитивных основаниях дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, об установлении оснований и условий реализации ответственности, факт совершения преступления теряет свою самодостаточность, входя в систему иных обстоятельств, учитываемых правоприменителем при принятии решения по делу.

Общий вывод и одновременно исходный пункт теоретической конструкции «лицо, впервые совершившее преступление», таким образом, состоит в том, чтобы: а) отделить «факт» и его значение от «лица» и его значения; б) признать, что факт совершения преступления впервые не предопределяет вывод об уровне опасности лица, совершившего этого преступление, не является определяющей характеристикой в структуре данных о лице, впервые совершившем преступление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4 (документ утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

4. Корниенко В. Т. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 51–53.

5. Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8. С. 34–36.

6. Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90.

7. Владимирова О. А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 28–32.

8. Нагуляк М. В. Понятие лица, совершившего преступление, при прекращении уголовного дела с примирением сторон // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27 (244). С. 59–62.

9. Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. 629 с.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1985 г. № 4 «О применении судами Российской Федерации законодательства, регламентирующего назначение мер уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1985. № 7.

11. Понятовская Т. Г. Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 93–98.

12. Михайлов А. Н. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием // Вестник Сибирского юридического института ФСИН России. 2013. № 1 (12). С. 118–122.

13. Нечепуренко А. А., Бабурин В. В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 67–79.

14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для образоват. учреждений МВД России / под ред. А. И. Марцева. Омск : ОЮИ, 1998. 406 с.

15. Пархоменко Д. А. Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, основанного на уголовном законе // Сибирский юридический журнал. 2018. № 1 (80). С. 90–95.

16. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 501 с.

17. Кострова М. Б. Парадоксы уголовно-правового воздействия в отношении «лиц, впервые совершивших преступление» // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1 (20). С. 134–137.

УДК 343.5
ББК 67.75

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА (СТ. 76[1] УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ)

А. Г. Максимов

Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (Москва, Россия)

В статье исследуются проблемы, возникающие при применении ст. 76[1] Уголовного кодекса РФ, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. При общей положительной оценке рассматриваемой нормы в доктрине российского уголовного права справедливо отмечается, что институт освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба страдает рядом недостатков, которые препятствуют его эффективному применению на практике. Автор выделяет несколько подобных проблем: терминологические неточности диспозиции (формальные), конкуренция различных оснований освобождения, предусмотренных Общей частью, и дублирование аналогичных оснований в Общей и Особенной частях (уголовно-правовые), отсутствие экономической целесообразности (экономические). По результатам проведенного исследования высказаны теоретически обоснованные предложения по изменению редакции ст. 76[1] УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, преступление, возмещение ущерба.

CONTROVERSIAL ISSUES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY DUE TO COMPENSATION FOR DAMAGES (ARTICLE 76[1] OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

A. G. Maksimov

Main Directorate for Economic Security and Anti-Corruption, Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

The article examines the problems that arise when applying Article 76[1] of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for exemption from criminal liability in connection with compensation for damage. While the general positive assessment of the norm under consideration in the doctrine of Russian criminal law rightly notes that the institution of exemption from criminal liability in connection with compensation for damage suffers from a number of shortcomings that hinder its effective application in practice. The author identifies several similar problems: terminological inaccuracies of disposition (formal), competition of various grounds for exemption provided for in the General Part and duplication of similar grounds in the General and Special Parts (criminal law), lack of economic expediency (economic). Based on the results of the study, theoretically sound proposals were made to amend the wording of Article 76[1] of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, exemption from criminal liability, crime, compensation for damage.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.15

Статья 76[1] УК РФ, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности за ряд экономических преступлений при возмещении причиненного ущерба, введена в российский уголовный закон Федеральным законом № 420-ФЗ от 07.12.2011 и с тех пор претерпела несколько существенных изменений. В науке уголовного и уголовно-процессуального права допущение возможности применения поощрительных норм для ненасильственных преступлений было воспринято положительно [1, с. 34; 2, с. 31]. Подобное освобождение от уголовной ответственности оценивается как альтернатива уголовному преследованию, некий уголовно-правовой компромисс, допускающий возможность альтернативного разрешения уголовного конфликта [3, с. 34], обеспечивающее реализацию принципов гуманизма, справедливости и экономии уголовно-правовой репрессии [4, с. 24].

Однако на протяжении всего времени действия рассматриваемой нормы, в том числе и при изменениях, ведущие ученые справедливо обращают внимание, что практика ее применения с момента появления в 2011 г. «настойчиво подсказывает законодателю необходимость более серьезного отношения к плодам своей работы, нежели манипуляции с названием статьи и количеством денежных возмещений. Ежегодно удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности составляет около 6–8%, а количество уголовных дел, прекращаемых по всей ст. 76[1] УК РФ не превысило 72» (*по состоянию на 2023 г. — Прим. автора*) [5, с. 23]. Изложенное обусловливает актуальность темы, вопросы формы и содержания ст. 76[1] УК РФ, а также предложены варианты решения выявленных противоречий.

Начнем исследование диспозиции ст. 76[1] УК РФ с формально-юридических аспектов. Во-первых, положительно следует оценить применение законодателем специального термина — возмещение ущерба, а не заглаживание вреда. В юридической литературе справедливо обращается внимание, что данные термины соотносятся как общее (заглаживание) и частное (возмещение) [6, с. 39]. Кроме того, категория «возмещение» имеет экономическое содержание, соответственно, исходя из особенностей преступлений, перечисленных в ст. 76[1] УК РФ, применение подобного термина следует признать корректным и логичным.

Однако, как представляется, это лишь «одна сторона медали». Изучение содержания ст. 76[1] УК РФ позволяет сделать вывод о том, что предусмотренные в ней основания и условия, по существу, выходят за рамки дефиниции «возмещение ущерба». Если в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 76[1] УК РФ, речь идет о действительном возмещении ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, то в ч. 2 ст. 76[1] УК РФ — не только о выплате ущерба потерпевшему, но и о перечислении в бюджет денежного возмещения или дохода. В части 3 ст. 76[1] УК РФ предусмотрены совершенно иные основания освобождения от ответственности, фактически регламентирующие наличие у освобождаемого лица особого правового статуса. В этой связи наименование рассматриваемой нормы вряд ли можно признать соответствующий ее содержанию. Логичным представляется применение двойного наименования с указанием как на возмещение ущерба, так и на виды преступлений.

Второй вопрос, относящийся к сфере уголовного права, возникающий при применении положений ст. 76[1] УК РФ, — это конкуренция оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ. Дискуссионных вопросов в данной части следует выделить несколько.

Во-первых, это конкуренция ст. 76[1] и ст. 76[2] УК РФ, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности при назначении судебного штрафа. В науке уголовного права предложено отдавать приоритет положениям ст. 76[1] УК РФ, так как она предусматривает императивную обязанность освободить лицо от ответственности при возмещении ущерба в установленном размере, тогда как ст. 76[2] УК РФ носит дискреционный характер, оставляя вопрос о реальном освобождении на усмотрение уполномоченного органа [7, с. 28]. Высказано и иное суждение, согласно которому приоритет следует отдавать во всех случаях специальным нормам [8, с. 22].

Как представляется, принципиально приоритет, действительно, следует признать за ст. 76[1] УК РФ, однако по иному основанию. Данные нормы соотносятся как общая и специальная, что априори предполагает приоритет специальной нормы. Однако реальное применение данного правила к ч. 2 ст. 76[1] УК РФ, как представляется, маловероятно по экономическим причинам, а именно — в связи с повышенным размером компенсации. На этом положении мы остановимся чуть ниже в настоящей работе.

Во-вторых, возникает вопрос о конкуренции норм ст. 76[1] и ст. 76 УК РФ, в которой предусмотрено общее основание освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В юридической литературе допускается альтернативное применение как ст. 76[1], так и ст. 76 УК РФ (аналогичное правило предложено распространить и на ст. 75 УК РФ, устанавливающую основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием) в зависимости от того, выполнило ли лицо все условия освобождения от уголовной ответственности, зафиксированные в ст. 76[1] УК РФ. Так, в случаях выполнения не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных ст. 76[1] УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением сторон (ст. 76 УК РФ) может быть удовлетворено судом при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований [9, с. 26]. Однако данная позиция представляется небесспорной.

Основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в ст. 76[1] УК РФ, исходя из содержания, должны рассматриваться как специальные. Частный или специальный характер данных оснований обусловлен как ограничением возможности их применения только к прямо перечисленным в диспозиции преступлениям, так и повышенным размерным условием. Относительно того, какое из оснований (общее или специальное) является более мягким, категоричный вывод сделать затруднительно. В обоих случаях обязательным условием освобождения от уголовной ответственности является совершение преступления впервые. Далее условия различаются: по категориям совершенного преступления — для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим преступление должно относиться к категориям небольшой или средней тяжести, в ст. 76[1] УК РФ подобного условия нет.

Однако изучение санкций перечисленных в ней норм позволяет сделать вывод, что большинство из этих преступлений также относится к категориям небольшой или средней тяжести. Формально, тем не менее, допустимо сделать вывод о том, что положения ст. 76 УК РФ являются более мягкими по сравнению со ст. 76[1] УК РФ. В части экономического содержания рассматриваемые нормы различаются существенно. Так, в ст. 76 УК РФ предусмотрено, что освобождаемое лицо должно загладить причиненный преступлением вред. Как мы уже указывали, категория «заглаживание» шире, нежели категория «возмещение вреда». В соответствии с п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» под заглаживанием вреда для целей ст. 76 УК РФ следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, перечисленные в п. 2.1 настоящего постановления Пленума. Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим. Данный подход развивается в правоприменительной практике. Так, в Обзоре практики Верховного суда РФ по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке, утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2024, разъяснено, что вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Аналогичная позиция изложена и в п. 2 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что положения ст. 76 УК РФ улучшают положение освобождаемого лица. Однако ст. 76 УК РФ содержит обязательное ограничение для ее применения — необходимость примирения с потерпевшим, то есть наличие его воли на прекращение уголовного преследования. Даже при соблюдении всех условий, предусмотренных в ст. 76 УК РФ, при отсутствии согласия потерпевшего уголовное дело не может быть прекращено. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является правом, а не обязанностью уполномоченного органа, тогда как при выполнении условий освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76[1] УК РФ, у уполномоченного органа возникает обязанность прекратить уголовное дело.

Совокупность изложенных факторов позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от выбранного критерия оценки каждая из рассматриваемых норм может признаваться более мягкой по отношению к виновному лицу. При отсутствии четких установленных критериев соотношения допустимо сделать вывод об альтернативности их применения, то есть выбор конкретного основания освобождения от уголовной ответственности остается за виновным лицом. Учитывая повышенный размер компенсации, предусмотренный в ст. 76^1 УК РФ, вероятность ее практического применения существенно снижается, а сама норма приобретает во многом декларативный характер. Как представляется, устанавливая повышенный размер компенсации за совершение отдельных экономических преступлений, законодатель формировал модель экономической нецелесообразности совершения преступления исходя из характера и степени общественной опасности таких преступлений. Однако при наличии указанной выше альтернативности, такая цель очевидно не достигнута. Выход из данной ситуации видится следующим: для общих оснований освобождения от уголовной ответственности необходимо установить ограничения — в самостоятельной норме или путем введения примечания, в которых должно содержаться указание, что предусмотренные в них основания освобождения от уголовной ответственности применяются в случаях, если для отдельных преступлений не установлены специальные основания.

Следующий вопрос, также находящийся в сфере конкуренции оснований освобождения от уголовной ответственности, детерминирован наличием подобных оснований как в Общей, так и в Особенной частях уголовного закона. По содержанию подобные основания зачастую совпадают. Так, специальные условия освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления, предусмотренные примечаниями к ст. 198, 199, 199.1 УК РФ, фактически сводящиеся к возмещению ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, совпадают с общими условиями, указанными в ч. 1 ст. 76^1 УК РФ. В теории уголовного права обращается внимание на такое необоснованное дублирование положений Общей и Особенной частей УК РФ [10, с. 8]. Как представляется, подобное дублирование, как минимум, нарушает правила юридической техники, излишне «перегружает» уголовный закон. Помимо формальных недочетов, оно также способно привести к различному пониманию возможности освобождения от уголовной ответственности в процессе реального правоприменения. В этой связи логичным и разумным является предложение о допустимости переноса специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в Особенную часть. При этом без формализации примечаний для каждого состава достаточно сделать это в первом из составов, распространив его на последующие [11, с. 125]. Принципиально допустимо и обратное: сохранение соответствующих оснований освобождения в Общей части и исключение их из Особенной.

Вероятно, наибольшая уязвимость в практическом применении положений ст. 76^1 УК РФ лежит в области экономических признаков, а именно — в повышенном размере компенсации, установленном в ч. 2 ст. 76^1 УК РФ. В науке уголовного права неоднократно обращалось внимание на то, что повышенные суммы выплат вряд ли приведут к активному использованию данного института на практике [12, с. 15]. Сложность решения данной задачи заключается в том, что все перечисленные в ст. 76^1 УК РФ преступления имеют экономическую природу и совершаются с корыстным мотивом, то есть с намерением извлечь материальную выгоду для себя либо для третьих лиц, что предполагает применение к виновному лицу таких мер воздействия, которые делают совершение преступления экономически невыгодным. Экономическая целесообразность совершения преступления является самостоятельным предметом изучения, в первую очередь, в рамках так называемой экономической теории наказания [13, с. 91]. Основной постулат данной теории заключается в том, что совершение преступления уже на этапе планирования должно быть априори «невыгодно» преступнику. С другой стороны, такая «невыгодность» не может сводиться исключительно к повышению имущественного размера санкций, а также иных негативных финансовых (имущественных) последствий совершения преступления, так как суровость законов зачастую приводит и к повышению латентности и существенно увеличивает коррупционные риски. Необходимым здоровый баланс, который в настоящее время не обеспечивается: с одной стороны, установлены повышенные экономические условия освобождения от уголовной ответственности, с другой имущественные санкции большинства из перечисленных в ст. 76^1 УК РФ норм, является незначительными. То есть лицу, совершившему преступление, экономически целесообразно оплатить штраф, нежели троекратную сумму для того, чтобы иметь возможность освободиться от уголовной ответственности. Безусловно, привлечение к уголовной ответственности имеет

целый ряд иных, помимо негативных последствий: от риска реального лишения свободы до судимости. В данном случае мы рассматриваем вопрос исключительно в экономической плоскости. Полагаем, что устранение данного пробела возможно путем формирования универсальной методики оценки экономических последствий совершения преступления и унификации размерных признаков санкций и выплат, как условия освобождения от уголовной ответственности. Например, путем введения так называемых кратных штрафов, то есть штрафов, сопоставимых с суммой причиненного ущерба.

Таким образом, по результатам проведенного исследования сформулируем следующие выводы, направленные на повышение эффективности освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба:

— необходима корректировка наименования ст. 76^1 УК РФ, которая будет отражать содержание закрепленных в ней оснований освобождения от уголовной ответственности;
— в целях устранения конкуренции общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности следует ограничить применение общих оснований указанием на то, что они применяются только в том случае, если для отдельных составов не установлены самостоятельные (специальные) основания;
— для исключения перегруженности уголовного закона из его текста в Общей и Особенной частях следует исключить дублирующие основания, сохранив их только в одном элементе;
— при формировании размерных признаков уголовно-правовых санкций и размера компенсации за экономические по содержанию преступления следует использовать унифицированный подход, основанный на размере причиненного вреда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Благов Е. В. Об уголовном законе, смягчающем наказание // Уголовное право. 2012. № 5. С. 33–35.

2. Сычев П. Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 30–34.

3. Мухортова Ю. П. Альтернативы уголовному преследованию: понятие, сущность и классификация // Российский следователь. 2025. № 10. С. 31–36.

4. Коренная А. А. Принцип экономии уголовно-правового воздействия как концептуальная основа формирования системы ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 23–25.

5. Звечаровский И. Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2023. № 5. С. 20–26.

6. Антонченко В. В. Сущность уголовного наказания: месть или правовосстановление? // Российский судья. 2025. № 5. С. 38–42.

7. Климанова О. В., Норвартян Ю. С., Семенова Д. М. О материальном основании и составе освобождения от уголовной ответственности // Российский судья. 2025. № 10. С. 27–32.

8. Власенко В. В. О юридической сущности норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 22–24.

9. Шестак В. А. Современные особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 24–27.

10. Хачатрян А. К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 23 с.

11. Благов Е. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 118–127.

12. Матвеева Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативного способа урегулирования уголовно-правового конфликта : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2016. 24 с.

13. Киреев Н. В. Моделирование преступного поведения в экономической теории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 91–95.

УДК 343.8:341.3
ББК 67.51 (2) 83

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РФ КАК ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА: ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

А. Г. Упоров

Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк, Россия)

Статья посвящена анализу правовой природы содержания иностранных военнопленных в исправительных учреждениях Российской Федерации в условиях отсутствия специализированных пенитенциарных объектов. Исследование проведено на основе нормативно-правового анализа Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, норм международного гуманитарного права, в частности Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере содержания и охраны военнопленных в исправительных учреждениях Российской Федерации. Предметом исследования выступают нормы международного гуманитарного права, нормы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и практика их применения в отношении военнопленных, содержащихся в исправительных учреждениях.

Целью работы является комплексный анализ соответствия действующего уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения международно-правовым стандартам содержания военнопленных, выявление коллизий и предложение мер их гармонизации. Задачами исследования определены: анализ международно-правовых стандартов содержания военнопленных; рассмотрение положений Уголовно-исполнительного кодекса РФ, касающихся правового статуса иностранных граждан; выявление коллизий между статусом военнопленного и статусом осужденного при размещении в исправительных учреждениях; оценка практики содержания военнопленных с точки зрения принципов уголовно-исполнительного права.

В процессе исследования применены общенаучные методы познания: анализ, синтез, дедукция, индукция. Специальными методами явились: историко-правовой анализ развития норм о статусе военнопленных; сравнительно-правовой анализ положений российского уголовно-исполнительного законодательства и норм международного гуманитарного права. В результате исследования выявлены существенные коллизии между статусом военнопленного по международному праву и статусом осужденного по российскому уголовно-исполнительному законодательству.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, международное гуманитарное право, военнопленные, исправительные учреждения, правовой статус, коллизии норм, режим содержания.

DETENTION OF FOREIGN PRISONERS OF WAR IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FORCED MEASURE: PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH CRIMINAL ENFORCEMENT LEGISLATION AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

A. G. Uporov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia)

The article is devoted to the analysis of the legal nature of the detention of foreign prisoners of war in correctional institutions of the Russian Federation in the absence of specialized penitentiary facilities. The study was carried out on the basis of a regulatory analysis of the Criminal Executive Code of the Russian Federation, the norms of international humanitarian law, in particular the Geneva Conventions of August 12, 1949.

The object of the study is social relations arising in the field of maintenance and protection of prisoners of war in correctional institutions of the Russian Federation. The subject of the study is the norms of international humanitarian law, the norms of the penal legislation of the Russian Federation and the practice of their application to prisoners of war held in correctional institutions.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the compliance of the current penal legislation and the practice of its application with international legal standards for the detention of prisoners of war, the identification of conflicts and the proposal of measures for their harmonization. The objectives of the study are determined: analysis of international legal standards for the detention of prisoners of war; consideration of the provisions of the Criminal Executive Code of the Russian Federation concerning the legal status of foreign citizens; identification of conflicts between the status of a prisoner of war and the status of a convict when placed in correctional institutions; assessment of the practice of keeping prisoners of war in terms of the principles of penal law.

In the process of research, general scientific methods of cognition were applied: analysis, synthesis, deduction, induction. Special methods were: historical and legal analysis of the development of norms on the status of prisoners of war; comparative legal analysis of the provisions of Russian penal legislation and international humanitarian law. As a result of the study, significant conflicts were revealed between the status of a prisoner of war under international law and the status of a convict under Russian penal legislation.

Keywords: penal law, international humanitarian law, prisoners of war, correctional institutions, legal status, conflicts of norms, detention regime.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.16

Введение. Вооруженный конфликт, развернувшийся на территории Европейского континента, привел к появлению категории иностранных граждан, имеющих статус военнопленных, содержащихся на территории Российской Федерации. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что российское законодательство не предусматривает создания специализированных учреждений для содержания военнопленных, в силу чего администрирование указанной категории лиц осуществляется в рамках существующей системы исправительных учреждений, предназначенных для отбывания уголовных наказаний осужденными лицами [1, с. 422].

Такое решение, являющееся вынужденной мерой в условиях отсутствия надлежащей нормативно-правовой базы, создает правовые коллизии между международно-правовыми стандартами содержания военнопленных, установленными Женевскими конвенциями от 12.08.1949 и внутренним уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации[1].

Описание проводимого исследования. Правовой статус военнопленных в вооруженных конфликтах регулируется комплексом норм международного гуманитарного права, основной источник которого составляет Третья Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. Конвенция применяется к лицам, которые, попав в власть противника, имеют статус комбатантов вооруженных сил государства, находящегося в состоянии вооруженного конфликта с Российской Федерацией.

Согласно статье 12 Третьей Женевской конвенции, военнопленные находятся во власти неприятельской державы, но не отдельных лиц или воинских частей, взявших их в плен. Держащее в плену государство несет ответственность за обращение с ними на основе принципов международного гуманитарного права.

[1] Третья Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12.08.1949 г. // Официальный портал правовой информации. 1949 (дата обращения: 28.11.2025).

Статья 13 Конвенции устанавливает, что военнопленные должны во всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением. Запрещены акты насилия, угрозы, оскорбления и общественное унижение военнопленных.

Критическое различие между статусом военнопленного и статусом осужденного лица заключается в природе их правового положения. Военнопленный не является преступником и не осужден за совершение преступления. Его пребывание в плену обусловлено исключительно участием в вооруженных действиях на стороне враждебного государства [2, с. 82].

В соответствии со статьей 16 Третьей Женевской конвенции, каждый военнопленный должен пользоваться достаточной свободой, в частности, в отношении физических упражнений и спорта. Ему должна быть предоставлена возможность переписываться с членами своей семьи, получать посылки, содержащие продукты и одежду. Статья 21 гарантирует право военнопленного сохранять свою гражданскую правоспособность в полном объеме.

В отличие от режима содержания осужденных, целью которого является исправление и ресоциализация, целью содержания военнопленных является их охрана и обеспечение их безопасности до завершения вооруженного конфликта [3].

Статья 108 Третьей Женевской конвенции предусматривает, что военнопленные, осужденные по вступившим в законную силу приговорам, отбывают наказания в тех же учреждениях и в тех же условиях, что и лица из состава вооруженных сил держащего в плену государства. Однако эти условия должны, во всяком случае, отвечать требованиям гигиены и гуманности.

Статья 10 УИК РФ устанавливает, что осужденные иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации[2].

Таким образом, УИК РФ признает приоритет норм международных договоров, однако при условии, что эти нормы не противоречат уголовно-исполнительному законодательству.

Согласно статье 74 УИК РФ, уголовные наказания исполняются в учреждениях, различных по типам и видам в зависимости от категорий осужденных. Уголовно-исполнительный кодекс предусматривает исправительные колонии различных видов, изоляторы временного содержания, тюрьмы и другие учреждения.

Однако ни одна из этих категорий не соответствует характеру содержания военнопленных [4, с. 71]. Исправительные учреждения предназначены для отбывания уголовных наказаний лицами, осужденными за совершение преступлений. Их режим, условия содержания и применяемые меры воздействия разработаны с целью исправления осужденного и предупреждения рецидива[3].

В отличие от этого, военнопленные не являются осужденными и содержатся в плену не в качестве меры наказания, а в качестве меры обеспечения безопасности и сохранения их жизни до завершения военных действий и заключения мирного договора [5, с. 8].

Режим исправительного учреждения, как определено статьей 82 УИК РФ, представляет собой установленный порядок исполнения и отбывания наказания, предусматривающий определенный уровень ограничения свободы передвижения, самостоятельности и общения осужденных, а также специальные требования к организации работы учреждения.

Приложение режима исправительного учреждения к военнопленным создает ряд проблем.

Во-первых, режим исправительного учреждения предполагает обязательный труд осужденных. Военнопленные, согласно статье 49 Третьей Женевской конвенции, могут привлекаться к работе, однако труд должен быть оплачиваемым и не должен носить характер штрафного или унижающего достоинство человека. Кроме того, офицеры и воентехники не могут привлекаться к физическому труду.

---

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1997. № 323.

[3] Указ Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (ред. от 05.01.2024) // Российская газета. 2004. № 26.

Во-вторых, условия жилого пространства, питания и медицинского обеспечения, установленные для исправительных учреждений, могут быть недостаточны с точки зрения требований Женевских конвенций о гуманности содержания.

Статья 49 Третьей Женевской конвенции устанавливает, что военнопленные могут быть привлечены к работе при условии, что труд неопасен, не унижает достоинство и надлежащим образом оплачивается. Минимальный размер заработной платы должен быть не менее одного швейцарского франка в день.

В то время как система оплаты труда в исправительных учреждениях РФ предусматривает выплату заработной платы осужденным, ставки выплаты значительно ниже установленных Конвенцией и ниже минимума жизненного уровня. Кроме того, труд в исправительном учреждении часто рассматривается не как трудовая деятельность с целью заработка, а как часть процесса исправления.

Применение этого подхода к военнопленным создает проблему справедливости и соответствия международным стандартам.

Безопасность в исправительных учреждениях обеспечивается путем применения системы мер охраны, надзора и ограничения свободы передвижения. Однако безопасность военнопленных требует особого подхода, поскольку они находятся в иностранной стране среди потенциально враждебной среды.

Возникает проблема баланса между требованиями безопасности и правами военнопленного на гуманное обращение. Практика содержания может привести к ситуации, когда требования безопасности используются как предлог для ограничения прав, гарантированных Женевскими конвенциями [6, с. 81; 7, с. 93].

Принципы уголовно-исполнительного права РФ, установленные статьей 8 УИК РФ, включают законность, гуманизм, дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания, а также рациональное применение мер принуждения.

Принцип законности требует, чтобы содержание военнопленных осуществлялось на основе норм права. Однако отсутствие специальных норм УИК РФ о военнопленных создает правовую неопределенность и потенциально противоречит принципу законности.

Принцип гуманизма предполагает справедливое обращение с лицами, содержащимися в учреждениях. Применение режима исправительного учреждения к военнопленным, имеющим иной статус, может привести к нарушению этого принципа[4].

Принцип дифференциации и индивидуализации требует учета особенностей личности и статуса лица при организации режима. Военнопленные имеют особый статус, требующий специфического подхода, отличного от подхода к обычным осужденным.

Таким образом, содержание военнопленных в исправительных учреждениях в условиях отсутствия специального нормативного регулирования противоречит принципам уголовно-исполнительного права, требуя немедленного нормативного совершенствования.

Результаты исследования и обсуждения. Для разрешения выявленных коллизий и приведения практики в соответствие с требованиями международного гуманитарного права и принципами уголовно-исполнительного права предлагаются следующие направления совершенствования законодательства.

Первое направление — включение в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации отдельной главы, посвященной содержанию и охране военнопленных. Данная глава должна определить статус военнопленного в системе исправительных учреждений, установить особенности применения режима, дисциплинарных мер, режима труда и других аспектов содержания.

Второе направление — создание специализированных учреждений или специально выделенных блоков в существующих исправительных учреждениях для содержания военнопленных. Это позволило бы применить режим, соответствующий специфике статуса военнопленного, и обеспечить надлежащий уровень гуманности и безопасности.

---

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.), (ред. от 04.10.2022) // Российская газета. 1993. № 8.

Третье направление — установление в законодательстве принципов содержания военнопленных, включающих: гуманное обращение, запрет пыток и жестокого обращения, гарантирование права на медицинскую помощь, право на переписку и посещение, справедливое обращение без дискриминации, соблюдение воинского достоинства.

Режим содержания военнопленных должен существенно отличаться от режима исправительного учреждения и быть ориентирован на следующие задачи:

1) обеспечение безопасности как военнопленных, так и окружающих, без применения избыточных ограничений;
2) охрана жизни и здоровья военнопленного с предоставлением надлежащего медицинского обслуживания;
3) гарантирование прав на личную корреспонденцию, посещение, сохранение личных вещей, вероисповедание и соблюдение религиозных обрядов;
4) организация досуга и физического развития как средства поддержания физического и психического здоровья;
5) подготовка к возвращению в страну происхождения или к миру в случае заключения мирного договора.

Режим должен быть более мягким, чем режим исправительного учреждения, поскольку цель содержания отличается. Вместо исправления требуется обеспечение защиты и безопасности.

На практике необходимо принятие следующих мер:

во-первых, подготовка кадров: персонал исправительных учреждений, занятый работой с военнопленными, должен пройти специальную подготовку по нормам международного гуманитарного права, психологии работы с лицами, находящимися в плену, и специфике содержания военнопленных [8, с. 235];

во-вторых, рзаработка подзаконных актов: Федеральная служба исполнения наказаний должна издать подробные инструкции и положения, регулирующие содержание и охрану военнопленных, учитывающие требования Женевских конвенций и принципы уголовно-исполнительного права.

Заключение и вывод. Содержание военнопленных ВСУ в исправительных учреждениях Российской Федерации, будучи вынужденной мерой в условиях отсутствия специализированных пенитенциарных объектов, создает комплекс правовых проблем, требующих незамедлительного решения.

Выявленные в процессе исследования коллизии между статусом военнопленного по международному гуманитарному праву и статусом осужденного по уголовно-исполнительному законодательству Российской Федерации демонстрируют необходимость специального нормативно-правового регулирования.

Анализ соответствия действующей практики требованиям Третьей Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. показал, что применение режима исправительного учреждения к военнопленным может привести к нарушению их прав, гарантированных конвенцией.

Кроме того, содержание военнопленных в исправительных учреждениях противоречит принципам уголовно-исполнительного права Российской Федерации, в особенности принципам законности, гуманизма и дифференциации. Необходимо включение в УИК РФ специальных норм, регулирующих содержание и охрану военнопленных, и создание либо специализированных учреждений, либо специальных режимных блоков в существующих учреждениях.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные выводы и рекомендации могут быть использованы федеральным законодателем при совершенствовании Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Федеральной службой исполнения наказаний при разработке подзаконных актов и инструкций по содержанию военнопленных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Скиба А. П., Малолеткина Н. С., Тепляшин П. В. Исправительное воздействие на военнопленных осужденных: международно-правовое, уголовно-исполнительное и иное регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 2. С. 422–434.

2. Скиба А. П. Правовое положение военнопленных осужденных: постановка проблемы международно-правового, конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 82–91.

3. Арман Дж., Кротюк К., Хенкертс Ж.-М., Химстра Х. Цифровые технологии и война. Обновленный Комментарий МККК к Женевской конвенции III: новый инструмент для защиты военнопленных в XXI веке // Международный журнал Красного Креста. 2021. № 913.

4. Малолеткина Н. С., Скиба А. П. О взаимосвязи репатриации осужденных военнопленных с исправительным воздействием в их отношении // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 70–74.

5. Репников К. П., Денисов И. Е. Актуальные проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных // Modern Science. 2025. № 1–1. С. 7–10.

6. Алиева М. Н., Омаров О. С. Военнопленные и запрещенные методы допроса: проблемы правового регулирования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. Т. 40, № 2. С. 80–86.

7. Росенко М. И., Торопова Т. А., Настенко Е. В. Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 1, № 7. С. 90–95.

8. Яковлева М. А., Зорина Е. М. Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 2. С. 232–243.

УДК 343.9
ББК 67.51

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е. О. Филиппова

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Исследование посвящено криминологической характеристике личности лица, совершающего преступления в сфере компьютерной информации. Рассматриваются типичные социопсихологические особенности, мотивационные факторы, уровень компетенций и доступность технической среды, а также влияние социокультурных и экономических условий на преступную активность в киберпространстве. На основе обобщения эмпирических и теоретических данных выявляются основополагающие черты, формирующие риск преступного поведения, обсуждаются проблема профилактики и направления уголовно-правового реагирования. Работа направлена на углубление понимания феномена цифровой преступности и повышение эффективности мер предупреждения и реабилитации.

Ключевые слова: киберпреступность, личность правонарушителя, компьютерная информация, мотивация, техническая компетентность, профилактика, цифровая девиация.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A PERSON WHO COMMITS CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

E. O. Filippova

Orenburg State University (Orenburg, Russia)

The study is devoted to the criminological characterization of the personality of a person who commits crimes in the field of computer information. Typical socio-psychological features, motivational factors, the level of competence and accessibility of the technical environment, as well as the influence of socio-cultural and economic conditions on criminal activity in cyberspace are considered. Based on the generalization of empirical and theoretical data, the fundamental features that form the risk of criminal behavior are identified, the problem of prevention and the direction of criminal law response are discussed. The work is aimed at deepening understanding of the phenomenon of digital crime and increasing the effectiveness of prevention and ϕrehabilitation measures.

Keywords: cybercrime, identity of the offender, computer information, motivation, technical competence, prevention, digital deviation.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.17

Актуальность криминологической характеристики личности лица, совершающего преступления в сфере компьютерной информации, обусловлена стремительным развитием информационных технологий и возрастающей цифровизацией всех сфер жизнедеятельности общества. Современный мир невозможно представить без сети Интернет, цифровых коммуникаций и электронных систем, что, к сожалению, создает новые возможности и для преступной деятельности. Киберпреступность перестала быть маргинальным явлением и трансформировалась в одну из наиболее серьезных угроз для экономической стабильности, национальной безопасности и личной неприкосновенности граждан.

Термин «компьютерная информация» является производным от общего понятия «информация» (от англ. «information» — разъяснение, осведомление, понимание) [1]. Это собирательное понятие охватывает множество аспектов, связанных с передачей, хранением и обработкой данных в цифровой форме. Компьютерная информация включает в себя как структурированные, так и неструктурированные данные, которые могут быть обработаны с помощью программного обеспечения и технологий. В современном мире она охватывает текстовые, звуковые, графические, видеоматериалы и любые другие формы данных, обрабатываемых и передаваемых через информационные системы и сети [2, с. 150].

Масштаб ущерба от компьютерных преступлений исчисляется миллиардами, а их последствия затрагивают как отдельные индивидуумы, так и крупные корпорации, государственные институты. При этом традиционные криминологические подходы, сформированные в условиях изучения «классической» преступности, часто оказываются неэффективными при анализе виртуального пространства. Анонимность, глобальный характер, отсутствие физической границы и высокая технологичность киберпреступлений требуют глубокого понимания специфики личности, мотивации и поведенческих паттернов лиц, вовлеченных в эту деятельность.

Без четкого представления о том, кто является типичным киберпреступником — его психологии, уровне технических навыков, социокультурных особенностях, способах вовлечения и формирования преступных групп — невозможно разработать действенные меры предупреждения, эффективные методы расследования и адекватные программы реабилитации. Изучение данной личности позволяет не только выявлять факторы риска, но и формировать целевые программы кибербезопасности, обучать население цифровой гигиене, а также совершенствовать правоприменительную практику. Постоянное обновление технических средств и методов преступной деятельности делает данную тему динамичной и требующей непрерывного научного осмысления для адекватного реагирования на вызовы современности.

Криминологическая характеристика личности лица, совершающего преступления в сфере компьютерной информации, опирается на комплексный анализ биографических, социально-экономических, психологических и технических факторов.

Анализируя исследования, посвященные личным характеристикам лиц, совершающих преступления в области компьютерной информации, можно отметить, что авторы соглашаются во мнении о высоком уровне интеллекта таких лиц, их нестандартном мышлении, находчивости и творческом подходе. Часто авторы отмечают скрытность и чувство собственного превосходства. К особенностям характера компьютерных преступников можно отнести: избегание общения, скрытность, уход в виртуальную среду, предпочтение виртуальным взаимодействиям, психологическая уязвимость, эмоциональная нестабильность, высокая самооценка, исполнительность и ответственность в рабочих процессах, недисциплинированность [3, с. 88].

Однако А. И. Халиуллин отмечает, что нынешние представители хакерского сообщества имеют совершенно иную стереотипную картину и, как правило, придерживаются законопослушного поведения, уделяя основное внимание обеспечению безопасности информационных систем и содействию в доступности информационных технологий для всех граждан [4, с. 22].

В. В. Поляков и Н. В. Людкова отмечают, что более 60% преступников, совершающих компьютерные преступления, совершили их неоднократно [5, с. 91].

Современное понимание киберпреступника формируется под влиянием трансформации информационного общества: широкая доступность Интернета, распространение мобильных устройств и облачных сервисов, усиление роли цифровых навыков в повседневной и профессиональной жизни создали новую экосистему, где преступное поведение может быть реализовано анонимно, дистанционно и с высокой эффективностью. В этой среде личность правонарушителя нередко отличается от традиционных моделей, присущих «уличной» преступности, что требует специализированного криминологического подхода.

Во-первых, необходимо выделить возрастной и гендерный профили. Значительная доля правонарушителей в сфере компьютерной информации относится к молодым возрастным группам — подросткам и молодым взрослым. Это объясняется сочетанием раннего и интенсивного освоения цифровых технологий, большей склонности к экспериментированию и поиску признания в онлайн-среде,

а также слабой осознанностью последствий. В то же время наблюдается и растущий процент вовлечения лиц старшего возраста, обладающих профессиональными навыками и доступом к информационным ресурсам. Гендерный состав варьируется в зависимости от типа правонарушений: технически сложные атаки и преступления, требующие длительной подготовки, чаще совершаются мужчинами, тогда как определенные виды мошенничества и социально-инженерных манипуляций могут демонстрировать более сбалансированное распределение по полу.

Во-вторых, важен образовательный и профессиональный уровень. Киберпреступления нередко совершаются лицами с высоким уровнем технической грамотности: программистами, системными администраторами, специалистами по информационной безопасности или самоучками, интенсивно изучавшими сети и криптографию. Однако наряду с «хакерами-специалистами» существуют и рекруты, использующие готовые инструменты — так называемые «скрипт-кидди», чья преступная активность обусловлена простотой применения автоматизированных средств и доступностью руководств в открытом доступе. Таким образом, уровень квалификации влияет на сложность и масштаб преступлений, но не является единственным фактором риска.

В-третьих, мотивация преступлений в данной сфере разнообразна и включает материальную выгоду, политический активизм, личную неприязнь или желание самоутверждения, а также исследовательский интерес и демонстрацию мастерства. Экономические мотивы остаются доминирующими в большинстве случаев: мошенничество, кража данных, вымогательство посредством программ-вымогателей направлены на получение финансовой выгоды. Политическая мотивация проявляется в деятельности хактивистов, целью которых является привлечение внимания к общественным проблемам или совершение диверсий против государственных и корпоративных инфраструктур. Социально-психологические мотивы, такие как жажда признания в сообществах, месть и склонность к рискованному поведению, также играют значительную роль, особенно среди молодежи.

В-четвертых, криминологический профиль включает психологические характеристики: высокий уровень технического интереса и креативности сочетаются с чертами, повышающими склонность к девиантному использованию знаний — низким уровнем эмпатии, потребностью в адреналине, склонностью к антисоциальным формам коммуникации и иногда нарциссическими чертами. Необходимо подчеркнуть, что не все технически грамотные лица обладают антисоциальными чертами; преступное поведение возникает на стыке индивидуальных предрасположенностей и внешних обстоятельств: доступности инструментов, безнаказанности и наличия рынков сбыта. Значимым фактором служит также воспринимаемая легитимность или нелегитимность существующих норм: если индивид считает, что правоприменительные механизмы несправедливы или неэффективны, это может снижать барьеры к совершению преступлений.

В-пятых, социокультурные и экономические условия оказывают существенное влияние. Высокая безработица среди IT-специалистов, неразвитость рынка легитимных возможностей для самореализации, коррумпированность институтов и экономические санкции могут способствовать росту мотивации к преступной деятельности. В некоторых сообществах существуют субкультуры, романтизирующие взлом и противостояние властям, что создает среду для обмена навыками и вербовки новичков. Онлайн-платформы и форумы функционируют как каналы коммуникации, обучения и торга инструментами атаки или украденной информацией, что облегчает организацию преступной деятельности и размывает традиционные барьеры солидарности.

В-шестых, структура преступного поведения в киберпространстве характеризуется гибкостью, сетевой организацией и частой междисциплинарной кооперацией. Преступления могут быть совершены индивидуально, но многие крупные операции требуют кооперации специалистов разных профилей: разработчиков, операторов, аналитиков и «мулов» для отмывания средств. Анонимность и распределенная архитектура коммуникаций (использование VPN, криптовалют, даркнета) обеспечивают относительно низкие трансакционные издержки и высокую устойчивость к правоохранительному вмешательству. Это приводит к появлению профессиональных киберпреступных групп, функционирующих на принципах рынка: специализация, разделение труда и конкуренция.

В-седьмых, рецидив и криминальный путь в этой сфере часто пересекаются с профессиональной траекторией: лица, прошедшие через судебное преследование, могут сохранять технические навыки

и при отсутствии эффективной социальной реабилитации возвращаться к преступной деятельности. Наличие условного наказания или краткосрочного лишения свободы без программ по переобучению и трудоустройству снижает шансы на десоциализацию. Напротив, доступ к легальной занятости, поддержка со стороны общественных организаций и возможность участия в легитимных инициативах по кибербезопасности могут перенаправить мотивации и навыки в конструктивное русло.

В-восьмых, проблемой современной криминологической характеристики является методологическая сложность получения надежных данных. Многое скрыто в даркнете, а участники преступлений тщательно маскируют свою личность. Исследователи опираются на судебную практику, материалы оперативных подразделений, интервью с осужденными и мониторинг онлайн-платформ, что создает выборочные сдвиги. При этом междисциплинарные исследования, объединяющие криминологию, психологию, социологию и информационные технологии, дают более полную картину и позволяют выделять типы правонарушителей, прогнозировать риски и разрабатывать таргетированные программы профилактики.

Проведенное исследование криминологической характеристики личности лица, совершающего преступления в сфере компьютерной информации, подтверждает многогранность и динамичность данного феномена. Отсутствие единого, универсального профиля киберпреступника является ключевым выводом. Вместо этого мы наблюдаем спектр личностных типов — от подростков-«скрипткидди» до высокопрофессиональных киберкриминальных группировок и даже лиц, действующих в интересах организованных преступных сообществ. Объединяющими чертами часто выступают высокая техническая осведомленность, интеллектуальная любознательность, а также способность к абстрактному мышлению и решению сложных логических задач. Мотивационные аспекты варьируются от поиска самоутверждения и жажды острых ощущений до стремления к материальному обогащению, идеологических убеждений и корпоративного шпионажа.

Анонимность и глобальный характер киберпространства значительно влияют на формирование личности преступника, снижая порог внутренних запретов и способствуя деперсонализации жертвы. Это также создает иллюзию неуязвимости, что позволяет им действовать более дерзко и масштабно. Важность междисциплинарного подхода, объединяющего криминологию, психологию, социологию и информационные технологии, становится очевидной для всестороннего понимания проблемы. Только такой комплексный анализ способен раскрыть сложные взаимосвязи между личностными качествами, социальным окружением и технологическими возможностями.

Практические выводы из данного исследования имеют критическое значение для правоохранительных органов, разработчиков политик и образовательных учреждений. Они подчеркивают необходимость специализированной подготовки кадров, развития международного сотрудничества, формирования эффективных программ профилактики, включая повышение цифровой грамотности населения и этического хакинга. В условиях постоянной эволюции технологий и методов киберпреступности непрерывное изучение и адаптация криминологических характеристик остаются фундаментальной задачей для построения безопасного цифрового будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/informatsiia-50086f/

2. Соломатина А. Г., Пушкарев В. В. К вопросу о понятии компьютерной информации и преступлениях, совершаемых в ее сфере // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 149–155.

3. Евдокимов К. Н. Особенности личности преступника, совершающего неправомерный доступ к компьютерной информации (на примере Иркутской области) // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 86–90.

4. Халиуллин А. И. Хакер как правонарушитель в современных уголовно-правовых исследованиях // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 21–23.

5. Поляков В. В., Людкова Н. В. Характеристика личности киберпреступников // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции, Хабаровск, 22 апреля 2016 г. Хабаровск: ФГКОУ ВО ДВЮИ, 2016. С. 90–93.

УДК 343.9
ББК 67.523.11

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЩЕНИЕМ ПОРНОГРАФИИ, В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

А. И. Фонштейн

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

В статье проведен исторический обзор российского законодательства о запрете оборота и изготовления порнографии с целью установления на разных этапах развития специфики охраняемых общественных отношений, в частности объекта уголовно-правовой охраны. Исследована эволюция норм, сопоставимых с современными ст. 242–242[2] УК РФ. В работе также рассмотрены положения доктрины уголовного права, освещающей вопросы систематизации норм уголовного законодательства в различных нормативных актах.

Проведенный анализ отечественного законодательства XVIII–XXI вв. свидетельствует о том, что объект посягательства исследуемой категории преступлений характеризовался существенной вариативностью в разное время. Обоснован вывод о различном размещении исследуемых норм в структуре охраняемых общественных отношений, детерминированном комплексом исторических, политических и социально-культурных факторов. Выявлено закрепление преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографии, в таких сегментах законов, где объектом уголовно-правовой охраны являлись традиционная и религиозная нравственность, реализация работы цензурных учреждений, общественный порядок, здоровье населения и общественная нравственность в сфере сексуальных отношений.

Ключевые слова: порнография, уголовное законодательство, нравственность, цензурные ограничения, источник права, охрана общественных отношений.

CRIMES RELATED TO THE CIRCULATION OF PORNOGRAPHY IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW SYSTEM: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

A. I. Fonshteyn

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

This article provides a historical overview of Russian legislation prohibiting the circulation and production of pornography, with the aim of establishing the specifics of protected social relations at different stages of development, in particular the object of criminal law protection. The evolution of norms comparable to modern Articles 242–242[2] of the Criminal Code of the Russian Federation is examined. The paper also examines the provisions of criminal law doctrine, which addresses the systematization of criminal law norms in various regulatory acts.

An analysis of Russian legislation from the 18th to 21st centuries demonstrates that the object of encroachment for this category of crimes varied significantly over time. The conclusion is substantiated regarding the different placement of these norms within the structure of protected social relations, determined by a combination of historical, political, and socio-cultural factors. Crimes related to the production and distribution of pornography were identified in sections of laws where the objects of criminal protection were traditional and religious morality, the operation of censorship institutions, public order and public health, and public morality in the sphere of sexual relations.

Keywords: pornography, criminal law, morality, censorship restrictions, source of law, protection of public relations.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.18

Постановления, формирующие и охраняющие нравственные ценности государства, являются самыми характерными и яркими выразителями духа конкретной эпохи. Уголовно-правовые запреты, направленные на защиту общественных ценностей, выступают наиболее репрезентативными индикаторами, определяющими параметры и границы морали, в том числе в сфере сексуальных отношений, господствующих в определенное время. На протяжении столетий применялось множество подходов к природе порнографии, вследствие чего отличались и концептуальные особенности конструирования уголовно-правовых запретов в сфере пресечения ее обращения.

В актах светского и церковного законодательства X–XVII вв. не были закреплены составы преступлений, предусматривающие ответственность за обращение каких-либо предметов, аналогичных современному пониманию порнографии. Указанные нормативно-правовые источники носили религиозно-моралистический характер, основываясь на христианских аскетичных нравах [1, с. 579], и содержали довольно обобщенные нормативные запреты.

Формирование и развитие правовых институтов противодействия порнографии в России началось только в XVIII в. Первым источником, охраняющим нравственность в контексте именно сексуальной сферы, является арт. 177 Артикула Воинского Петра I 1715 г. [2, с. 345], предусматривающий запрет на устное распространение непристойных речей и песен (при этом без определения наказания или иных последствий). Расположено указанное положение в главе XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» указанного источника права, в связи с чем можно определить его направленность на охрану общественных отношений в сфере религиозных ценностей и сексуального благополучия.

Последующее закрепление норм, запрещающих изготовление и распространение порнографии в России, началось позднее, уже в первой трети XIX в., ознаменовавшись крупномасштабным изменениям уголовно-правовой и административной сфер регулирования. Государство, опиравшееся на авторитет религии и традиционных ценностей, начинает вводить запреты на произведения словесности и искусства, оскорбляющие благопристойность [3, с. 19]. Реализация названных мер производилась, в частности, с помощью принятия и применения Свода законов Российской империи 1833 г. (далее — Свод законов 1833 г.) [4], начавшего свое действие с 1 января 1835 г.

Глава 4 Т. XV Свода законов 1833 г. содержала нормы, где в качестве преступлений, наряду с мужеложством, скотоложством и сводничеством, было криминализовано и обращение сочинений, изображений, представлений и речей против нравственности и благопристойности (ст. 1001–1003). В соответствии со ст. 1001 наказуемыми признавались тайные от цензуры печать, издание или распространение в любом виде сочинений, подлежащих обязательному цензурированию, которые были противны нравственности и благопристойности или склоняли к этому, либо имели целью развращение нравов, а также аналогичных соблазнительных изображений. Для признания сочинения или изображения в качестве предмета преступления было необходимо, чтобы они имели хотя бы одну указанных в диспозиции характеристик, вследствие чего незаконными фактически считались как порнография, так и эротика (ныне не запрещенная уголовным законом).

Объективная сторона данного состава преступления включала несколько альтернативных действий, для которых основным условием признания их незаконными было осуществление вне рамок цензурного контроля.

Стремление законодателя к дополнительной уголовно-правовой охране нравственного и психического здоровья несовершеннолетних, как наиболее уязвимой группы, впервые можно проследить в ст. 1002 Свода законов 1833 г. Она предусматривала более строгую ответственность для учителей, наставников или опекунов (специального субъекта преступления) за распространение сочинений или изображений, противных нравам и благопристойности, среди малолетних и несовершеннолетних подопечных, а также в учебных заведениях.

В последующем реализация отраслевой кодификации привела к созданию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение 1845 г.) [5], где была сформирована уже развитая система предписаний о распространении предметов и материалов порнографического характе-

ра [6, с. 33]. Положения гл. 4 сохранили предписания, идентичные содержащимся в Своде 1833 г. о запрете издания и распространения порнографических материалов (ст. 1301) и диссеминации их среди несовершеннолетних (ст. 1303), однако также были значительно дополнены.

Новое преступление против нравственности и благопристойности было закреплено в ст. 1302 Уложения 1845 г. и предусматривало ответственность за создание, продажу или распространение произведенных промышленным способом на заводах, фабриках или мануфактурах изданий с «явно соблазнительными» изображениями, а также выставление в магазинах и иных публичных местах указанных материалов или иных предметов аналогичного характера. Отличительной характеристикой нормы можно назвать ее ориентированность на массовый способ производства. Являясь преступлением с альтернативными действиями, любого из которых достаточно для квалификации, ст. 1302 впервые наряду с массовым созданием, продажей или распространением криминализует также выставление в магазинах или иных публичных местах названных материалов и предметов, в связи с чем можно говорить о возникновении предпосылки для определения публичной демонстрации как составной части объективной стороны рассматриваемого противоправного деяния.

С приходом к власти Александра II многие реакционные законы Николаевской эпохи были пересмотрены [7, с. 103], и по повелению императора 652 статьи были изъяты из Уложения 1845 г., после чего сгруппированы в отдельный закон — Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [8]. В указанный закон были перенесены некоторые положения о деяниях, нарушающих общественный порядок и спокойствие, в том числе касающиеся запрета на обращение явно соблазнительных предметов. В сравнении со ст. 1302 Уложения 1845 г. новая норма — ст. 45 Устава о наказаниях 1864 г. содержала усеченный перечень альтернативных деяний (публичное выставление, распространение), так как создание и продажа остались наказуемы в соответствии со ст. 1001 Уложения 1845 г. Пропало из новой нормы и указание на массовость производства порнографических материалов. Предметами уголовного проступка, предусмотренного ст. 45, являлись печатные материалы, статуэтки, а также иные изделия.

Отметим, что достаточно консервативное Уложение 1845 г. применялось в Империи вплоть до Октябрьской революции. В более поздних редакциях 1866 г. [9] и 1885 г. [10] иные положения о сочинениях, изображениях, представлениях и речах, противных нравственности и благопристойности, сохранили свои исходные формулировки (ст. 1001, 1002) или были немного изменены стилистически (ст. 1007, 1021, 1026).

В имперский период был издан еще один нормативный акт, регулирующий уголовно-правые отношения, в том числе запреты изготовления и оборота порнографии, а именно Новое уголовное уложение 1903 г. [11]. В полном объеме указанный источник применялся только в Остзейских губерниях, а на территории остальной части Российской Империи так и не был введен.

Его гл. 13 «О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью», направленная на охрану общественной нравственности, содержала ст. 281, объединившую в себе положения ранее действующих предписаний, установив ответственность за обращение «заведомо бесстыдных материалов». Наряду с запретами продажи, публичного выставления и иного распространения хотя бы одного экземпляра «непристойного» произведения, в новой норме действия были дополнены также хранением сочинений или изображений для продажи, наказуемым при условии, что продукция предназначена для дальнейшей реализации. Кроме того, ст. 281 предусматривала дополнительное наказание для торговцев и редакторов повременных изданий, тем самым определяя их как специальных субъектов преступления.

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что дореволюционный законодатель с XVIII в. по XX в. использовал довольно разнообразные термины для обозначения отношений, охраняемых путем введения ответственности за обращение порнографии, начиная религиозными ценностями и заканчивая светской нравственностью. Риторика защиты моральных установок доминировала при принятии управленческих и законодательных решений, подчеркивая важность традиционных взглядов. Однако выстроенная веками система охраны общественной нравственности с опорой на патриархальные устои и православие была упразднена Октябрьской революцией 1917 г.

В первые годы советской власти прямой запрет на обращение порнографии был снят [12, с. 169], однако это не обозначило полного прекращения противодействия ей: в период формирования новой государственной системы значительная часть указанных произведений изымалась из продажи и уничтожалась вместе с книгами духовного содержания.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (далее — УК 1922 г.) [13] устанавливал в ст. 224 ответственность за нарушение правил и обязательных постановлений для размножения и выпуска печатных произведений, что расценивается как цензура, в том числе и вызывающего интерес в данном исследовании предмета преступления. Так, в соответствии с п. «д» ст. 3 Положения о главном управлении по делам литературы и издательства 1922 г. [14] воспрещалось издание и распространение любых произведений, носящих порнографический характер (рукописей, печатной литературы, периодических и непериодических изданий, снимков, рисунков, карт и т.д.).

Отсутствие прямого запрета на изготовление и оборот порнографических материалов и предметов также сохранилось в первой редакции Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [15], однако в дальнейшем закон был изменен. Несмотря на активное «неуголовное» противодействие обращению порнографии, меры цензуры не были до конца эффективными. В 1930-е гг. советское государство взяло курс на укрепление традиционной семьи и ценностей, возникла необходимость защиты общественной нравственности с помощью введения уголовной ответственности за посягательства на нее.

После ратификации СССР в 1935 г. Международной конвенции «О пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими» 1923 г. [16] в уголовные кодексы союзных республик были имплементированы новые нормы. В частности, УК РСФСР 1926 г. был дополнен ст. 182^1, закрепившей запрет на изготовление, распространение и рекламирование, торговлю или хранение с целью продажи или распространения порнографических сочинений, печатных изданий, изображений и иных предметов.

Указанная норма находилась в гл. 8 УК РСФСР 1926 г., в связи с чем видовым объектом посягательства в ней являлись общественные отношения, складывающиеся в сфере народного здравия, общественной безопасности и порядка. Статья не была лишена недостатков: понятия порнографии она не закрепляла, сохранив неопределенность предмета преступления; распространение, рекламирование и торговля для признания их противоправными должны были приводить к ознакомлению с порнографическими предметами «многих лиц» [17, с. 380].

Развитие отношений в рамках социалистического уголовного права привело к разработке и принятию Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [18], где в гл. 10, направленной на защиту общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, была закреплена ст. 228, которая предусматривала запрет изготовление или сбыта порнографических предметов. Названная норма сохранила практически идентичную со ст. 182^1 УК 1926 г. формулировку, а изменения в ней коснулись лишь уточнения характеристики иных предметов преступления до их «порнографического характера».

Несмотря на монументальное значение указанного источника уголовного права, проблемы квалификации обращения порнографии, существовавшие еще с 1935 г., так и не были решены в полном объеме, ст. 228 УК 1960 г. на практике фактически не применялась. Последовавшие с конца 1980-х гг. события сделали невозможным принятие каких-либо иных мер противодействия обороту порнографии на многие годы.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ), «преемник» советских уголовных законов, ознаменовал кардинальные изменения уголовно-правовой политики, в том числе в сфере общественной нравственности. Первая редакция УК РФ включала только одну норму, направленную на запрет незаконного оборота порнографии, а именно ст. 242. В ней был наложен запрет на незаконные: изготовление целях распространения или рекламирования; распространение; рекламирование; торговлю печатными изданиями, кино- или видеоматериалами, изображениями или иными предметами порнографического характера. Кроме того, исходный текст не содержал квалифицирующих признаков, в том числе связанных с защитой прав несовершеннолетних.

Ввиду стремления государства к защите наиболее уязвимых слоев населения России от преступных посягательств, в том числе связанных с защитой половых (сексуальных) прав и свобод индивидов, возникла необходимость усиления ответственности, если изготовление или оборот порнографии

затрагивает несовершеннолетних, в связи с чем в 2003 г. УК РФ был дополнен ст. 242[1], воспрещающей изготовление и оборот детской порнографии, а в 2012 г. — ст. 242[2], устанавливающей ответственность за использование лиц, не достигших 18 лет, в обороте порнографии, а также за их привлечение в зрелищные мероприятии порнографического характера в роли исполнителей.

Резюмируя изложенное0 хочется отметить, что порнография, несмотря на разницу ее обозначений и наименований, находится под уголовным запретом в России на протяжении столетий. Изменение законодательства на конкретных этапах отражает приоритеты власти в сфере охраны тех или иных сфер жизни общества, мнение населения, всеобщие ценности и мораль, основанные на принципах религии, традиционализма, модернизма, социализма и охраны ценностей. Вследствие указанных условий положение преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографии, характеризовалось существенной вариативностью в рамках охраняемых общественных отношений.

Поскольку на разных этапах развития уголовного законодательства основаниями для криминализации являлись различные общественные блага в связи со сложной правовой ситуацией, отношению к религии, морали или по другим критериям и факторам, объектом преступлений в сфере обращения порнографии выступали неоднородные категории отношений.

Трансформация норм, содержащих исследуемые преступления, из предписаний, направленных на охрану традиционной и религиозной нравственности, реализацию работы цензурных учреждений, общественного порядка и здоровья населения и общественной нравственности в сексуальной сфере начала происходить в начале XVIII в. и продолжается в течение всего дореволюционного, советского и современного периодов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шевелева С. В., Бидзян Д. Р. Генезис нормативных запретов проституции и порнографии в России // Юго-Западный юридический форум : сборник научных трудов. Курск, 2021. Том 1. С. 578–582.

2. Воинский артикул от 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. 579 с.

3. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М., 1999. 464 с.

4. Свод законов Российской Империи, Том XV от 31 января 1833 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&collection=0&empire=1&sort= –1&volume=100019 (дата обращения: 08.11.2025).

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Санкт-Петербург : В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845.

6. Рукавишникова В. О. Ответственность за незаконный оборот порнографической продукции в истории отечественного уголовного права // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 31–34.

7. Берестнев А. И. Уголовный проступок в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 102–105.

8. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Часть четвертая Судебного Устава от 20 ноября 1864 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/331 (дата обращения: 11.11.2025).

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. (с доп. на 01.01.1876 г.) / сост. проф. Н. С. Таганцевым. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1876.

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / сост. проф. Н. С. Таганцевым. 6-е изд., пересм. и доп. СПб., 1889.

11. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. / Изд. В. П. Анисимова. СПб., 1903.

12. Бычков В. В. Порнография: отношение власти и общества, нормативное противодействие // Lex Russica. 2016. № 12 (121). С. 167–183.

13. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г. 1922. № 15.

14. Декрет СНК. Положение о главном управлении по делам литературы и издательства от 6 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950.

15. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80.

16. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (Заключена в г. Женеве 12.09.1923 г., ратифицирована СССР 08.07.1935 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15101 (дата обращения: 11.11.2025).

17. Уголовный кодекс в редакции 1926 г. Комментарий / А. Б. Вроблевский, Б. С. Утевский ; под общ. ред. Е. Г. Ширвиндт. М. : Изд-во НКВД, 1936.

18. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 05.11.2025).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347.1
ББК 67.4

ПРАВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЮ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА НА ИМЯ В ГЕРМАНИИ

Ю. В. Блинова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В настоящей статье автор анализирует состоявшиеся в 2024 году новеллы немецкого коллизионного регулирования прав физического лица на имя, согласно которым основным правилом установления прав физического лица на имя вместо lex patriae стал lex domicilii, а также появилась возможность супругов избрать имя, полученное в другом государстве-члене ЕС при наличии необходимых условий. Несомненными достоинствами нового способа определения применимого права, подлежащего применению к правам на имя, выступают оптимальный учет возросшего уровня миграции, одновременно с этим сохранение государственного языка, исторических традиций наименований физических лиц на территории Германии.

Ключевые слова: личный закон, физическое лицо, имя, lex patriae, lex domicilii.

LAW APPLICABLE TO DETERMINING AN INDIVIDUAL'S RIGHT TO A NAME IN GERMANY

Yu. V. Blinova

Altai State University (Barnaul, Russia)

In this article, the author analyzes the 2024 amendments to German conflict-of-laws regulations governing individuals' naming rights. These amendments replaced the lex patriae as the primary rule for establishing individuals' naming rights with the lex domicilii. Spouses may also choose a name acquired in another EU Member State, provided the necessary conditions are met. The clear advantages of this new method for determining the applicable law governing naming rights include optimally accounting for increased migration while preserving the state language and historical naming traditions of individuals in Germany.

Keywords: personal law, an individual, a name, lex patriae, lex domicilii.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.19

В международном частном праве правовое положение физического лица традиционно определяется через личный закон физического лица (lex personalis). При этом сфера действия личного закона физического лица может носить открытый или закрытый характер. Например, в силу статьи 25 Гражданского кодекса Анголы личным законом регулируются статус физических лиц, дееспособность лиц, семейные и наследственные отношения [1, с. 69]. Напротив, в рамках российского международного частного права lex personalis в том или ином варианте распространяется на отношения, регулируемые статьями 1196–1200 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 156, 162–165 Семейного кодекса Российской Федерации, статьей 399 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и др. Универсальным для современного коллизионного регулирования многих государств выступает включение прав на имя и его защиту в сферу действия личного закона физического лица. В связи с принятыми в 2024 году новеллами в законодательство ФРГ об именах представляется необходимым проанализировать потенциал соответствующих коллизионных норм и причины их появления.

Общепризнано, что «имя человека всегда, во все времена имело статус самоценности, являлось невещественным богатством. Вопросы, связанные с именем, вызывали интерес философов с глубокой древности: Сократ, Платон, Аристотель, … а сегодня С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев посвятили немало страниц изучению этого феномена» [2, с. 139]. Вот лишь некоторые тезисы известных мыслителей по поводу имени: «Имена суть качества людей» (С. Булгаков); «Имя магически влияет на нареченную им личность. Имя становится гербом, знаком, обрамлением личности» (П. Флоренский); «Имя характеризует не только человека, но и косвенно тех, кто это имя дал» (Ю. С. Степанов) [цит. по: 2, с. 139].

Имя выполняет следующие функции в обществе: «идентифицирует тождество человека с самим собой; дифференцирует, отличает одного от всех остальных; становится регулятором отношений в обществе — оно может воодушевлять, возвышать, духовно обогащать или, наоборот, огорчать, подавлять и унижать… имя носит в себе функцию общения, имеет познавательную и воспитывающую функции, но главное — имя представляет собой аккумулятор культуры, становясь социокодом в хранилище коллективной памяти и средством трансляции культуры. Дать человеку имя — это значит включить его в систему социальных отношений, где он приобретает определенные права и обязанности» [2, с. 140].

Вводный закон к Германскому гражданскому уложению (EGBGB, далее — Вводный закон к ГГУ) в прежней редакции подчинял имя лица праву того государства, гражданином которого это лицо является (п. 1 ст. 10). Супруги при заключении брака или в последующем могли заявить в органе загса о выборе имени, которое они будут носить в будущем: по праву государства гражданства одного из супругов, в т. ч. в отношении бипатридов, или по немецкому праву при наличии хотя бы у одного из них обычного местопребывания в Германии (п. 2 ст. 10 Вводного закона к ГГУ). Схожие с супружескими нормы Вводный закон к ГГУ предусматривал для установления права на имя ребенка, дополнив третьей опцией: право на имя ребенка могло быть также определено по праву государства гражданства лица, давшего имя (п. 3 ст. 10 Вводного закона к ГГУ) [1, с. 270].

Доминирующий подход к определению прав на имя через закон гражданства поддерживался в немецком национальном праве еще и тем, что Германия с 27 сентября 1956 года по 30 июня 2015 года являлась членом Международной комиссии по гражданскому состоянию и, хотя не ратифицировала Конвенцию о праве, применимом к фамилиям и именам, заключенную 5 сентября 1980 года в Мюнхене (далее — Мюнхенская конвенция), но могла учитывать ее нормы [3]. Особенностью Мюнхенской конвенции выступает то, что в случае смены гражданства применяется право государства нового гражданства (п. 2 ст. 1). Кроме того, правило Мюнхенской конвенции по определению прав на имя распространяется в т. ч., если это будет право не договаривающегося государства (ст. 2). Отказ от применения права, указанного Мюнхенской конвенцией, допускается лишь в том случае, если оно явно несовместимо с публичным порядком (ст. 4) [3]. Сегодня на связь регистрации ребенка по закону его гражданства указывает статья 7 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года.

Громкая судебная практика Суда ЕС первого десятилетия XXI века (например, дела Гарсиа Авелло и Грункин-Пол и др.; подробнее см. [4]) способствовали появлению в Вводном законе к ГГУ статьи 48, допустившей возможность выбора имени, приобретенного в другом государстве-члене ЕС, что ознаменовало отход от жесткой привязки lex patriae: если имя лица подчиняется немецкому пра-

ву, то оно может заявить в орган ЗАГС о приобретении постоянного местопребывания в другом государстве-члене ЕС и выборе имени, зарегистрированном в органе ЗАГС другого государства-члена ЕС, если это не противоречит основополагающим принципам немецкого права [1, с. 281].

Противоречащими основополагающим принципам немецкого права, несущими негативные коннотации, направленными не ко благу ребенка, органы ЗАГС в Германии рассматривают, в частности, наименования Lucifer, Satan, Steißbein (Копчик), Störenfried (Смутьян) и др., правомерно отказывая родителям в праве выбрать имя ребенку по своему усмотрению [5]. Судебная же практика Германии нарушением публичного порядка склонна рассматривать выбор имени, содержащего указание на принадлежность к дворянству, что несовместимо с принципами равенства всех перед законом и равенства в гражданских правах, а также с республиканской формой правления. Например, гражданин Германии и Великобритании Набиль Петер Богендорф фон Вольферсдорф, урожденный Набиль Багади, безуспешно пытался в немецком ЗАГСе изменить имя на полную форму, полученную в Великобритании: Суд ЕС поддержал немецких коллег в запрете регистрации имени Петер Марк Эмануэль Граф фон Вольферсдорф Барон фон Богендорф (Peter Mark Emanuel Graf von Wolffersdorff Freiherr von Bogendorff) [6, 7].

Включение статьи 48 в Вводный закон к ГГУ не было лишено и некоторых негативных последствий: по словам М. Леманна, состоялся отход от национальных правил присвоения фамилий, что спровоцировало рост количества трудновоспроизводимых имен, а также отразило неравенство граждан Германии, родившихся в государстве гражданства и вне его пределов [цит. по: 4].

Законом ФРГ от 14 июня 2024 года коллизионные правила Вводного закона к ГГУ об именах изменены. Как отмечается разработчиками законопроекта, представленные новеллы немецкого закона об именах обусловлены ограничительным характером действовавшего закона, что ставило немецкий закон в невыгодное положение по сравнению с аналогичным по объекту регулирования зарубежным законодательством [8, с. 1], т. е. проблема неравенства, озвученная выше, здесь также находит место, но в большем объеме: сравнительному анализу были подвергнуты как коллизионные, так и материальные нормы немецкого законодательства об именах.

Согласно вступившим в силу с 1 мая 2025 года изменениям основным правилом определения права, применимого к имени, стал закон обычного места жительства. Супруги по-прежнему при заключении брака или в последующем могут заявить в органе ЗАГСа о выборе имени, которое они будут носить в будущем; однако теперь такой выбор лежит между законом гражданства и законом места жительства. Что касается установления прав на имя ребенка, то здесь применяются: закон гражданства родителя ребенка; немецкое право, если один из родителей ребенка имеет место жительства в Германии; закон гражданства лица, давшего имя. В статью 10 Вводного закона к ГГУ добавлен новый пункт 4, в силу которого лицо может выбрать, чтобы его имя регулировалось законодательством государства, гражданином которого оно является, подав заявление в орган ЗАГС; заявление должно быть нотариально удостоверено [9].

Одновременно со статьей 10 Вводного закона к ГГУ обновлена статья 48: если имя лица регулируется законодательством Германии, оно может, подав заявление в орган ЗАГС, выбрать имя, занесенное в реестр актов гражданского состояния в государстве-члене ЕС, если на момент регистрации лицо имело постоянное место жительства в этом государстве-члене ЕС или является гражданином этого государства-члена, несмотря на статью 5 (1). Выбор имени недопустим, если он противоречит основополагающим принципам немецкого права [9].

Наряду с коллизионным регулированием изменения затронули и материальные нормы: до принятия поправок в законодательство об именах дети после развода родителей и создания, например, матерью новой семьи не могли в отличие от последней также изменить фамилию. Смена фамилии детьми была возможна только в исключительных случаях при наличии уважительных причин. В сфере усыновления взрослых действовало требование взять фамилию усыновителя, которое часто противоречило законному желанию усыновленных взрослых продемонстрировать свою связь с прежней фамилией даже после усыновления. Учитывая же изменение общественных установок и либерализацию законодательства об именах, это требование больше не является обязательным. Кроме того, законодательство о брачной фамилии и фамилии при рождении не предусматривало возможности использовать фамилию в гендерной форме, как это принято, в частности, в странах славяноязычного

региона и сербской традиции. Фризская этническая группа и датское меньшинство также не могли реализовать свои традиции именования [8, с. 1–2]. С реформированием материальных норм об именах законодатель пошел в сторону дифференциации соответствующего правового регулирования и учета культурных, лингвистических традиций этнических меньшинств в Германии, допустимо сказать, последовал принципу «Уступив в меньшем, можно выиграть в большем».

Говоря о правовых предпосылках реформирования коллизионного регулирования, необходимо обратить особое внимание на складывавшуюся немецкую судебную практику. В решении от 9 мая 2018 года Федеральный Верховный суд (BGH) отметил, что иностранная правовая система, которая оставляет выбор имени для несовершеннолетнего ребенка за родителями, осуществляющими опеку, а также разрешает предоставление так называемого вымышленного имени (например, австралийское законодательство), не может быть выбрана в качестве права, применимого к фамилии в соответствии со статьей 10 (3) Вводного закона к ГГУ [10].

29 июня 2022 года Федеральный Верховный суд рассматривал спор о внесении русского отчества в реестр актов гражданского состояния. Фабула дела: ребенок родился в Германии в октябре 2018 года. При этом мать ребенка является гражданкой Германии, а отец — гражданином России. Соответственно, ребенок имеет как немецкое, так и российское гражданство. 2 ноября 2018 года орган ЗАГС внес ребенка в реестр актов гражданского состояния с именем «Федор» и фамилией «Ф». В декабре 2018 года родители ребенка обратились в участковый суд с заявлением об исправлении записи о рождении: в соответствии с российским законодательством между именем и фамилией ребенка при рождении необходимо вписать имя отца в качестве компонента имени. По рекомендации участкового суда в декабре 2019 года родители ребенка согласно статье 10 (3) Вводного закона к ГГУ заявили в органе ЗАГС о выборе к имени ребенка права отца ребенка, т. е. российского права. Орган ЗАГС отклонил ходатайство о внесении в реестр актов гражданского состояния имени «Федорович», образованного от имени отца ребенка, в качестве компонента имени ребенка на основании ранее сделанного заявления о выборе права: ребенок не может получить образованное от имени отца отчество «Федорович» посредством заявления о выборе права его родителями, поскольку оно не является фамилией в значении статьи 10 (3) Вводного закона к ГГУ. Дело дошло до высшей судебной инстанции, которая пришла к противоположному выводу: распространение коллизионной нормы не только на саму фамилию, но и на не известный немецкому праву компонент имени (отчество) не противоречит публичному порядку и соответствует закону, способствует поддержанию связи с отцом, происходит в т. ч. при согласии матери ребенка [11]. Аналогичный подход был заявлен немецким правоприменителем и ранее: в решении Федерального Верховного суда от 26 апреля 2017 года речь также шла о внесении в реестр актов гражданского состояния не известного немецкому праву компонента имени по датскому праву Jankosdatter (дочь Янко, аналог отчества по российскому праву — прим. авт.) [12].

Соответственно, отход от lex patriae и обращение к lex domicilii при определении прав на имя физического лица обусловлен тем обстоятельством, что в Германию прибывает все большее количество иностранцев [13, с. 222], что ярко демонстрируют статистические данные: согласно таблице «Миграция между Германией и зарубежными странами, 1950–2024 гг.», подготовленной Федеральным статистическим агентством, если в 1954 году в страну прибыли 46853 иностранцев, то в 2000 году их было уже 649249 человек, а в 2024 году количество въехавших в страну иностранцев достигло 1505085 [14].

С другой стороны, в связи с увеличением случаев частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, а также вследствие значительной разницы между правопорядками въезжающих на территорию Германии иностранцев повышается нагрузка на такой инструмент ограничения применения иностранного права в части наименований физических лиц, как оговорка о публичном порядке, что умаляет ее исключительный характер [15, с. 138].

Иные аспекты, входящие в сферу действия личного закона физического лица, обладают по сравнению с именами менее специфическим характером, например, в части дееспособности в различных странах средний возраст ее наступления в полном объеме составляет 18 лет [16]. Напротив, различия в законодательном регулировании имен затрагивают как количественные (двойные и многокомпонентные имена), так и лингвистические факторы (грамматика, семантика, фонетика), что опять-таки объясняет изменения коллизионного регулирования.

Наконец, в контексте реформирования немецких норм об именах не стоит исключать функции государства: lex domicilii способствует сохранению государственного языка, культурных, исторических традиций наименований физических лиц на территории Германии, что не может не волновать законодателя и общество.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что в 2024 году в Германии реформировано коллизионное и материальное регулирование имен, вследствие чего основным правилом установления прав физического лица на имя вместо lex patriae стал lex domicilii, а также появилась возможность супругов избрать имя, полученное в другом государстве-члене ЕС при наличии необходимых условий. Несомненными достоинствами нового способа определения применимого права, подлежащего применению к правам на имя, выступают оптимальный учет возросшего уровня миграции, одновременно с этим сохранение государственного языка, исторических традиций наименований физических лиц на территории Германии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международное частное право: сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. М., 2021. 1112 с.

2. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. СПб. : Алетейя, 2009. 232 с.

3. Конвенция о праве, применимом к фамилиям и именам (Мюнхен, 5 сентября 1980 года). URL: https://e-ecolog.ru/docs/8tThkcjcRl6NnlwA-BSfu?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.10.2025).

4. Войтович Е. П. Право на имя: трансграничные семейно-правовые аспекты реализации // Международное правосудие. 2021. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Verbotene Jungen- & Mädchen-Vornamen in Deutschland. URL: https://www.kinderinfo.de/vornamen/verbotene/ (дата обращения: 10.10.2025).

6. ECLI: EU: C:2016:11. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:62014CC0438&qid=1759590672679 (дата обращения: 10.10.2025).

7. Entscheidung 7 W 87/21 des OLG Brandenburg vom 28.08.2021. URL: https://gerichtsentscheidungen.brandenburg.de/gerichtsentscheidung/19622 (дата обращения: 10.10.2025).

8. Gesetz zur Änderung des Ehenamens- und Geburtsnamensrechts und des Internationalen Namensrechts. URL: https://www.recht.bund.de/bgbl/1/2024/185/VO.html (дата обращения: 10.10.2025).

9. Entwurf eines Gesetzes zur Änderung des Ehenamens- und Geburtsnamensrechts. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/976314/Gesetzentwurf.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

10. Beschluss des Bundesgerichtshofes vom 9. Mai 2018. URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py? Gericht=bgh&Art=en&nr=84763&pos=0&anz=1 (дата обращения: 10.10.2025).

11. Beschluss des Bundesgerichtshofes vom 29. Juni 2022. URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py? Gericht=bgh&Art=en&nr=130751&pos=0&anz=1 (дата обращения: 10.10.2025).

12. Beschluss des Bundesgerichtshofes vom 26. April 2017. URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py? Gericht=bgh&Art=en&nr=78426&pos=0&anz=1 (дата обращения: 10.10.2025).

13. Международное частное право : учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М. : Статут, 2011. 400 с.

14. Migration Flows. Migration between Germany and Foreign Countries, 1950 to 2024. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration/Tables/migration-year-01.html (дата обращения: 10.10.2025).

15. Лаптев А. Н. К вопросу о применении оговорки о публичном порядке при признании и исполнении иностранных решений в ФРГ // Московский журнал международного права. 2003. № 4. С. 123–139.

16. Возраст совершеннолетия в различных странах мира // Методические рекомендации по удостоверению доверенностей (утв. Решением Правления Федеральной нотариальной палаты 18.07.2016 (протокол № 07/16)) // СПС «Гарант».

УДК 343.9
ББК 67.518.8

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ДО 2030 ГОДА, РЕАЛИЗУЕМЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. Б. Большакова

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета (Чита, Россия)

Т. С. Кононыхина

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия)

В статье проводится анализ актуальных вопросов молодежной политики, реализуемой в Российской Федерации и Республике Беларусь в рамках действующих Стратегий молодежной политики до 2030 года. Особое внимание уделяется проблемам криминализации несовершеннолетних, которые требуют пристального внимания со стороны специалистов различных направлений и разработки эффективных превентивных мер. Исследуются ключевые параметры мер общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних, их сильные и слабые стороны, а также потенциал для дальнейшего развития. Значительное место в исследовании отводится влиянию процессов цифровизации на социальные, психологические и педагогические аспекты формирования личности подрастающего поколения. Анализируется воздействие информационных технологий на ценностные ориентации, социальное поведение и подверженность деструктивному контенту среди молодежи. На основе проведенного анализа формулируются конкретные предложения, направленные на усиление роли образовательных организаций в идеологическом и патриотическом воспитании молодежи, что рассматривается как важный фактор противодействия криминализации и формирования гражданской ответственности. Предлагаемые рекомендации призваны способствовать созданию благоприятной среды для гармоничного развития личности и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: молодежная политика, стратегия молодежной политики, Республика Беларусь, Российская Федерация, политическая интеграция, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, киберпреступность среди несовершеннолетних.

SOME ASPECTS OF GENERAL SOCIAL PREVENTION TO MINORITY CRIME THROUGH THE PRISM OF YOUTH POLICY STRATEGIES FOR 2030 IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

O. B. Bolshakova

Chita Institute (Branch) of Baikal State University (Chita, Russia)

T. S. Kononykhina

Saint-Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (Saint-Petersburg, Russia)

This article provides an analysis of current issues in youth policy implemented in the Russian Federation and the Republic of Belarus within the framework of the existing Youth Policy Strategies until 2030. Special attention is paid to the problems of juvenile delinquency and criminalization, which require close scrutiny from specialists across various fields and the development of effective preventive measures. The key parameters of general social crime prevention measures targeting minors are investigated, along with their strengths, weaknesses, and potential for further development. A significant part of the research is dedicated to the impact of digitalization processes on the social, psychological, and pedagogical aspects of the developing personality of the younger generation. The influence of information technologies on value orientations, social behavior, and susceptibility to destructive content among youth is analyzed. Concrete proposals aimed at strengthening the role of educational organizations in the ideological and patriotic upbringing of youth are formulated. The proposed recommendations are intended to promote the creation of a favorable environment for the harmonious personal development and prevention of juvenile offenses.

Keywords: youth policy, strategy of youth policy, Republic of Belarus, Russian Federation, political integration, juvenile crime, crime prevention, cybercrime among juvenile delinquents.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.20

Общее (общесоциальное) предупреждение преступлений фокусируется на устранении их коренных причин через позитивное влияние на все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, социальную, нравственно-психологическую и духовную. Обладая комплексным, всеобъемлющим и непрерывным характером, они опосредованно снижают криминальную активность, устраняя ее социальные причины.

Общее предупреждение преступлений заключается в целенаправленном управлении социальными процессами. Его цель — предотвратить возникновение предпосылок для антиобщественного поведения и не допустить его перерастания в преступления. Такие меры реализуются в масштабах всего общества, отдельных регионов и конкретных социальных групп.

В разработку теории предупреждения преступности, а также ее отдельных видов и категорий преступлений, значительный вклад внесли Г. А. Аванесов, А. И. Алексеев, Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Л. Д. Гаухман, А. А. Герцензон, А. И. Гуров, А. И. Долгова, А. Э. Жалинский, В. К. Звирбуль, П. Е. Игошев, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский, А. Б. Сахаров и др.

В работах указанных ученых выявлены и отражены закономерности, которые необходимо в обязательном порядке учитывать при планировании и непосредственной реализации мер предупреждения преступлений. При этом общесоциальное предупреждение преступлений является составной частью деятельности государства по общесоциальному развитию. А. И. Алексеев подчеркивает, что общесоциальное предупреждение преступности реализует антикриминогенный потенциал общества в целом и каждого его института [1, с. 67].

Ключевыми преимуществами мер общесоциального предупреждения являются широкий охват и комплексность. Они воздействуют на весь спектр причин и условий преступности, а взаимодополняющее применение различных мер (экономических, социальных, воспитательных, правовых) создает не просто сумму эффектов, а качественно новый, гораздо более результативный уровень антикриминогенного воздействия. Именно этот всесторонний фундамент, по мнению криминологов, делает общее предупреждение основой для специальной профилактики.

Деятельность по общесоциальному предупреждению преступлений включает усилия государства, общества и его формирований, нацеленные на разрешение конфликтов и противоречий в экономике, социальной сфере, нравственности, духовной жизни и праве. Важно, что эту работу выполняют разнообразные органы и общественные объединения, для которых предупреждение преступности не является их основной функцией.

Межгосударственное взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в области молодежной политики реализуется на протяжении тридцати лет, за это время в данной области отмечено множество вызовов, как внутренних, так и внешних, что отражается на характе-

ре возникающих процессов и механизме их правового регулирования. Правовой базой данной сферы являются соглашения, подписанные Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь: «О сотрудничестве в области молодежной политики» от 30 июня 1995 года; «О сотрудничестве в области культуры, образования и науки» от 21 февраля 1995 года и принятые в соответствии с ними Стратегии молодежной политики. Где отмечается, что молодежная политика представляет собой комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для полноценного развития молодого поколения и использования его потенциала в интересах всего социума.

Систематичный мониторинг происходящих изменений в молодежной среде является необходимым условием для эффективного функционирования системы государственной молодежной политики и своевременного реагирования на возникающие угрозы, при этом важным направлением деятельности органов по делам молодежи выступает противодействие криминализации молодежи, в особенности такой категории лиц, как несовершеннолетние. В этой связи рассмотрение Стратегий молодежной политики до 2030 года в Российской Федерации и Республике Беларусь представляется весьма актуальным в силу перехода от фрагментарных мер стратегического управления молодежной средой по профилактике деструктивного поведения и ее информационно-правовому просвещению к единой целостной системе, включающей как цели и задачи, так и конкретные индикаторы эффективности.

Предлагаемый методологический подход ориентирован, прежде всего, на создание мер предупреждения преступности несовершеннолетних в обоих государствах, что при сужении объекта исследования позволит сделать максимально практико-ориентированные выводы, тем самым внести вклад в общую копилку идей устройства системы профилактики правонарушений молодежи.

Преступность среди несовершеннолетних является как сложной социальной проблемой, так и одним из показательных критериев, свидетельствующих о негативных проявлениях, происходящих в обществе изменений, детерминированная как снижением роли института семьи, проблемой гендерной идентификации несовершеннолетних, так и аддиктивным поведением, в частности: злоупотребление психоактивными веществами и интернет-зависимость. Однако помимо научных изысканий, затрагивающих данную тематику, поиск эффективных мер предупреждения непосредственно связан с реализацией государственной политики в отношении несовершеннолетних, в том числе, посредством государственных программ, разработанных в рамках Стратегии молодежной политики до 2030 года и реализуемых в Российской Федерации и Республике Беларусь. Весь возрастной период, охватываемый категорией «молодежь», представляется весьма значимым, однако в данной статье акцент сделан именно на несовершеннолетних лицах, поскольку исследование данной проблематики отражает формирующиеся вызовы и угрозы будущего рассматриваемых государств, что обусловливает усилившееся внимание к планированию и управлению процессами, связанными с развитием молодежи.

При этом особое внимание уделяется профилактике и противодействию преступности среди несовершеннолетних как приоритетному направлению проводимой государственной политики в обоих государствах. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, психофизиологическими особенностями личности несовершеннолетних, например, продолжающееся развитие центральной нервной системы, при котором процессы возбуждения преобладают над процессами торможения в силу относительно небольших (по сравнению со взрослыми) размеров тормозных полей в лобных долях мозга, что определяет приоритет в выборе модели поведения по эмоционально-значимому компоненту и выражается в низком уровне самоконтроля несовершеннолетнего [2]; во-вторых, исправление и ресоциализация несовершеннолетних, начавших противоправную деятельность в раннем возрасте, весьма затруднительна, что влечет за собой криминологический рецидив преступлений; в-третьих, увеличение числа подростков, восприятие окружающего мира которых происходит посредством экстернального локуса контроля: согласно исследованиям Т. Олендика, молодые люди, ориентированные на внешний мир с переложением ответственности на окружение или обстоятельства, более устойчивы к криминальным моделям поведения и демонстрируют высокий уровень рецидивной преступности [3, p. 261].

Актуальность рассматриваемого вопроса обсуждают на различных дискуссионных площадках. Так, в 2025 г. в рамках круглого стола, посвященного медиабезопасности несовершеннолетних и противодействию их втягиванию в противоправную деятельность через цифровые каналы, депутаты Го-

сударственной Думы указали на необходимость консолидации усилий таких субъектов как СМИ, блогеры и семья, совместно с тесным взаимодействием профильных ведомств и медиаиндустрии [4].

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь совместно с Академией управления при Президенте Республики Беларусь систематично проводятся круглые столы по обсуждению рассматриваемого явления. Так, в 2024 г. заведующая сектором координации и методического обеспечения профилактики преступлений и правонарушений среди обучающихся Академии образования М. Товкес указала, что залог успешности профилактической работы — широкомасштабная информационно-просветительская работа, тесное сотрудничество с семьей всех заинтересованных структур [5].

И действительно, для выявления основных направлений профилактической работы с несовершеннолетними преступниками необходимо учитывать современные тенденции к формированию преступного поведения, одной из которых является высокий уровень технологической подготовки данной категории лиц. Так, ряд исследователей указывают на чрезвычайную важность влияния цифровизации на развитие личности. Цифровые технологии обладают огромным потенциалом для всестороннего развития личности современного подростка. Они открывают доступ к обширным образовательным ресурсам, способствуют развитию творческих способностей, предоставляют платформы для самовыражения и общения. Вместе с тем существуют потенциальные риски, в частности, деструктивная сторона, проявляющаяся в таких явлениях как кибербуллинг; распространение экстремистских проявлений среди подростков; вовлечение несовершеннолетних в совершение правонарушений и, как следствие, увеличение доли преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь [6] и количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления в Российской Федерации [7].

Вышеизложенное позволяет заключить о практической значимости рассмотрения ряда аспектов государственной политики в целях вынесения предложений по разработке превентивных мер индивидуального характера (в том числе воспитательного), а также криминологического прогнозирования будущего поведения несовершеннолетнего преступника.

Эффективная профилактика молодежного экстремизма требует комплексного общесоциального подхода. Он включает в себя: активную социально-экономическую поддержку молодежи (трудоустройство, досуговые программы патриотической и толерантной направленности, поддержка кружков и клубов), а также оздоровление семейной и образовательной среды. Важную роль играет конфессиональный фактор, который, опираясь на многовековой опыт формирования идеологических установок, может способствовать борьбе с нетерпимостью, развитию толерантности и духовности. Духовный кризис, как отмечали русские философы XX века, часто является первопричиной других социальных, политических и экономических проблем.

Анализируя содержание ключевых положений Стратегий развития молодежной политики до 2030 года в РФ и РФ в контексте информационной безопасности, следует обратить внимание на ряд социально-психологических аспектов. Новые реалии, продиктованные стремительными темпами развития информационных технологий, оказывают влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, включая коммуникацию. Одной из характерных особенностей установления и поддержания контактов, а также осуществления коммуникации между молодыми людьми на современном этапе развития является опосредованный характер этих взаимодействий, оказывающий значительное влияние на психику человека, искажая восприятие реальности, эмоции и поведение.

Ощущение свободы и комфорта при взаимодействии в киберпространстве, возможность, используя технические средства, создать «идеальный образ» себя дает возможность самоутвердиться, чувствовать себя более уверенно. Иллюзорное представление об анонимности, возможности оставаться «инкогнито» является предпосылкой для возникновения чувства безнаказанности за совершаемые противоправные поступки в виртуальной среде. Кроме того, несовершеннолетние, не осознавая степени своей уязвимости, часто становятся мишенью для манипуляторов, совершают противоправные действия, попадая под влияние деструктивных воздействий, в том числе со стороны различных преступных сообществ.

Профилактика негативных воздействий виртуальной среды на психоэмоциональное состояние и поведение несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти и образовательных организаций. Разработка и реализация программ,

направленных на формирование критического мышления, навыков осознанного использования интернет-ресурсов, предполагает учет различных аспектов, оказывающих влияние на эффективность воспитательного и просветительского воздействия данных программ на представителей подрастающего поколения. Клиповое мышление, снижение уровня концентрации, ранняя цифровая социализация, стирание границ между реальным и виртуальным миром, дефицит непосредственного «живого» общения, кибербуллинг, интернет-зависимость — это далеко не исчерпывающий список характерных особенностей представителей поколений Z и Alpha. Данные особенности когнитивной, психоэмоциональной и поведенческой составляющих подросткового поведения должны учитываться при подготовке и реализации программ, направленных на формирование осознанного, критического восприятия и использования ресурсов виртуальной среды.

Немаловажным в профилактике правонарушений играет и определение круга агентов воздействия, под которыми имеются в виду субъекты, способные оказать позитивное влияние на формирование традиционных ценностей, мировоззренческих установок, критического мышления личности, а также осознанного и рационального отношения к действительности и содержанию интернет-контента. В связи с чем представляется чрезвычайно важным к реализации программ данного направления привлечение не только специалистов, уполномоченных ведомств, но и вовлечение широкого круга лиц, способных оказать влияние на представителей подрастающего поколения, пользующихся авторитетом среди подростков и заслуживших их доверие.

Одним из подходов, который получает позитивный отклик у подрастающего поколения, является «равный-равному» (peer-to-peer). Ключевыми преимуществами данного подхода являются следующие: высокий уровень вовлеченности участников, трансляция информации без формальностей, на доступном языке, отсутствие давления на аудиторию. В данном случае в качестве транслятора полезной информации могут выступать не только взрослые педагоги, наставники, сотрудники правоохранительных органов, но и сами подростки, заинтересованные в проблематике и прошедшие соответствующее обучение. Весьма популярными среди подростков как способ самопрезентации, так и получения информации является блог, который также может быть использован в профилактических целях.

Отметим, что рассмотренные средства воздействия не умаляют эффективности мер сложившегося межведомственного взаимодействия специалистов Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры), Министерства юстиции РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства Просвещения РФ, Российского Союза Молодежи с Министерством юстиции Республики Беларусь, Министерством образования Республики Беларусь, Белорусским республиканским союзом молодежи. Их деятельность играет значимую роль в выявлении и пресечении деятельности лиц, распространяющих запрещенный контент, а также способствует интенсификации усилий, направленных на формирование медиаграмотности подрастающего поколения и развитию привычек цифровой гигиены.

Содержание профилактического материала также выступает в качестве одного из ключевых параметров информационно-просветительской деятельности. В рамках бесплатного образовательного проекта «Безопасная молодежная среда», реализуемого Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь), действует проект «Профилактика социально-негативных явлений в молодежной среде» для специалистов, работающих по этому направлению, где представлены материалы, охватывающие широкий круг вопросов, таких как: информационная безопасность; противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма; профилактика потребления психоактивных веществ; профилактика девиантного поведения и другие. В то время как в Республике Беларусь продолжается активная работа по развитию интернет-контента в молодежной среде, так, реализуется проект по развитию молодежного YouTube-канала, Telegram-каналов («Студсовет. by», «Студент. by», «Moladz. by»).

Необходимо иметь в виду, что формат представления профилактического контента также определяется мотивами, потребностями и интересами, а также социально-психологическими характеристиками потенциальной целевой аудитории. Так, на сегодняшний день широкую популярность среди подростков приобрели такие форматы как видеоролики, аудио-, графические материалы, социаль-

ная реклама, инфографика, онлайн-трансляции, подкасты и т. д. Интерактивная составляющая также влияет на привлечение внимания и поддержание интереса.

Высокий уровень популярности среди подростков компьютерных игр, в ряде случае сопряженный с игровой зависимостью, сопровождающейся снижением самооценки, ухудшением психического и физического здоровья, апатией, повышением уровня агрессивности и т. д., также вызывает озабоченность специалистов психолого-педагогического и медицинского профиля. На фоне негативных оценок исследователи выделяют и позитивные аспекты видеоигр, в частности, Е. С. Пономарёва отмечает их психодиагностический, развивающий и психокоррекционный потенциал [8].

Сюжеты компьютерных игр весьма разнообразны, с нашей точки зрения, в качестве одного из положительных аспектов можно выделить их содержательную составляющую, в частности, игры, в основе которых лежат реальные исторические события, обладают потенциалом для стимулирования интереса к изучению истории, формированию патриотических паттернов и культурного кода молодежи.

Подводя итоги анализа стратегий развития молодежной политики до 2030 года в Российской Федерации и Республике Беларусь в контексте профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, следует отметить, что содержание Стратегий во многом перекликается, поскольку проблемы, которые озвучиваются, характерны в равной степени как для молодежи России, так и Беларуси. Сотрудничество в разработке и реализации целевых программ в рамках Стратегии развития молодежной политики способно оказать позитивное воздействие как на достижение ключевых показателей названных стратегий, так и на формирование качественно новых прочных добрососедских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С. С. Право — Азбука, Теория, Философия: Опыт комплексного исследования. М. : Российская государственная библиотека, 2004. 169 с.

2. Клиточенко Г. В., Малюжинская Н. В., Лукаш А. И. Развитие мозга подростка: особенности и факторы риска // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33535 (дата обращения: 11.08.2025).

3. Thomas H. Ollendick, William Elliott, Johnny L. Matson Locus of control as related to effectiveness in a behavior modification program for juvenile delinquents. Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 1980. Vol. 11, № 4. P. 259–262.

4. В ГД обсудили усиление медиабезопасности подростков на фоне роста интернет-преступности. URL: https://runews24. ru/society/16/05/2025/v-gd-obsudili-usilenie-mediabezopasnosti-podrostkov-na-fone-rosta-internet-prestupnosti (дата обращения: 21.06.2025).

5. Скорректирована профилактика подростковых преступлений: в ней акцентировано участие родителей. URL: https://pravo. by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/mart/77123/ — Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 18.06.2025).

6. Статистика правосудия и правонарушений // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10620 http://crimestat.ru/ (дата обращения: 03.05.2025).

7. Состояние преступности в Российской Федерации. URL: https://xn — b1aew. xn — p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 03.05.2025).

8. Пономарева Е. С. Видеоигры и агрессия: основные тенденции зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-i-agressiya-osnovnye-tendentsii-zarubezhnyh-issledovaniy (дата обращения: 21.05.2025).

УДК 346.7
ББК 67.404.5

СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

С. В. Воронина, Э. В. Губернаторова
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена исследованию кодифицированных актов на предмет их сравнительно-правовой характеристики, выявления тенденций на сходство и отличие. Данный анализ позволил осуществить поставленные задачи на нахождение общих принципов, методов формирования кодифицированных актов, а также на наличие собственной трактовки содержания закона и его норм. Социальная природа семейных отношений не позволяет создать четкого правового предписания их регулирования. Право должно быть гибким инструментом, позволяющим реагировать на любые жизненные ситуации и максимально обеспечивать защиту прав членов семьи. При исследовании были освещены вопросы семейного права как социально-правовой науки, что способствовало более наглядному и объективному освещению зависимости права каждого государства от происходящих социальных, экономических и культурных преобразований в обществе, повлиявших на формирование национального законодательства. Заимствование норм одного национального правопорядка у другого следует рассматривать как гармонизацию правовых норм, особенностью которой является общая правовая доктрина и схожее законодательство. Степень заимствования зависит от национально-культурных и религиозных взглядов, что не исключает унификации семейного законодательства.

Ключевые слова: законодательство, принципы, нормы, предмет, метод, отношения.

FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

S. V. Voronina, E. V. Gubernatorova
Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the study of codified acts in terms of their comparative legal characteristics and the identification of trends for similarities and differences. This analysis allowed for the implementation of the tasks of finding common principles, methods of forming codified acts, as well as the presence of one's own interpretation of the content of the law and its norms. The social nature of family relations does not allow for the creation of a clear legal prescription for their regulation. Law should be a flexible tool that allows for responding to any life situations and maximizing the protection of the rights of family members. The study covered the issues of family law as a socio-legal science, which contributed to a more visual and objective presentation of the dependence of each state's law on the ongoing social, economic, and cultural transformations in society that influenced the formation of national legislation. The borrowing of norms from one national legal system to another should be considered as the harmonization of legal norms, which is characterized by a common legal doctrine and similar legislation. The degree of borrowing depends on national, cultural, and religious views, which does not exclude the unification of family legislation.

Keywords: legislation, principles, norms, subject, method, and relations.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.21

Право как регулятор общественных отношений взаимозависимо и взаимообусловлено экономическими и социальными процессами, происходящими в обществе. Исторический экскурс в советское семейное право показывает, что принципы формирования СК Российской Федеративной Республики и Казахской Советской Социалистической Республики 1969 годов были идентичны. Появление на мировом пространстве независимых отдельных государств потребовало становление и развитие своей законодательной базы. Основой для развития законодательства является Конституция страны. При формировании законодательства постсоветских республик использованы традиционные научные достижения, известные подходы и методы законодательной техники построения материала, общепринятый понятийный и категориальный аппарат, неизменные дефиниции, принципы законодательства и т. п. В то же время наблюдается собственный взгляд законотворца на национальную систему законодательства, содержание отдельных законодательных актов и их место в системе права. В 1995 году в Российской Федерации был принят Семейный кодекс, который вступил в действие с 1 марта 1996 года после Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года. Семейный кодекс РФ охватывает широкий круг семейных отношений, вмешательство государства сведено до разумного минимума, введено договорное регулирование ряда отношений между членами семьи. В нем не содержится норм, носящих чисто декларативный характер, предписания нравственного характера сведены до минимума, устранена чрезмерная и не всегда оправданная лаконичность некоторых статей, что имело место в КоБС РСФСР [1, с. 45]. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 года отменил действие кодекса «О браке и семье» 1998 года, который был принят после кодека КазССР 1969 года.

Структурное наполнение кодексов отличается, что отражает самостоятельность каждого независимого государства. Автономия государств предполагает установление правовых предписаний, отражающих своеобразность государственной политики и ментальность страны. Кодекс Республики Казахстан, в отличие от Российского акта, включает отдельные главы о суррогатном материнстве и применении вспомогательных репродуктивных методов и технологий, проведение аккредитации агентств по усыновлению. Разделен на общую и особенную части, последняя называется «Акты гражданского состояния», сохранив приверженность Основам законодательства о браке и семье СССР и союзных республик 1968 года и республиканскому кодексу 1969 года. Попытка систематизации норм внутри кодекса оказалась неудачной, поскольку, во-первых, в пределах Общей части принципы формирования разделов остались прежними, и, во-вторых, неясны критерии выделения Особенной части [2, с. 50]. Российская Федерация по-иному выстроила систему законодательных актов, регулирующих отношения с участием членов семьи, выделив отношения из актов гражданского состояния в ФЗ «Об актах гражданского состояния», так как эти отношения согласно ст. 47 ГК РФ являются предметом гражданского права. Отношения по опеке и попечительству регулируются ФЗ «Об опеке и попечительстве», тогда как в Казахстане порядку установления опеки или попечительства посвящена отдельная глава Кодекса о браке (супружестве) и семье.

Нововведением обоих кодексов являются нормы об аналогии закона и аналогии права: то время не позволяло возникнуть отношениям, нормативно не урегулированным [3, с. 27]. Будучи федеративным государством, современная Россия особое внимание уделяет суверенитету субъектов Федерации, предоставляя им возможность решать на месте жизненно важные вопросы семьи в рамках требований Конституции РФ и СК РФ. Разумеется, и эта сторона деятельности местных органов в части, касающейся государственного регулирования семейных отношений, не могла не учитываться [4, с. 37]. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Законы субъектов РФ регулируют семейные отношения, которые указаны в статье 2 Семейного кодекса по вопросам, отнесенным к ведению субъектов Российской Федерации Кодексом, и по вопросам, непосредственно настоящим Кодексом не урегулированным. В частности, такими являются: порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет; выбор супругами при заключении брака фамилии, образованной путем присоединения. Подобного рода нормы объясняются тем, что Россия — это многонациональное государство, со своими традициями и особым

мировоззрением. В то же время конструкция абз. 2 ст. 13 СК РФ о снижении брачного возраста не позволяет полностью достичь поставленной цели. Национальные традиции предполагают широкий охват представителей той или иной национальности, они выступают социальными нормами, правилами, а не «исключениями» [5, с. 89]. Достижением современности стали приоритеты в семейном праве: интересы семьи как таковой и интересы ребенка. Достоинством законодательства России и Казахстана следует признать наличие специальной главы о правах ребенка, в которую имплементированы положения Конвенции ООН о правах ребенка. Право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства — это результат включения в национальную правовую систему международной нормы: государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. Было произведено существенное изменение института алиментных обязательств, в частности, создан институт алиментного соглашения, внесены коррективы в правовое регулирование усыновления, уделено больше внимания формам устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Усиление диспозитивных, дозволительных начал обеспечили семейное право договорными отношениями между членами семьи. Брачным договором супруги вправе определить судьбу как имущества каждого из них, так и общего имущества. Супруги и иные члены семьи могут заключать между собой гражданско-правовые договоры по поводу личного имущества. Не противоречит императивным нормам семейного законодательства заключение договоров об объединении раздельного имущества супругов в общую собственность, совместную либо долевую, например, когда супруги создают крестьянское хозяйство в соответствии со специальным законом [6].

Брачно-семейные отношения последних лет демонстрируют накопление «специфических практик брачно-семейных взаимодействий». До сих пор остаются за пределами интересов отечественного законодателя новые, но уже распространенные реалии семейных отношений: эмбрионы, фактические брачные отношения, судьба брака при смене пола, совместные долги супругов, суррогатное материнство [7]. Обращается внимание на необходимость дополнить СК РФ статьей, определяющей содержание основных терминов семейного права, таких как: брак, семья, родители и лица, их заменяющие, место жительства ребенка и др. [8]. Вся деятельность научного сообщества, правоприменителя и в конечном итоге законодателя направлена на реализацию Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [9] и Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года [10].

Анализ структуры семейного законодательства, основного кодифицированного акта двух государств, позволяет констатировать, что нормы современного законодательства в целом соответствуют требованиям общественного развития, обладают общностью и аутентичностью правовых взглядов, хотя и не всегда совершенных. Признание Казахстаном суррогатного материнства в качестве предмета семейного права и включение в кодекс норм данного института стоит приветствовать. Правовое регулирование отношений суррогатного материнства в России находится в затяжном процессе обсуждения учеными, практиками, законотворцем, медицинским сообществом. Считаем, что необходимо выделить договор суррогатного материнства в отдельную главу Семейного кодекса и разрешить генетическим родителям быть записанными в качестве родителей без согласия суррогатной матери.

Включение в СК РФ по примеру Казахстана понятийного аппарата, разработанного наукой, — это вопрос больше научного познания, чем законодательного рассмотрения. Динамичность общественных отношений, социокультурных и национальных особенностей обязывает законодателя быть гибким и мобильным при формировании правовой инфраструктуры. Иначе закон будет подвержен постоянным изменениям, что не способствует стабильности правового оборота. Нельзя согласиться с решением о выделении в Кодексе о браке (супружестве) и семье Республики Казахстан Особенной части, предметом регулирования которой являются отношения между гражданами и государственным органом, построенные по методу власти и подчинения. Логичнее поступил российский законо-

датель, определив место данного института в Гражданском кодексе и создав отдельный закон, регулирующий процедуру совершения записей актов гражданского состояния.

В Кодекс Казахстана включена большая статья «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе». Ключевое понятие «семья» определяется как круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейного законодательства. По сути, закон воспринял определение науки советского семейного права, выработанное на основе признаков семьи, выявленных общественными науками в целом. Понятие семьи связано с установлением круга членов семьи, образующих ее состав, и он определяется по-разному в зависимости от целей правового регулирования в различных отраслях права. Поэтому включать данное понятие в Семейный кодекс нецелесообразно.

Свое закрепление в Кодексе Казахстана получили понятия: семейное положение, родственники, свойство, детство, ребенок, близкие родственники. СК РФ в статье об обстоятельствах, препятствующих заключению брака, категорию «близкие родственники» раскрывает фразой «родственники по прямой восходящей и нисходящей линии» и расшифровки — кто понимается под полнородными и неполнородными братьями и сестрами, что по сравнению с Кодексом о браке (супружестве) и браке Казахстана наиболее соответствует поставленной цели — формированию категориального аппарата. СК РФ использует понятие «ребенок», в смысле лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), и ребенок, оставшийся без попечения родителей. Кодекс Республики Казахстан пошел дальше и закрепил такое особое правовое состояние ребенка как ребенок-сирота и ребенок (дети), находящиеся в трудной жизненной ситуации. Законом РК от 01.04.2019 № 240-VI пункт 20 кодекса — ребенок (дети), находящиеся в трудной жизненной ситуации, был исключен и дополнен подпунктом 30–1) ребенок (дети), нуждающийся в специальных социальных услугах. По ст. 2 брачно-семейное законодательство лишь определяет формы и порядок устройства в семью детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. Дано официальное определение льготам и социальным гарантиям для многодетных семей (п. 1 ст. 71–1), дополнив данный пункт более полным содержанием многодетная семья. Представляется, что это вопросы социальной политики государства, а не предмета семейного права.

Принцип равенства прав и обязанностей родителей в отношении своих детей (родительские права), закрепленный в законе, обусловлен социальной природой родительско-детских отношений и возложенной на них законом ответственностью за ребенка. Реалии таковы, что осуществление родительских прав в семье распределяется неодинаково. Отцы активно участвуют в воспитании детей, однако насколько активно это участие, определяется его приоритетами [11]. Отсутствие необходимых для развития ребенка родительских ресурсов ограничивает возможности функционирования каждого из участников этого процесса — самого ребенка, отца и матери [12].

Традиционно свойство рассматривалось наукой в двух направлениях: между одним супругом и родственниками другого супруга или между родственниками обоих супругов. По общему правилу отношения свойства в семейном праве юридическими фактами не являются. Однако для отношений свойства между отчимом (мачехой) и пасынком (падчерицей) закон сделал исключение. При определенных условиях между ними возникает алиментное обязательство. Именно это обстоятельство воспринял закон Казахстана и определил свойство как отношение одного из супругов к близким родственникам другого супруга.

Брак (супружество) — это равноправный союз между мужчиной и женщиной, заключенный при свободном и полном согласии сторон в установленном законом Республики Казахстан порядке, с целью создания семьи, порождающий имущественные и личные неимущественные права и обязанности между супругами. Как добровольный союз мужчины и женщины, заключенный в органах записи актов гражданского состояния, определяет брак и СК РФ. В России предпринимались попытки узаконить фактические брачные отношения как не зарегистрированный в установленном порядке союз мужчины и женщины, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство. Непризнание тако-

го союза законодателем не снимает потребности регламентировать имущественные отношения лиц, находящихся в продолжительном фактическом брачно-семейном союзе.

Статья 11 Кодекса о браке (супружестве) и семье делает акцент на недопущение заключения брака между лицами одного пола, что вытекает из определения брака как союза мужчины и женщины. Сегодня законодательно неразрешенной является судьба брака при смене пола одним из супругов. Лицам, состоящим в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лицам, являющимся гражданами данного государства и не состоящих в браке, по СК РФ запрещено быть усыновителями ребенка. Нетрадиционная сексуальная ориентация препятствует лицу иметь право быть усыновителем (ст. 91 Кодекса о браке (супружестве) и семье Республики Казахстан).

Супружеский союз образует общую совместную собственность на имущество, нажитое в браке. Кодексы предусматривают два вида договора между супругами, касающихся их общей собственности. Это брачный договор и соглашение о разделе общего имущества. В Казахстане в случае спора раздел общего имущества супругов производится, в том числе, и в медиативном порядке. В России споры, возникающие из семейных правоотношений, могут быть разрешены с участием посредника (медиатора), но Семейный кодекс не содержит прямого указания. Особенностью брачного договора по закону Казахстана является то, что он может предусмотреть имущественные права детей, рожденных или усыновленных в браке (супружестве). Государство старается максимально обеспечить права и интересы детей, но при этом подменяется существо семейных отношений, возникающих из брака.

Защита имущественных прав и интересов членов семьи обеспечивается положениями кодексов об алиментных обязательствах членов семьи. Используя дозволительный метод правового регулирования, установлен такой способ уплаты алиментов как предоставление имущества, но не в собственность. Если бы социальная функция права имела целью «собственность», то использовался бы термин «передает», как это свойственно гражданско-правовым сделкам о передаче имущества в собственность. Предоставленное имущество может быть использовано только для достижения целевого назначения алиментов — обеспечение жизнедеятельности гражданина [13, с. 52].

Суррогатное материнство, суррогатная мать и договор суррогатного материнства раскрываются в Кодексе Казахстана. Следовательно, данные отношения отнесены к предмету семейного права. Наблюдается сходство в понимании того, что суррогатное материнство — это вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору. В России данные отношения разбросаны по нормам СК, ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ГК РФ, ФЗ «Об актах гражданского состояния». О правовой природе, месте договора суррогатного материнства и необходимости его совершенствования обсуждение в научной среде идет давно. В науке есть точка зрения, что предмет договора — физическая неприкосновенность суррогатной матери, которая, заключая такой договор, распоряжается своим правом на физическую неприкосновенность [14]. Предлагается закрепить обязательность трехстороннего договора с участием органа опеки и попечительства [15], внести в СК РФ и ФЗ «Об актах гражданского состояния» изменения, позволяющие мужчине и женщине, давших согласие на применение вспомогательных репродуктивных технологий, быть записанными родителями (родителем) ребенка в книге записей рождений и предусматривающие ограничения оспаривания отцовства или материнства при применении таких технологий [16]. По ст. 192 Кодекса Казахстана в случае рождения ребенка, согласно договору суррогатного материнства, супруги записываются его родителями в книге записей актов о рождении. В целом практика России идет по пути признания родителями ребенка генетических родителей [17]. Большинство судебных разбирательств обусловлено противоречиями действующего российского законодательства и приходится на пары, которые не состоят в официальном браке, или одиноких женщин [18, с. 57]. Республике Казахстан, закрепившей право на заключение договора суррогатного материнства только супругам, удалось избежать этой проблемы.

В 2017 году вступила в действие глава Кодекса Республики Казахстан о приемной семье, не являющейся опекой или попечительством, в отличие от России. Передача детей, оставшихся без попече-

ния, осуществляется по договору о передаче детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. Российская Федерация в 2008 году отнесла деятельность приемных родителей к оказанию услуги за вознаграждение, а закон Казахстана предусматривает оплату за труд. С июля 2025 года в правовой оборот Казахстана вводится приемная профессиональная семья. Другой формой защиты прав и интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, является гостевая семья, не известная российскому законодательству. Формой опеки и попечительства является патронат, возникающий из договора о передаче ребенка на патронатное воспитание, заключаемого между лицом, выразившим желание взять ребенка на воспитание, и органом, осуществляющим функции по опеке или попечительству в Республике Казахстан.

В вопросах усыновления ст. 128 СК РФ и ст. 92 Кодекса Казахстана устанавливает разницу в возрасте между усыновителем, не состоящим в браке, и усыновляемым ребенком не менее шестнадцати лет. При усыновлении ребенка отчимом (мачехой) наличие разницы в возрасте не требуется. Почему не указано, что на родственников ребенка тоже не должна распространяться данная норма, ведь, согласно п. 4 ст. 124 СК РФ, родственники имеют преимущественное право при усыновлении, но это преимущество здесь не подтверждено.

Общетеоретическим является вывод об одинаковости механизма регулирования семейных отношений данных суверенных государств. После распада СССР формирование семейного законодательства и права происходило в одном направлении, что является отражением преемственности. Право как явление находится в постоянном развитии, о чем свидетельствует разный взгляд каждого законодателя на систему семейного законодательства и структуру кодифицированного акта. Право должно достигать социальной адекватности и приводить к устойчивости общественных отношений исходя из интересов гражданина, общества и государства. Для чего нужно разумно использовать доктринальные учения и решения судебной практики. Несмотря на суверенитет государств, ранее имеющих общую законодательную базу, целесообразно существование единой структуры системы семейного законодательства, что не исключает самостоятельное содержание правовых институтов с учетом общественных, социологических и культурных особенностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник для вузов. 6-е изд. М. : НОРМА, 2009. 720 с.

2. Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств-участников СНГ : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 328 с.

3. Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, О. А. Рузакова ; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2008. 302 с.

4. Нечаева А. М. Семейное право: курс лекций. 2-е изд. М. : Юрист, 2001. 320 с.

5. Леканова Е. Е. Правовая регламентация минимального брачного возраста: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 84–93.

6. Джандарбек Б. А. Обязательственные брачно-семейные отношения // Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (17). С. 89–94. URL: http://www.jurvestnik.psu.ru

7. Мерзлякова И. С. К вопросу о несовершенстве семейного законодательства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 1. С. 10–16. URL: https://www.consultant.ru

8. Левушкин А. Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57. URL: https://www.consultant.ru

9. Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2014 № 1618-р // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

10. Указ Президента Республики Казахстан от 06.12.2016 № 384. URL: https://adilet.zan.kz

11. Avdeyeva A. «Involved fatherhood» in present-day RUSSIA: childcare strategies // Social Sciences. 2013. № 22 (2). С. 107–117. URL: https://populationandeconomics.pensoft.net

12. Kharlamenkova N. Paternal role in gender identity differentiation // Social Sciences. 2008. № 39 (1). С. 82–95. URL: https://lib.ipran.ru

13. Воронина С. В. Соглашение об уплате алиментов: теория и практика // Нотариальный вестник. 2016. № 7. С. 44–53.

14. Кириченко К. А. Определение предмета договора суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 9–11. URL: https://www.consultant.ru

15. Внукова В. А., Щербак А. Ю. О проблемах института суррогатного материнства в России // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 7–12. URL: https://www.consultant.ru

16. Рязанский В. В., Бибиков Е. В., Варфоломеев А. Г., Кусайко Т. А. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации рождения ребенка, в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий» от 24.05.2018 № 473140–7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/473140–7

17. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

18. Ламейкина Е. Ю. Правовые проблемы суррогатного материнства // Закон и право. 2021. № 1. С. 56–59.

УДК 341
ББК 67.91

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ И ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ КОНВЕНЦИЙ И РЕКОМЕНДАЦИЙ МОТ

Д. В. Зарубин
Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия)

В статье рассматриваются особенности конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ), касающиеся процедуры их принятия, которая для двух данных международных актов является одинаковой, и вступления в силу, которая характерна только для конвенций МОТ, поскольку рекомендации МОТ по своей сути не являются международными договорами и не требуют ратификации государствами-членами данной международной организации. Отдельное внимание уделяется системе трехстороннего сотрудничества (трипартизм), предусматривающего участие по четыре представителя от каждого государства-члена МОТ (два правительственных делегата, один представитель от работников, другой — от работодателей), функционирование которого является отличительной особенностью данной международной организации. Также в статье рассматривается вопрос о моменте приобретения конвенцией МОТ статуса международного договора.

Ключевые слова: конвенция, рекомендация, международный акт, Международная организация труда, трипартизм, международное правотворчество, вступление в силу международного договора.

SPECIFIC FEATURES OF THE ADOPTION AND ENTRY INTO FORCEOF ILO CONVENTIONS AND RECOMMENDATIONS

D. V. Zarubin
Sevastopol State University (Sevastopol, Russia)

This article examines the specific features of International Labour Organization (ILO) conventions and recommendations, including their adoption process, which is identical for both international instruments, and their entry into force, which is unique to ILO conventions, as ILO recommendations are not, by nature, international treaties and do not require ratification by ILO Member-States. Particular attention is paid to the tripartite system of cooperation, which involves four representatives from each ILO Member-State (two government delegates, one representative of workers, and one representative of employers), a distinctive feature of this international organization. The article also examines the moment at which an ILO convention acquires the status of an international treaty.

Keywords: convention, recommendation, international act, International Labour Organization, tripartism, international law-making, entry into force of an international treaty.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.22

Среди международных актов по вопросам труда, закрепляющих и конкретизирующих международные трудовые стандарты, которые представляют собой минимальный уровень трудовых прав и гарантий, обеспечиваемый государством на национальном уровне при исполнении им принятых на себя международных обязательств и (или) при добровольном следовании юридически не обязывающим его международным трудовым нормам [1, с. 74], особое место занимают конвенции и рекомендации Международной организации труда (далее — МОТ). Данные акты, как отмечает Л.Х. Мингазов, являются «основной формой международно-правового регулирования труда» [2,

с. 77]. По состоянию на сегодняшний день (сентябрь 2025 г.) в рамках МОТ было принято 192 конвенции и 209 рекомендаций, касающихся широкого спектра вопросов в сфере труда. Это подтверждает замечание Г.С. Скачковой о том, что «нормотворческая деятельность МОТ весьма активна и разнообразна по содержанию» [3, с. 37].

В доктрине международного трудового права конвенции МОТ определяются как «многосторонние международные договоры, подлежащие ратификации странами-членами МОТ и последующему исполнению в законодательстве и практике этих стран» [4, с. 45]. В свою очередь, под рекомендациями МОТ понимается «обращенное к государствам пожелание, предложение ввести соответствующие нормы в национальное законодательство» [5, с. 22].

Конвенции и рекомендации МОТ обладают некоторыми юридическими особенностями, отличающими их от других международных актов, среди которых, на наш взгляд, особое внимание стоит уделить следующим.

Одна из особенностей конвенций и рекомендаций МОТ связана с процедурой их принятия, которая для двух данных международных актов является одинаковой.

Согласно пунктам 1 и 2 ст. 19 Устава МОТ, конвенции и рекомендации МОТ принимаются решением Международной конференции труда (далее — МКТ), набравшим большинство в две трети голосов делегатов, присутствующих на сессии МКТ [6]. Р.Ш. Давлетгильдеев отмечает, что «в данном случае отсутствуют дипломатические переговоры, но принятию конвенции предшествуют обсуждения на конференции, по многим параметрам сходной с парламентскими ассамблеями» [7, с. 96–97]. В связи с этим в первой половине двадцатого века представителями правовой доктрины проводилась аналогия нормотворческой процедуры МОТ с внутригосударственным законодательным процессом и высказывались точки зрения о наднациональном характере конвенций МОТ. Например, в 1930 г. известный французский юрист Ж. Сель предложил концепцию, определяющую конвенции МОТ в качестве «международных законов», принимаемых МКТ как «международным законодательным органом» [8, с. 182–185]. Конечно же, следует отметить условность предложенных Ж. Селем понятий, поскольку существование таких правовых явлений как «международный закон» и (или) «международный законодательный орган» поставило бы под сомнение функционирование основополагающих начал международного права, с одной стороны, касающихся разработки и принятия международных норм посредством согласования воль субъектов международного права, с другой стороны, связанных с добровольностью государств при выражении ими согласия с обязательствами по конкретным международным договорам.

Особое внимание необходимо обратить на состав делегатов МКТ, участвующих в принятии конвенций и рекомендаций МОТ.

В соответствии с п. 1 ст. 3 и п. 1 ст. 4 Устава МОТ в работе МКТ от каждого государства-члена МОТ принимают участие по четыре представителя, каждый из которых имеет право индивидуального голоса по всем вопросам, рассматриваемым на МКТ: два правительственных делегата, один представитель от работников, другой — от работодателей [6]. С.А. Иванов отмечает, что «соотношение представителей (2:1:1) установлено для того, чтобы правительственная группа имела такой же вес, как и группы трудящихся и предпринимателей, взятые вместе, либо чтобы она имела преимущество над этими группами, взятыми в отдельности» [9, с. 29]. Это обеспечивает сбалансированное представительство интересов всех сторон отношений в сфере труда.

Такая система трехстороннего сотрудничества (трипартизм) является отличительной особенностью МОТ, которая, как подчеркивает Д. Мол, в первые годы существования данной международной организации воспринималась как ранее не испробованная и совершенно новая форма сотрудничества между организациями рабочих и работодателей [10, с. 44]. По мнению Х. Гетта, участие представителей работников и работодателей позволяет МОТ использовать конкретные взгляды, опыт и знания этих групп, а также гарантирует основанную на трехстороннем консенсусе (правительств, работников и работодателей) деятельность МОТ [11, с. 20].

По причине того, что рекомендации МОТ по своей сути не являются международными договорами и не требуют ратификации государствами-членами МОТ (они служат ориентиром для государств

при разработке национального законодательства и правоприменения), следующая особенность, связанная со вступлением в силу международно-правового акта, характерна только для конвенций МОТ.

По общему правилу и сложившейся практике МОТ, конвенции вступают в силу по истечении 12 месяцев со дня регистрации Генеральным директором Международного бюро труда (далее — МБТ) ратификационных грамот двух государств-членов. Для каждого нового участника конвенции, ее вступление в силу определяется истечением 12 месяцев после даты регистрации соответствующего документа о ратификации.

Необходимо отметить, что за редким исключением конвенции МОТ могут содержать и иные правила, определяющие порядок их вступления в силу. В первую очередь, это относится к так называемым морским конвенциям МОТ. Например, для вступления в силу Конвенции 2006 года о труде в морском судоходстве необходимо окончание 12-месячного периода с даты регистрации документов о ее ратификации не менее 30 государствами-членами МОТ, общая доля валовой вместимости торгового флота которых составляет 33 процента [12]. Равным образом, для вступления в силу Конвенции № 180 МОТ «О продолжительности рабочего времени моряков и укомплектовании судов экипажами» необходимо окончание 6-месячного периода с даты регистрации документов о ее ратификации пяти государств-членов МОТ, три из которых располагают валовым регистровым тоннажем не менее одного миллиона тонн [13]. Также в качестве примера можно привести конвенции, принятые в первые годы деятельности МОТ. В частности, Конвенция № 2 МОТ «О безработице» вступает в силу в день извещения Генеральным директором МБТ всех государств-членов МОТ о регистрации документов о ратификации трех государств-членов МОТ [14]. В этой связи Д. К. Бекяшев выделил три критерия, которые применяются для установления правил вступления в силу конвенций МОТ: 1) число ратификационных грамот; 2) ратификация конвенции государствами-членами МОТ, без которых невозможно ее вступление в силу; 3) период, предшествующий вступлению конвенции в силу [5, с. 19].

Стоит отметить существующую в юридической доктрине дискуссию относительно связи вступления конвенций МОТ в силу и их правового статуса. Основной вопрос заключается в том — обладает ли принятая на МКТ конвенция о труде статусом международного договора до ее вступления в силу. Н. Л. Лютов отмечает, что «конвенции МОТ приобретают статус международных договоров только после того, как вступают в силу, набрав достаточное количество ратификаций» [15, с. 24]. Представляется, что вступление или невступление в силу конвенции МОТ не может изменить ее юридической природы как международного договора, которая «состоит в том, что он есть выражение согласованной воли, интересов, позиций государств» [16, с. 72]. Вступление в силу конвенции МОТ означает то, что она стала обязательной для ратифицировавших государств и подлежит исполнению ими, поэтому нами разделяется мнение Э. М. Аметистова, который подчеркнул, что в силу Устава МОТ «должным образом принятое и подписанное решение Генеральной конференции приобретает тот характер, который договорились придать ему государства, — международного договора (конвенции) или акта, не имеющего договорной силы (рекомендации), — сразу же по окончании указанной процедуры» [4, с. 52].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать общий вывод о том, что конвенции и рекомендации МОТ обладают некоторыми юридическими особенностями, отличающими их от других международных актов, которые, в частности, связаны со специальной процедурой их принятия (является одинаковой для двух данных международных актов) и их вступлением в силу (характерна только для конвенций МОТ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зарубин Д. В. Международные трудовые стандарты: в поисках лучшего понимания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4. С. 70–76.

2. Мингазов Л. Х. К вопросу о понятии отрасли современного международного права (на примере международного трудового права) // Советский ежегодник международного права, 1976. М. : Наука, 1978. С. 69–79.

3. Скачкова Г. С. 100-летие Международной организации труда (МОТ) // Государство и право. 2019. № 6. С. 34–43.

4. Аметистов Э. М. Международное право и труд: Факторы имплементации международных норм о труде. М. : Междунар. отношения, 1982. 272 с.

5. Бекяшев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник. М. : Проспект, 2023. 280 с.

6. ILO Constitution. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:62:0:: NO:62: P62_LIST_ENTRIE_ID:2453907: NO (дата обращения: 21.09.2025).

7. Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека : учебное пособие. М. : РУДН, 2017. 509 с.

8. Scelle G. L'Organisation internationale du travail et le B. I. T. Paris: M. Rivière, 1930. 333 p.

9. Иванов С. А. Проблемы международного регулирования труда. М. : Наука, 1964. 343 с.

10. Maul D. L'Organisation internationale du Travail: 100 ans de politique sociale à l'échellemondiale. Genève: Bureau international du Travail, 2019. 312 p.

11. Gött H. The Law of Interactions Between International Organizations: A Framework for Multi-Institutional Labour Governance. Berlin: Springer, 2020. 560 p.

12. Конвенция 2006 года о труде в морском судоходстве. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_560901.pdf (дата обращения: 22.09.2025).

13. Конвенция 180 о продолжительности рабочего времени моряков и укомплектовании судов экипажами. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_norm/--normes/documents/normativeinstrument/wcms_c180_ru.htm (дата обращения: 22.09.2025).

14. Конвенция 2 о безработице. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c002_ru.htm (дата обращения: 22.09.2025).

15. Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права : монография. М. : Проспект, 2015. 328 с.

16. Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М. : Статут, 2017. 496 с.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

ВНЕДРЕНИЕ ПРЕВЕНТИВНОГО ОПЫТА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ

А. Ф. Манапова
Челябинской государственный университет (Челябинск, Россия)

В статье предметом исследования является посягательство на культурные ценности народов. Актуальность темы обусловлена необходимостью предупреждения и пресечения преступлений в данной сфере ввиду увеличения численности преступных посягательств на объекты культуры, что в свою очередь влияет на сохранение культурного достояния каждой страны, ее историю и нацию. Цель работы — проанализировать опыт Исламской Республики Иран и возможность внедрения данного опыта в законодательство Российской Федерации. С помощью метода анализа исследована деятельность Организации по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана, сопоставлена с деятельностью Министерства культуры Российской Федерации. Автором сделаны выводы относительно возможности расширения полномочий Министерства культуры Российской Федерации в области охраны, предупреждения и пресечения преступлений, связанных с посягательством на культурные ценности народов в рамках компетенций вышеуказанного органа. В статье рассмотрен институт уголовной ответственности физических и юридических лиц, а также отмечена важность обмена опытом и защиты культурного наследия не только Республики Иран и Российской Федерации, но и других стран.

Ключевые слова: культурные ценности, охрана объектов культурного наследия, Исламская Республика Иран, уголовная ответственность юридических лиц, преступления против культурных ценностей, объекты культуры, превентивный опыт.

IMPLEMENTATION OF THE PREVENTIVE EXPERIENCE OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF CULTURAL VALUES OF PEOPLES

A. F. Manapova
Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

This article examines attacks on the cultural property of peoples. The relevance of this topic stems from the need to prevent and combat crimes in this area, given the increasing number of criminal attacks on cultural sites, which in turn impacts the preservation of each country's cultural heritage, history, and nation. The purpose of this work is to analyze the experience of the Islamic Republic of Iran and the possibility of incorporating this experience into the legislation of the Russian Federation. Using analytical methods, the activities of the Organization for Cultural Heritage, Folk Crafts, and Tourism of Iran are examined and compared with those of the Ministry of Culture of the Russian Federation. The author draws conclusions regarding the possibility of expanding the powers of the Ministry of Culture of the Russian Federation in the area of protection, prevention, and suppression of crimes related to attacks on the cultural property of peoples within the purview of the aforementioned body. The article examines the institution of criminal liability for individuals and legal entities and notes the importance of exchanging experiences and protecting the cultural heritage of not only the Republic of Iran and the Russian Federation, but also other countries.

Keywords: cultural values, protection of cultural heritage sites, the Islamic Republic of Iran, criminal liability of legal entities, crimes against cultural values, cultural objects, preventive experience.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.23

Исламская Республика Иран является ярким примером мусульманской правовой доктрины, основанной на религии, в конечном счете, на вере в Аллаха. Исходя из положений Корана, только у Аллаха есть права на формирование правил, то есть на законотворчество. Правотворческая деятельность властей является результатом понимания воли Аллаха. Данные особенности затрудняют понимание права Республики Иран немусульманскими специалистами. С другой стороны, наоборот, такая система вызывает интерес, и взгляды этой страны на предотвращение, предупреждение и профилактику преступлений имеют практический интерес для всех зарубежных стран, в том числе для Российской Федерации.

Следует отметить, что важность культурного наследия далеко выходит за рамки их простой экономической ценности, поскольку они представляют собой важное выражение истории, традиций и культуры определенной нации. Уничтожение культурных ценностей может иметь значительные долгосрочные последствия для культурной самобытности нации. Более того, уничтожение культурных ценностей затрагивает не только население страны, но и способствует уменьшению культурного разнообразия мира. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности направлено на защиту культурной самобытности различных наций и культурного разнообразия мира.

В данной работе использовались научные материалы ученых-юристов. Кроме того, с помощью общенаучных и частнонаучных методов рассмотрены международные акты, законодательство Исламской Республики Иран и Российской Федерации в области охраны культурных ценностей. Данные материалы позволили автору описать проблематику данной статьи и найти методы решения.

Важность сохранения культурных ценностей народов. Иран — государство с многовековой историей, одна из старейших цивилизаций мира, возникшая почти 7000 лет назад, благодаря чему на ее территории существует большое количество культурных памятников [1, с. 84]. В результате мусульманское государство уязвимо на грабежи, торговлю, хищение и контрабанду культурных ценностей современными организационными преступными группами [2, с. 92]. Именно поэтому Иран неоднократно требовал реституции своих активов и произведений искусства мирового значения, которые были присвоены нелегальными способами. Во времена династии Каджаров, то есть в 1900 году, между иранским и французским правительствами подписан договор, в силу которого французы получили неоспоримое право на раскопки и поиски иранских исторических мест. Согласно вышеуказанному договору, а в подавляющем большинстве случаев с его нарушением, во Францию в результате поисков было передано множество предметов исторического и культурного значения, одним из которых является кодекс Хаммурапи, датированный более 4000 лет назад, который также, помимо этого, представляет собой старейший письменный закон человечества. В настоящее время находится в Лувре, в Париже [3].

Законодательство Республики Иран в борьбе с посягательствами на культурные ценности. Ратифицировав Конвенции ЮНЕСКО 1954 и 1972 года, Республика Иран ввела уголовную ответственность за многие деяния, совершаемые против культурных ценностей, в частности, данной категории преступления посвящены раздел 9 Иранского Уголовного кодекса 1996 года (далее — УК Ирана) [4]. Данный раздел охватывает уголовную ответственность за повреждение культурных и исторических зданий, памятников, которые были зарегистрированы в общем реестре национального наследия Ирана, а также любого движимого объекта, прикрепленного к ним, который сам по себе имеет историческое значение (статья 558 УК Ирана); кража культурных ценностей из заповедников, таких как музей и выставки (статья 559 УК Ирана); незаконный вывоз охраняемых культурных объектов, которые даже если и были приобретены законным путем, но не могут быть вывезены из страны без разрешения (статья 561 УК Ирана); проведение любых раскопок или поисков с целью приобретения исторических или культурных ценностей (статья 560 УК Ирана); купли-продажи предметов, приобретае-

мых незаконных путем (статья 559 УК Ирана); любое нарушение границ исторических памятников, обозначенных Организацией по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана (статья 563 УК Ирана); любое действие, которое может нанести ущерб культурным ценностям, например, строительство и осуществление в окрестностях зарегистрированного объекта наследия или выполнение любых работ (статья 560 УК Ирана); любая несанкционированная передача права собственности на зарегистрированные культурные ценности и изменение ее использования способом, противоречащим ее достоинству (статья 566 УК Ирана).

Таким образом, уголовное законодательство Исламской Республики Иран широко охватывает сферу охраны культурных ценностей, при этом в данной республике имеются некоторые особенности, в том числе уголовного закона, которые имеют значение и полезны в практическом аспекте для международного сообщества и Российской Федерации.

Превентивный опыт Ирана, имеющий практическую пользу для внедрения в Российскую Федерацию. Следует отметить, что в Республике Иран существуют специализированные органы, обеспечивающие охрану культурных ценностей, в частности Организация по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана. Именно она уполномочена на подачу исков против правонарушителей в судебные органы. Кроме того, до 2013 года, когда в Иране был принят новый Уголовный кодекс [5], все преступления против культурных ценностей относились к категории «частных преступлений». Для преследования правонарушителей требовалась жалоба, поданная истцом, а именно Организацией по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана. Однако в новом Уголовном кодексе данное положение не было сохранено и деяния были отнесены к категории преступлений, в отношении которых прокурор может возбуждать дело по собственной инициативе [6, с. 59]. Это является дополнительной гарантией защиты культурных ценностей.

В сравнении с Российской Федерацией уголовные дела о преступлениях, связанных с защитой культурных ценностей народов (статья 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [7] и так далее), являются делами публичного обвинения. То есть для возбуждения дела необходим повод (заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о преступлении, постановление прокурора и так далее) [8, с. 140].

Таким образом, учитывая опыт Исламской Республики Иран, в государстве имеется расширенный перечень лиц, обладающих полномочиями на подачу заявления о преступлении. А именно, в статье 567 УК Ирана [9] отмечается, что за вышеуказанные преступления Организация по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана и другие правительственные ведомства рассматриваются в качестве заявителя или частного лица. Предполагается внедрить в систему Российской Федерации дополнительные полномочия Министерства культуры Российской Федерации, а именно возложить обязанность по подаче исков против правонарушителей в судебные органы. Такой подход обеспечивает максимальный уровень предотвращения совершения преступлений против культурных ценностей [10, с. 362].

Вместе с тем сегодня в Иране существует ряд некоммерческих организаций, которые осуществляют охрану и продвижение культурных ценностей [11, с. 52]. Эти организации включают местные и национальные культурные ассоциации, общественные фонды и добровольческие группы. Сотрудничество между государственными и негосударственными секторами играет важную роль в охране культурного наследия страны. В частности, такие организации не только напоминают гражданам об их культуре, но и знакомят туристов с культурой Ирана, прививая уважительное отношение к стране и ее наследию [12, с. 66].

Кроме того, такие организации следят за соблюдением правил нахождения в исторических местах, а также содействуют Организации по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана [13] в выявлении преступлений для дальнейшего привлечения соответствующих лиц к уголовной ответственности. Данный подход, безусловно, расширяет сферу охраны культурных ценностей, прививает гражданам не только уважать свое национальное достояние, но и содействует в предупреждении такого рода преступлений [14, с. 80].

Заключение. Уголовные кодексы Российской Федерации и Республики Иран содержат положения, направленные на борьбу со многими преступлениями против культурных ценностей. При су-

ществовании Министерства культуры Российской Федерации и Организации по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана, ответственных за регистрацию культурных ценностей, по-прежнему существует множество незарегистрированных исторических объектов, количество которых может превышать количество зарегистрированных. Отсутствие надлежащего надзора со стороны Министерства культуры Российской Федерации, как органа, отвечающего за защиту культурных ценностей, также является проблемой, требующей особого внимания. Кроме того, учитывая опыт Исламской Республики Иран в области активного участия с иранских НПО и гражданского общества Российской Федерации, следует акцентировать внимание на данный аспект [15, с. 79].

К примеру, в 2022 году группа иранских НПО, которые занимаются защитой культурного наследия, направила открытое письмо французскому министру культуры и коммуникации, призывая запретить продажи на французском аукционе домов, несколько предметов старины, украденных из исторических областей Джирофт, на юго-востоке Ирана [16].

Таким образом, гражданское общество и добровольно созданные организации смогут активно принимать участие в охране культурных ценностей, что обеспечивает более надежную защиту.

Российская Федерация — многоконфессиональная страна. Как и в Иране, в Российской Федерации проживают мусульмане, придерживающиеся учений Корана. Коран в различных стихах рекомендуют преследователям «путешествовать по земле и извлекать уроки из того, что осталось из предыдущих поколений». Важность защиты культурного наследия подчеркивается не только учениями Ислама, но и библейскими учениями. Хотя и в Российской Федерации церковь отделена от государства, но религиозные учения безусловно также выполняют сдерживающую роль в совершении такого рода преступлений. Кроме того, как верно отметил И.А. Халиков, на зарубежное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении исторического и культурного наследия, оказывают мировые и региональные интеграционные процессы, а также развитие информационных технологий [17].

Уголовная политика Ирана в области охраны культурных ценностей в некотором роде схожа с политикой Российской Федерации. Переняв опыт зарубежного государства в различных аспектах, наше государство может значительным образом предупредить преступность в Российской Федерации в области охраны культурных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Данилович А.В. Политика в отношении культурно-исторических ценностей в Иране в период династии Пехлеви // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей XL Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 84–87.

2. Фирсова О.Л., Шестопалова Л.В. О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия. М. : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2022. С. 92.

3. Как французы воровали памятники древней иранской культуры? URL: https://greylib.align.ru/1063/kak-francuzy-vorovali-pamyatniki-drevnej-iranskoj-kultury.html (дата обращения: 15.09.2025).

4. Уголовный кодекс Ирана 1996 года. URL: https://iranhrdc.org/islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five/ (дата обращения: 15.09.2025).

5. Уголовный кодекс Ирана 1996 года. URL: https://iranhrdc.org/islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five/ (дата обращения: 15.09.2025).

6. Степанова М.А., Креховец А.В. Общая характеристика уголовного закона Исламской республики Иран // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 4. С. 59–62.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 15.09.2025).

8. Хряпко В.А. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против // Молодой ученый. 2022. № 8 (403). С. 140–142.

9. Уголовный кодекс Ирана 1996 года. URL: https://iranhrdc.org/islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five/ (дата обращения: 15.09.2025).

10. Манапова А. Ф. Предупреждение преступных посягательств на культурные ценности народов // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 9. С. 362–367.

11. Талалаев К. А. Особенности уголовного преследования в отдельных мусульманских странах // Основы экономики, управления и права. 2020. № 5 (24). С. 52–57.

12. Гринченко А. Н., Кравченко А. В. Проблемы и инструменты правового регулирования перемещения предметов искусства и культа // Экономика. Право. Инновации. 2020. № 4. С. 66–73.

13. The History of Cultural Heritage in Iran. URL: https://www.mcth.ir/english (дата обращения: 15.09.2025).

14. Рыбкина М. В. Охрана и защита культурных ценностей // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 80–89.

15. Кириченкова А. А. Понятие и правовая природа недвижимых объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1 (63). С. 79–97.

16. Посла Франции вызвали в МИД Ирана из-за резолюции Национального собрания. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16469137 (дата обращения: 15.09.2025).

17. Халиков И. А. Уголовно-правовая охрана исторического и культурного наследия в законодательстве зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-istoricheskogo-i-kulturnogo-naslediya-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 339 (045) (575.1)
ББК 67.404

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВЫХ ПЛОЩАДОК В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Ш. Н. Рузиназаров
Туранская академия (Ташкент, Узбекистан)

Статья исследует правовой режим электронных торговых площадок как ключевых инфраструктур цифрового гражданского оборота Узбекистана. Показана эволюция маркетплейсов от ранних онлайн-витрин до многофункциональных экосистем, обеспечивающих поиск, сравнение, оплату, доставку, а также обмен отзывами и разрешение споров. Раскрываются публично-правовые и частноправовые аспекты статуса оператора ЭТП: обязанности по бесперебойности ИС, раскрытию информации, защите электронных документов и персональных данных, пресечению оборота запрещенных товаров, а также права на установление правил сервиса и собственные продажи. Анализ норм Закона Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» соотнесен с рисками кибербезопасности, контрафакта и недобросовестной конкуренции, необходимостью внедрения комплаенса IP, процедур notice-and-takedown, стандартов конфиденциальности и современных криптосредств (включая электронную подпись и блокчейн). Обоснована потребность в системной кодификации и унификации регулирования ЭТП, расширении ADR-механизмов (медиация, арбитраж), внедрении технологических стандартов и транспарентных правил доступа для продавцов. Показана значимость субрегионального измерения в рамках ОТГ как растущего рынка и драйвера гармонизации требований к платформам. Делается вывод, что комплексная модернизация норм повысит доверие участников, безопасность сделок и конкурентоспособность национальной электронной торговли.

Ключевые слова: электронные торговые площадки, маркетплейсы, электронная коммерция, персональные данные, кибербезопасность, интеллектуальная собственность, notice-and-takedown, альтернативное разрешение споров, блокчейн, унификация регулирования.

THE LEGAL REGIME OF ELECTRONIC TRADING PLATFORMS IN CIVIL CIRCULATION

Sh. N. Ruzinazarov
Turan Academy (Tashkent, Uzbekistan)

The article explores the legal regime of electronic trading platforms as key infrastructures of digital civil turnover in Uzbekistan. The evolution of marketplaces from early online storefronts to multifunctional ecosystems providing search, comparison, payment, delivery, as well as feedback exchange and dispute resolution is shown. The public-law and private-law aspects of the status of an ETP operator are disclosed: responsibilities for IP continuity, information disclosure, protection of electronic documents and personal data, suppression of trafficking in prohibited goods, as well as the rights to establish service rules and own sales. The analysis of the norms of the Law "On Electronic Commerce" correlates with the risks of cybersecurity, counterfeiting and unfair competition, the need to implement IP compliance, notice-and-takedown procedures, privacy standards and modern cryptographic tools (including electronic signature and blockchain). The need for a systematic codification and unification of ETP regulation, the expansion of ADR mechanisms (mediation, arbitration), the introduction of technological standards and transparent access rules for sellers is substantiated. The importance of the sub-regional dimension within the framework of OTG as a growing market and driver of harmonization of platform requirements is shown. It is concluded that the comprehensive modernization of standards will increase the trust of participants, the security of transactions and the competitiveness of national e-commerce.

Keywords: electronic trading platforms, marketplaces, e-commerce, personal data, cybersecurity, intellectual property, notice-and-takedown, alternative dispute resolution, blockchain, regulatory unification.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.24

В условиях формирования цифрового гражданского оборота электронные торговые площадки становятся основным пространством для осуществления торговой деятельности. В связи с этим изучение данного вопроса имеет важное научно-практическое значение. Правовой режим электронных торговых площадок как онлайн-пространства потребителей является одной из актуальных задач в свете постоянного роста объемов коммерческих операций, проводимых через эти площадки, и необходимости обеспечения надежной защиты прав и интересов участников электронной коммерции. В данном контексте особенно важно отметить, что исследование правового регулирования электронных торговых площадок является не только актуальной, но и социально значимой задачей. Решение этой задачи позволит создать разумную и безопасную среду для развития электронной коммерции в новом Узбекистане, обеспечить защиту прав и интересов всех участников цифрового рынка, включая потребителей, а также стимулировать социально-экономический рост и повышение благосостояния страны. В современном мире цифровая торговля становится все более значимым и важным компонентом современной креативной экономики. В Узбекистане функционирует несколько электронных торговых площадок, обслуживающих как государственный сектор, так и частный бизнес. Основными площадками для государственных закупок являются xarid.uzex.uz, new.cooperation.uz, и etender.uzex.uz. Для частного сектора наиболее известными являются Prom.uz, Tovar.uz, Uzonline, Olcha и другие. К электронным торговым площадкам государственных закупок относится: xarid.uzex.uz: Платформа для проведения госзакупок, где государственные заказчики объявляют тендеры, а поставщики могут подавать заявки — new.cooperation.uz. Еще одна площадка для государственных закупок, где можно найти информацию о тендерах и подавать заявки, — etender.uzex.uz.

К электронным торговым площадкам для частного сектора относится также Prom. uz. Крупнейшая торговая площадка в Узбекистане в сегменте B2B, где торгуют товарами и услугами из различных отраслей. Tovar. uz — это платформа для интернет-коммерции, где покупатели и продавцы могут взаимодействовать онлайн. Одной из популярных онлайн-площадок в Узбекистане является Uzum (uzum.uz). Кроме того, функционируют Olcha (olcha.uz), PMall (pmall.uz), KMALL (kmall.uz), Bulavka (bulavka.uz), Sello (sello.uz), Zood (zoodmall.uz) и др. [1].

Прежде всего необходимо отметить, что сегодня ОТГ, охватывающая свыше 173 млн жителей, является крупным рынком, где совокупный объем ВВП государств-членов и наблюдателей составляет около $1,4 трлн. Доля общего ВВП членов ОТГ в мировом ВВП составляет около 1,4%, а по ППС — около $4,5 трлн (3% мирового). У ОТГ имеются все возможности стать одной из ведущих платформ не только в регионе Центральной Азии, но и во всем Евразийском пространстве: во-первых, ОТГ является сложившейся устойчивой интеграционной структурой, в перспективах развития которой заинтересованы не только члены-государства и страны-наблюдатели, но и весь тюркский мир. В нынешних условиях геополитической и геоэкономической неопределенности развитие ОТГ является объективной необходимостью. Во-вторых, перспективы Организации тюркских государств достаточно стабильны и «участники ОТГ привержены нормам и принципам международного права, включая суверенное равенство, территориальную целостность и незыблемость международно признанных границ и государств». На данном этапе страны-участники ОТГ позиционируют данную структуру вне вопросов безопасности, так как в нынешних непредсказуемых условиях осознают серьезные последствия придания Организации подобный характер взаимодействия. В-третьих, в долгосрочной перспективе ОТГ становится субрегиональным объединением и своеобразным механизмом регионального сотрудничества на обширном пространстве между Европой, Средним Востоком, Кавказом и ЦА. При этом перспективы развития ОТГ как субрегиональной платформы во многом будут зависеть от особенностей будущего позиционирования Турции в рамках Организации. В-четвертых, для полноценного сосуществования в рамках Организации и ее эффективного функционирования весьма

важно также сохранение общности взглядов и интересов стран-членов Организации как в экономическом, культурном, технологическом развитии, так и в обеспечении безопасности [2].

Электронные площадки, как глобальное и публичное пространство для реализации товаров (работ, услуги) предпринимательской деятельности, играют ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования цифрового рынка и оказании услуг потребителям и производителям. В целом маркетплейс представляет собой надежную платформу электронной коммерции, на которой множество субъектов предпринимательской деятельности одновременно реализуют свои товары на основе механизма публичного спроса и предложения. Исходя из этого, следует отметить, что генезис электронных площадок связан с появлением Интернета и развитием онлайн-технологий. Электронные площадки оказали огромное влияние на нашу жизнь, изменив то, как мы покупаем, продаем и взаимодействуем друг с другом. Эти площадки играют важную роль в современном бизнесе, облегчая процесс обмена информацией и товаров, улучшая эффективность работы компаний и способствуя развитию цифровой экономики. Будущее электронных площадок выглядит многообещающим и они продолжат развиваться и совершенствоваться, открывая новые возможности для бизнеса и потребителей.

В статье 33 Конституции Республики Узбекистан регламентировано, что государство создает условия для обеспечения доступа к всемирной информационной сети Интернет. Также в ней отмечено, что ограничение права на поиск, получение и распространение информации допускается только в соответствии с законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, здоровья населения, общественной нравственности, прав и свобод других лиц, обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, а также предотвращения разглашения государственных секретов или иной охраняемой законом тайны [3]. Государство должно создавать условия для развития цифровой инноваций в сфере электронных площадок. Это может быть достигнуто путем предоставления льгот и субсидий, а также создания благоприятной правовой среды для субъектов электронной коммерции. Развитие правового регулирования деятельности электронных площадок является одним из важнейших факторов, влияющих на развитие электронной торговли в Узбекистане.

Как правило, под электронной торговой площадкой понимается информационная система, позволяющая осуществлять куплю-продажу товаров (работ, услуг) на основе публичной оферты. Оператором электронной торговой площадки является юридическое лицо, оказывающее услуги на электронной торговой площадке участникам электронной коммерции. Правовой режим электронных площадок в сфере интернет-коммерции обусловливается не только стремительным развитием электронной коммерции, но и комплексом взаимосвязанных факторов, требующих концептуального подхода и всестороннего и глубокого системного анализа этих цифровых явлений. В данном ракурсе необходимо констатировать мысль о том, что устойчивое развитие электронных площадок предоставляет новые возможности для субъектов электронной коммерции, которые открывают доступ к широкому кругу покупателей как внутри страны, так и за рубежом, позволяя субъектам этих отношений расширять цифровой рынок сбыта и увеличивать продажи товаров (работ, услуг). Самое главное, электронные площадки оптимизируют технологические процессы взаимодействия между продавцами и покупателями как стороны договора в сфере электронной коммерции, сокращая расходы на онлайн-рекламу, логистику и другие бизнес-операции. Вместе с тем использование электронных площадок позволяет субъектам электронной коммерции быстрее реагировать на изменения цифровой конъюнктуры, предлагать более разумное цены и условия сделок, а также повышать качество обслуживания потребителей с учетом объективной тенденции трансформации гражданского оборота.

Генезис электронных площадок начался с появления Интернета и развития онлайн-технологий. С развитием сети Интернет компании и предприниматели начали понимать преимущества онлайн-торговли и виртуальных площадок для продажи своих товаров и услуг. Первые электронные площадки появились в конце XX века и представляли собой веб-сайты, на которых компании могли размещать информацию о своих продуктах, а потребители могли выбирать и приобретать их онлайн. Зарождение онлайн-магазинов началось 1970-е годы и ознаменовалось появлением новаторов, заложивших

фундамент онлайн-покупок, таких как The Source (1974) и CompuServe (1976). Эти первые онлайн-магазины предлагали ограниченный ассортимент товаров, преимущественно электронику и программное обеспечение, но заложили фундамент для будущей революции [4].

Изучение специальной литературы показывает, что 1980-е годы стали свидетелями расцвета электронных досок объявлений, таких как Usenet и BBS. На этих платформах люди могли размещать объявления о продаже товаров и услуг, что стало предвестником современных маркетплейсов [5]. Протокол FTP (File Transfer Protocol) — это протокол передачи файлов, который использовался для продажи товаров и услуг в онлайн-среде. Несмотря на свою простоту, FTP сыграл важную роль в раннем развитии электронной коммерции. 1990-е годы ознаменовались появлением World Wide Web, что дало толчок бурному развитию электронной коммерции. Веб-сайты стали витринами для товаров, а Интернет — безграничным рынком. Первые крупные онлайн-магазины: Amazon (1994), eBay (1995) и Yahoo! Shopping (1996) стали первыми смельчаками, шагнувшими в мир онлайн-коммерции, предлагая широкий ассортимент товаров и удобные способы оплаты. PayPal (1998) и другие системы электронной оплаты сделали онлайн-покупки более безопасными и удобными, снизив риски мошенничества [6].

В данном историческом контексте необходимо отметить, что в конце 1990-х годов произошел бурный рост интернет-компаний, что способствовало и дало толчок развитию электронной коммерции. Повседневная жизнь граждан-потребителей показывает, что они сейчас могут совершать покупки буквально в любом месте и в любое время. Это существенно упростило процесс электронной торговли и обмена информацией, что помогло компаниям расширить свой цифровой рынок сбыта и наладить более эффективное взаимодействие с потребителями. Следовательно, социальные сети, такие как Facebook, Instagram и Telegram, играют важную роль в электронной коммерции. Продавцы получили реальную возможность напрямую взаимодействовать с покупателями, а покупатели — делиться своими впечатлениями о товарах и магазинах. Необходимо признать, что Алиэкспресс (2009), Amazon (1994), Wildberries (2004) и Uzum (2022) стали лидерами в сегменте маркетплейсов, предлагая огромный ассортимент товаров от разных продавцов по привлекательным ценам. С течением времени электронные площадки стали все более популярными и разнообразными. Как показывает онлайн-торговая практика, на цифровом рынке существует множество различных видов площадок: от крупных мировых онлайн-торговых площадок, объединяющих миллионы компаний и потребителей, до специализированных площадок, ориентированных на узкие сегменты цифрового рынка.

Как указывает автор английских учебников по электронной коммерции Д. Чефии, маркетплейс представляет собой форму независимого посредничества между продавцами и покупателями, торгующими на площадке [7]. Правовой режим электронной площадки является одним из наиболее актуальных и сложных вопросов цифрового права. В связи с быстрым развитием информационных и цифровых технологий и цифрового гражданского оборота, стремительным изменением потребностей потребителей и предпринимателей, правовое обеспечение электронных площадок становится все более сложным и требует постоянного разумного совершенствования этого института с учетом объективной тенденции развития цифровой трансформации гражданского оборота.

Как нам представляется, проблемы правового режима электронных торговых площадок в сфере предпринимательской деятельности являются одной из актуальных тем современного цифрового права. Каждый день тысячи сделок проводятся через онлайн-платформы, но при этом возникают сложности с цифровой безопасностью, защитой данных и соблюдением законодательства. Однако следует отметить, что несовершенство разумного и эффективного правового регулирования электронных площадок может привести к недобросовестной конкуренции со стороны недобросовестных участников цифрового рынка, что негативно влияет на добросовестных предпринимателей и потребителей в сфере электронной коммерции. Электронная среда создает новые возможности для мошенничества, киберпреступности и других противоправных действий, что требует разработки эффективных механизмов защиты участников цифрового рынка. В частности, незаконное использование товарных знаков, авторских прав и других объектов интеллектуальной собственности на электронных площадках является распространенной проблемой, требующей правового регулирования. Сбор, хранение и обработка персональных данных на электронных площадках сопряжены с рисками утечки и несанкционированного доступа, что требует обеспечения конфиденциальности и защиты информации.

Как нам известно, в современных условиях цифровой реальности электронные площадки — онлайн-рынки, или, как мы привыкли употреблять как цифровой термин — маркетплейсы (торговые площадки) прочно вошли в нашу жизнь, став неотъемлемой частью электронной коммерции. Маркетплейсы можно сравнить с рынком [8] в его традиционном понимании или, для более наглядного восприятия современным пользователем, — с торговыми центрами (mall), где на одной площадке представлены товары от различных продавцов. Электронные площадки по своему цифровому правовому режиму — это не просто виртуальные витрины, а динамичные экосистемы, где продавцы и покупатели встречаются для совершения электронных сделок как юридического электронного факта. Эти цифровые платформы служат информационными посредниками, упрощая взаимодействие и оптимизируя торговый оборот на основе спроса, электронной оферты и волеизъявления оферента. В данном гражданско-правовом ракурсе маркетплейсы предлагают широкий спектр инструментов и сервисов, охватывающих все этапы: от поиска товаров (услуг) и оформления заказа до оплаты и доставки.

В условиях формирования цифрового гражданского оборота электронные торговые площадки имеют колоссальное значение и играют значимую роль, оказывая влияние на различные сферы цифрового торгового оборота. Электронные торговые площадки, такие как онлайн-платформы, выступают в качестве информационных посредников между продавцами и потребителями, предоставляя широкий спектр функциональных возможностей, направленных на упрощение и оптимизацию взаимодействия между этими участниками. В данном цифровом контексте функциональные и технологические возможности маркетплейсов простираются далеко за рамки простого поиска и покупки товаров, работ и услуг. По своей технологической сущности маркетплейсы охватывают широкий спектр инструментов и сервисов, обеспечивающих удобство, выгоду, информативность и безопасность онлайн-шоппинга. Самое главное — электронные торговые площадки предоставляют различные цифровые инструменты поиска в сети Интернет, позволяющие пользователям быстро и удобно находить товары, работы и услуги по заданной оферте и различным критериям, таким как наименование, качество, комплектность, ассортимент, товарные знаки и знаки обслуживания, цена, характеристики, отзывы и другие параметры. В ходе покупки маркетплейсы предоставляют возможность сравнивать товары по имущественным и информационным характеристикам, цене и другим существенным условиям, помогая потребителем в электронной коммерции сделать осознанный, оптимальный и выгодный выбор для удовлетворения своих потребностей. В связи с этим потребители имеют возможность оставлять отзывы о товарах, продавцах и работе электронной торговой площадки, что помогает другим пользователям сделать обоснованный и приемлемый выбор.

Кроме того, на некоторых электронных площадках существуют форумы и сообщества, где потребители могут общаться между собой, делиться опытом, обсуждать товары, работы и услуги, а также получать полезные советы и рекомендации. В этом контексте еще одной характерной чертой, объединяющей все маркетплейсы, является наличие **личного кабинета**. Благодаря этому покупатели могут регистрироваться на платформе и создавать собственный аккаунт для хранения информации о сделанных заказах, данных о доставке, платежной информации, а также другой электронной (цифровой) информации, связанной с процессом покупки. Одним из главных удобств является предоставление электронными торговыми площадками широкого выбора способов оплаты, включая банковские карты, электронные деньги, мобильные платежи, наличные при самовывозе и другие варианты. Здесь уместно отметить, что маркетплейсы сотрудничают с различными службами доставки, курьерскими службами, предлагая потребителям различные разумные способы доставки, такие как доставка на дом, пункт выдачи электронных заказов, самовывоз из магазина продавца или доставка курьером. Как нам известно, многие электронные торговые площадки предлагают программы лояльности, которые предоставляют покупателям скидки, бонусы, кэшбэк и другие преимущества. Вместе с тем электронные торговые площадки регулярно проводят акции и распродажи, предлагая покупателям скидки и выгодные предложения.

В литературе правильно отмечается, что электронные площадки предоставляют отличную возможность продавцам расширить свою аудиторию и привлечь новых потребителей. Благодаря большому количеству пользователей на таких платформах компаниям гораздо легче донести информацию о своих товарах или услугах до широкой аудитории [9]. Кроме того, на электронных торговых пло-

щадках можно проводить рекламные кампании, получать обратную связь от потребителей и системно анализировать данные о продажах для эффективности электронного торгового оборота. В данном русле размещение онлайн-рекламы товаров способствует повышению их видимости и привлечению большего числа покупателей, что, в свою очередь, помогает реализовывать более крупные партии продукции. Вместе с тем электронные торговые площадки могут предлагать продавцам различные маркетинговые услуги, такие как: рассылки, купоны, таргетированная реклама и т.д. Для развития торгового оборота электронные площадки могут предоставлять статистику электронных продаж, данные о поведении пользователей и другие аналитические данные для осуществления разумной торговли. Вместе с тем электронные площадки могут предлагать дополнительные цифровые услуги, такие как доставка, сборка мебели, установка техники, ремонт и т.д. Электронные торговые площадки могут интегрироваться с другими системами, например: CRM (Системы управления взаимоотношениями с клиентами), 1С (бухгалтерские программы), складские системы. Еще одним важным аспектом электронных торговых площадок является возможность обмена информацией и опытом между участниками электронной коммерции. На таких цифровых торговых платформах можно детально обсудить актуальные темы, задать вопросы и получить консультацию у профессионалов в своей области. Это в конечном итоге способствует развитию бизнес-сообщества и повышению квалификации участников электронной коммерции.

Электронная торговая площадка выполняет ведущую функцию в современном цифровом гражданском обороте, облегчая процесс торговли, а также электронный обмен информацией и сообщениями (включая электронный документооборот) между субъектами электронной коммерции. В условиях цифровой трансформации гражданского оборота электронная площадка способствуют развитию креативной экономики, удобству потребителей и обмену опытом между участниками интернет-коммерции. В процессе эволюционной трансформации цифрового торгового оборота значимость электронных торговых площадок будет только возрастать, поскольку интернет-технологии становятся все более важными и востребованными на фоне растущего потребительского спроса. В связи с этим особенно важно отметить, что развитие электронных торговых площадок в условиях цифровой трансформации креативной экономики не останавливается — постоянно появляются новые функции и возможности в данной сфере. В связи с этим правовой режим электронных торговых площадок приобретает особую актуальность, требуя комплексного подхода и учета специфики их функционирования, чтобы обеспечить участникам безопасность, защиту и соблюдение законных прав и интересов [10]. Анализ показывает, что в нашей стране, как и во многих других развитых странах, наблюдается рост рейтинга электронной торговли, что обусловливает необходимость совершенствования правового регулирования деятельности электронных торговых площадок для проведения торговли, закупок и предоставления различных цифровых услуг.

В целях повышения качества работы электронных торговых площадок и разумной защиты прав и интересов потребителей разрабатываются и внедряются оптимальные технологические стандарты для эффективного функционирования электронных торговых площадок с учетом объективной тенденции торговли в международном и региональном уровне, особенно тюркоязычных государств. Эти цифровые и технологические стандарты устанавливают обязательные требования к информационному наполнению сайтов электронных торговых площадок, порядку регистрации потребителей, обработке персональных данных, разрешению онлайн-споров и другим аспектам их деятельности.

В национальном законодательстве Узбекистана предусматриваются различные механизмы защиты прав потребителей, которые могут быть использованы в случае возникновения споров с электронными площадками. К ним относятся: досудебное урегулирование споров, обращение в органы защиты прав потребителей, судебная защита. Несмотря на принимаемые нормативно-правовые меры, законодательство об электронных площадках в Узбекистане все еще не в полной мере соответствует потребностям развития электронной торговли. Существуют пробелы и противоречия в законодательстве, которые могут препятствовать работе электронных торговых площадок и защите прав потребителей в интернет-коммерции. На цифровом рынке электронных торговых площадок Узбекистана наблюдаются случаи недобросовестной конкуренции со стороны некоторых электронных торговых площадок. Это, как мы полагаем, может выражаться в демпинге цен, распространении лож-

ной информации, необоснованном блокировании конкурентов и т.д. Кроме того, недобросовестная конкуренция негативно влияет на развитие электронной торговли и наносит ущерб добросовестным участникам цифрового рынка.

Самое главное, обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных потребителей электронных торговых площадок является одной из ключевых задач правового регулирования отношений, связанных с интернет-коммерцией. В данном контексте, как нам представляется, необходимо совершенствовать правовые механизмы защиты персональных данных, чтобы исключить их несанкционированное использование, утечку или передачу третьим лицам. Это может включать в себя: обязательное использование надежных методов защиты цифровой информации; введение ограничений на сбор и обработку персональных данных; установление прозрачных механизмов информирования потребителей о том, как их данные используются; введение более строгих санкций за нарушения; предоставление потребителям возможности требовать компенсации за причиненный ущерб; проведение просветительских кампаний о важности защиты персональных данных, повышение осведомленности потребителей о своих правах и т.п. В условиях стремительного развития цифровых технологий необходимо постоянно актуализировать законодательство об электронных торговых плащадках, чтобы оно учитывало новые цифровые технологии и бизнес-модели в данной сфере. Наряду с этим необходимо совершенствовать механизмы защиты прав потребителей в электронной торговле, включая вопросы возврата некачественных товаров, гарантийного обслуживания, электронной оплаты товаров, разрешения онлайн-споров и т.д.

Правовое обеспечение электронных торговых площадок имеет ряд отличительных особенностей, обусловленных спецификой их деятельности на цифровой площадке. Системный анализ показывает, что глобализация электронной торговли и отсутствие географических и территориальных ограничений в деятельности электронных торговых площадок обусловливают объективную необходимость международного и регионального сотрудничества в сфере их регулирования с учетом требований и стандартов Всемирной торговой организации (ВТО) и региональных объединений, в том числе Организации тюркских государств (ОТГ). Для эффективного обеспечения равных конкурентных условий и защиты прав всех участников цифрового рынка требуется унификация правил работы электронных торговых площадок на международном и региональном уровне. Это предполагает разработку и принятие международных и региональных конвенций, соглашений и унифицированных стандартов, регламентирующих деятельность электронных торговых площадок в трансграничном цифровом пространстве.

Исходя из этого, необходимо констатировать, что юридическая сила и безопасность электронных сделок на электронных торговых площадках требуют уникальных и разумных правовых подходов, обусловленных их цифровой гражданско-правовой природой. Важную роль в обеспечении этих требований играет использование электронной (цифровой) подписи, которая позволяет идентифицировать участников электронной сделки (пользовательского соглашения) и гарантирует неизменность информации, связанной с интернет-коммерцией. Помимо этого, необходимо внедрение разумных и надежных систем шифрования данных, защиты от кибератак и обеспечения конфиденциальности информации, в том числе коммерческой тайны. Следует отметить, что разумное применение новейших цифровых технологий, таких как блокчейн, может значительно повысить уровень информационной безопасности и прозрачности электронных сделок, заключаемых на цифровых торговых площадках. Эти гражданско-правовые правомерные подходы направлены на создание юридически обязательной и безопасной среды для электронных торговых сделок на ЭП, обеспечивая доверие и защиту всех участников.

В литературе правильно отмечается, что электронные площадки, как посредники в распространении информации и товаров, должны играть активную роль в защите авторских прав и других интеллектуальных прав. Это предполагает создание эффективных механизмов для выявления и удаления с площадок контрафактной продукции, а также борьбу с пиратством. Важную роль в этом играет сотрудничество электронных площадок с правообладателями и правоохранительными органами [11]. Для борьбы с контрафактной продукцией электронным торговым площадкам следует внедрить системы мониторинга товаров, предлагаемых к продаже на их площадках, для выявления контрафактной

продукции. Это может включать анализ изображений, описаний товаров, сравнение с базами данных правообладателей и использование алгоритмов машинного обучения. При обнаружении контрафакта электронные торговых площадки обязаны незамедлительно удалить товар с продажи и уведомить об этом правообладателя.

Регулирование деятельности электронных торговых площадок необходимо для создания благоприятной среды, обеспечивающей безопасность и защиту прав и интересов потребителей в онлайн-пространстве. Важно, чтобы законы и соглашения соответствовали современным реалиям электронной коммерции и обеспечивали эффективные механизмы разрешения споров и защиты персональных данных потребителей. Деятельность субъектов электронной коммерции в современном мире во многом зависит от использования электронных торговых площадок, на которых предприниматели могут продавать свои товары, работы и услуги, находить новых потребителей, заключать электронные торговые сделки и расширять свой бизнес в цифровом пространстве. При этом важно четко понимать права и обязанности субъектов предпринимательской деятельности в качестве пользователей электронных торговых площадок. В связи с этим одним из ключевых аспектов в этом контексте является прозрачность и честность в отношениях между предпринимателями и электронными площадками, на которых они размещают свои товары и услуги в цифровом пространстве. Одним из основных прав субъектов электронной коммерции является право на равные условия доступа к электронным торговым площадкам. Это означает, что все субъекты электронной коммерции имеют равные возможности для размещения своих товаров и услуг на торговых площадках и конкуренцию на рынке. Никто не должен быть исключен из-за своего статуса или размера бизнеса [12].

Согласно ст. 11. Закона «Об электронной коммерции РУз», к операторам электронной коммерции относятся: провайдеры и операторы сетей телекоммуникации; операторы электронных торговых площадок; поставщики платежных услуг; юридические лица, оказывающие услуги по хранению электронных документов и электронных сообщений субъектов электронной коммерции. К операторам электронной коммерции могут быть отнесены и иные юридические лица в соответствии с законодательством. Статья 12 данного Закона предусматривает права и обязанности операторов электронной коммерции. Операторы электронной коммерции имеют право: оказывать на договорной основе услуги в области электронной коммерции в пределах своих полномочий; определять условия оказываемых услуг субъектам электронной коммерции; передавать электронные документы и электронные сообщения на хранение другим операторам электронной коммерции.

Операторы электронной коммерции обязаны: соблюдать требования законодательства; принимать меры по обеспечению бесперебойной работы своих информационных систем; соблюдать стандарты, нормы и правила в области электронной коммерции; раскрывать субъектам электронной коммерции информацию о своем полном наименовании, организационно-правовой форме, лицензиях, документах разрешительного характера, оказываемых услугах, условиях их оказания и стоимости (тарифах); не изменять содержание и порядок использования электронных документов и электронных сообщений (за исключением случаев, предусмотренных договорами, заключенными субъектами электронной коммерции); обеспечивать меры по защите электронных документов, электронных сообщений и персональных данных от несанкционированного использования; не передавать электронные документы, электронные сообщения или их копии, в том числе информацию, содержащуюся в них, третьим лицам (за исключением случаев, предусмотренных законодательством или договорами). Условия и правила предоставления услуг оператором электронной коммерции не должны противоречить настоящему Закону и иным актам законодательства. Оператор электронной коммерции не несет ответственность за правовые последствия, связанные с содержанием передаваемых ему электронных документов и электронных сообщений субъектов электронной коммерции. Оператор электронной коммерции может иметь и иные права и нести другие обязанности в соответствии с законодательством и договором.

Кроме того, ст. 13. вышеуказанного Закона предусматриваются права и обязанности оператора электронной торговой площадки. В частности, оператор электронной торговой площадки, помимо прав оператора электронной коммерции, указанных в части первой статьи 12 настоящего Закона, также имеет право: осуществлять непосредственно самостоятельную продажу товаров (работ, услуг)

на своей торговой площадке; проверять соответствующие лицензии, документы разрешительного характера или уведомления продавцов, осуществляющих лицензируемые виды деятельности или осуществляющих деятельность (действия) на основании документов разрешительного характера или в уведомительном порядке.

Оператор электронной торговой площадки, помимо обязанностей оператора электронной коммерции, указанных в части второй статьи 12 настоящего Закона, также обязан: принимать меры по пресечению реализации товаров (работ, услуг), изъятых из оборота или ограниченных в обороте, в соответствии с законодательством; регулярно отображать на электронной торговой площадке соглашение об обслуживании торговой площадки и правила торговли на электронной торговой площадке; принимать технические меры для обеспечения возможности ознакомления участниками электронной коммерции с условиями договора на обслуживание и осуществление торговли, а также их размещения в полном виде. Если оператор электронной торговой площадки намерен приостановить свою деятельность в области электронной коммерции или внести изменения в правила обслуживания, он должен не менее чем за тридцать дней объявить об этом на соответствующей торговой площадке (за исключением случаев, предусмотренных законодательством).

Рассмотрим, какие еще права предоставляет наше законодательство субъектам предпринимательской деятельности для обеспечения их правовой защищенности и стимулируют активное использование электронными площадками в своей деятельности: размещать (предлагать) оферту в информационных системах, функционирующих в области электронной коммерции; организовать собственную электронную торговую площадку и непосредственную продажу товаров (работ, услуг) на ней; реализовывать товары (работы, услуги) путем заключения договоров в электронной коммерции (далее — договор); передавать на хранение операторам электронной коммерции электронные документы и электронные сообщения [13].

Наряду с правами, субъекты предпринимательской деятельности, зарегистрированные на электронных площадках, также имеют ряд обязанностей, которые они должны выполнять в соответствии с законодательством Узбекистана и правилами работы электронных площадок: субъекты предпринимательской деятельности обязаны пройти процедуру регистрации на электронных площадках и предоставить оператору электронных площадок достоверную информацию о себе, включая наименование, ИНН, юридический адрес, контактные данные и другие сведения, необходимые для регистрации. Субъекты предпринимательской деятельности обязаны соблюдать правила работы электронной площадки, установленные оператором электронной площадки. Эти правила могут касаться размещения информации, участия в торгах, заключения договоров, разрешения споров, использования электронной площадки в соответствии с этическими нормами и т.д. Субъекты предпринимательской деятельности несут ответственность за информацию, которую они размещают на электронных площадках. Эта информация должна быть достоверной, законной, не нарушать права и законные интересы других лиц, а также соответствовать требованиям законодательства Узбекистана. Субъекты предпринимательской деятельности обязаны своевременно и в полном объеме исполнять свои обязательства по договорам, заключенным с использованием электронных торговых площадок. Для эффективного обеспечения защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных на электронных торговых площадках, в Узбекистане предпринимаются различные необходимые целесообразные меры. Государственные органы Узбекистана осуществляют контроль и надзор за деятельностью электронных торговых площадок, обеспечивая соблюдение ими действующего законодательства. Операторы электронных торговых площадок могут создавать саморегулируемые организации, которые разрабатывают и применяют свои внутренние правила и стандарты работы, направленные на защиту прав пользователей электронных торговых площадок. Операторы электронных торговых площадок могут внедрять на своих площадках механизмы альтернативного разрешения споров (ADR), такие как медиация и арбитраж, которые позволяют быстро и эффективно разрешать споры между пользователями электронных торговых площадок.

Субъекты предпринимательской деятельности, являющиеся пользователями электронных торговых площадок, обладают широким спектром прав и обязанностей. Оператор электронных торговых площадок обязан обеспечить условия для реализации прав пользователей электронных площа-

док и нести ответственность за нарушение их прав. Государство и операторы электронных торговых площадок предпринимают различные меры для защиты прав пользователей электронных площадок. Правовое регулирование деятельности субъектов предпринимательской деятельности на электронных торговых площадках постоянно развивается и совершенствуется[1]. Действующее законодательство, регулирующее деятельность электронных торговых площадок, не всегда в полной мере соответствует динамично развивающейся сфере электронной торговли. Это приводит к появлению пробелов и противоречий в правовом регулировании, что создает препятствия для эффективной работы электронных торговых площадок и защиты прав участников цифрового рынка. В связи с этим необходимо провести комплексную актуализацию законодательства, учитывающую новые технологии, бизнес-модели и актуальные проблемы электронной торговли. Это позволит устранить существующие пробелы и противоречия, а также создать правовую основу для дальнейшего развития электронных торговых площадок с учетом объективной тенденций развития цифрового гражданского оборота. В Узбекистане отсутствует единый закон, регулирующий все аспекты деятельности электронных площадок вообще и электронных торговых площадок в частности. Это приводит к несогласованности норм, пробелам в законодательстве и правовой неопределенности. Нынешняя система правового регулирования электронных торговых площадок основана на разрозненных нормах, содержащихся в Гражданском кодексе, Законе «Об электронной коммерции», а также в других нормативно-правовых актах. Отсутствие комплексного закона затрудняет защиту прав и интересов участников электронных торговых площадок, а также препятствует эффективному развитию электронной торговой коммерции.

По нашему глубокому убеждению, отсутствие единого международного или регионального законодательства, регулирующего деятельность электронных торговых площадок, негативно влияет на отношения, связанные с электронной коммерцией. В конечном итоге, это может привести к различиям в правовых нормах разных стран, что затрудняет международное взаимодействие и заключение глобальных торговых сделок в цифровом пространстве. Из-за отсутствия четкого определения правового статуса электронной торговой площадки происходят разногласия в правоприменительной практике и споры между участниками рынка. В связи с этим необходимо законодательно закрепить правовой статус электронных торговых площадок, определив их как юридические лица, обладающие соответствующими правами и обязанностями.

---

[1] В постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 26.12.2024 г. № 885 «О мерах по дальнейшему развитию сферы электронной коммерции в Республике Узбекистан» предусматривается, что электронная торговая платформа – программно-аппаратный комплекс или информационно-телекоммуникационная система, обеспечивающая с использованием всемирной информационно-телекоммуникационной сети Интернет: возможность реализации товаров потребителю дистанционным способом за счет размещения продавцом предложений о продаже товара электронной коммерции для ознакомления с ними потребителя, рекламы товара электронной торговли, заключения договора купли-продажи или других договоров, расчетов за товар электронной торговли, организации доставки товара потребителю; прием, регистрацию, обработку и мониторинг заявок на получение доступа к товарам на электронной торговой платформе; заключение и обработка электронных договоров и заказов; прием, регистрация, обработка и мониторинг заявок от продавцов и покупателей на участие в электронных сделках; прием, регистрация, обработка и мониторинг заявок на размещение или удаление продавцами информации про товар и (или) цифровой продукт; анонсирование цен на товары и (или) цифровые продукты; создание личного кабинета (профиля) продавцу и покупателю; прием, регистрация, обработка и мониторинг заявок, в том числе от своего имени на продажу, покупку, хранение, передачу, доставку товара и (или) цифровую дистрибуцию цифрового продукта; доставка и хранение товаров; прием, регистрация, обработка и контроль электронных платежей между продавцами и покупателями; депонирование денежных средств (эскроу) путем перечисления денежных средств продавцу товара только после доставки товара до покупателя; взимание комиссии за оказанные услуги со стороны оператора электронной торговой платформы; процесс цифровой маркировки и распределения товаров; выбор способа получения товара и (или) цифровой дистрибуции цифрового продукта, а также отслеживание статуса доставки товара и (или) цифрового продукта, при наличии услуг по доставке; формирование отзывов и выставление рейтингов товарам, цифровым продуктам, продавцам и (или) покупателям; контроль качества товара и (или) цифрового продукта; взаимодействие между продавцом и покупателем; организация и проведение электронных конкурсов и аукционов; подготовка и формирование статистической информации, отчетных документов по совершенным электронным сделкам; хранение, обработка и раскрытие информации, необходимой для совершения и исполнения электронных сделок; иные функции, связанные с электронной торговой платформой. URL: https://lex. uz/docs/7284840

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие правового регулирования электронных торговых площадок будет способствовать росту доверия участников цифрового рынка, повышению безопасности сделок, защите прав потребителей и стимулированию развития электронной торговли в Узбекистане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. URL: https://www.google.com/search?q=%D1%;

2. Джумаев Г., Бобохонов А. Станет ли ОТГ ведущей платформой в Центральной Азии? URL: https://cabar. asia/ru/stanet-li-otg-vedushhej-platformoj-v-tsentralnoj-azii

3. Конституция Республики Узбекистан от 01.05.2023 // Национальная база данных законодательства. 01.05.2023. № 03/23/837/0241.

4. Быстренина И. Е. Электронная коммерция : учебное пособие. 2-е изд. М. : Дашков и К, 2019. 51 с.

5. Акулич М. В. Интернет-маркетинг : учебник для бакалавров. М. : Дашков и К, 2016. 167 с.

6. Кондратьева Е. М. Электронная торговля как концепция построения экономических отношений: правовой аспект // Вестник ННГУ. 2023. № 2. С. 132–137.

7. Чкалова О. В., Копасовская Н. Г., Большакова И. В. Электронные маркетплейсы как драйвер развития рынка продуктового ретейла // Вестник ННГУ. 2022. № 2 (66). С. 38–47.

8. Афанасьевская А. В., Содель О. В. Правовое регулирование электронной торговли. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanieelektronnoy-torgovli (дата обращения: 25.12.2024).

9. Капустина Л. М., Мосунов И. Д. Интернет-маркетинг. Теория и практика продвижения бренда в Сети. Екатеринбург : Уральский гос. экономический ун-т, 2015. 102 с.

10. Трощинский П. В., Молотников А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 309–326.

11. Долгая К. С. Актуальные проблемы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в трансграничной электронной торговле. Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2021. С. 32–39.

12. Акулич М. В. Интернет-маркетинг : учебник для бакалавров. М. : Дашков и К°, 2016. 97 с.

13. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» // Национальная база данных законодательства. 30.09.2022. № 03/22/792/0870.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Н. КУФЛЕВОЙ «ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» (М., 2025. 352 с.)

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье представлен анализ монографической работы В. Н. Куфлевой «Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования». Дана положительная оценка основным выводам исследования. Автор рецензии приходит к выводу о том, что монография представляет собой глубокое и комплексное исследование, претендующее на статус целостной теории, которая вносит существенный вклад в развитие теории отечественного уголовного права.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, субъект преступления, субъект уголовно-правового воздействия, лицо, подлежащее уголовной ответственности, В. Н. Куфлева.

REVIEW OF V. N. KUFLEVA'S MONOGRAPH “THE PERSON WHO COMMITTED A CRIME AND PROBLEMS OF THE THEORY OF CRIMINAL–LAW REGULATION” (MOSCOW, 2025. 352 P.)

N. V. Tydykova

Altai State University (Barnaul, Russia)

This article presents an analysis of V. N. Kufleva's monograph “The Person Who Committed a Crime and Problems of the Theory of Criminal-Law Regulation.” A positive assessment is given to the study's main findings. The reviewer concludes that the monograph represents a profound and comprehensive study, laying claim to being a holistic theory that makes a significant contribution to the development of Russian criminal law theory.

Keywords: person who committed a crime, subject of a crime, subject of criminal-law influence, person subject to criminal liability, V. N. Kufleva.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.25

Тематика, связанная с лицами, совершившими преступления, всегда была в центре внимания исследователей. Однако научные поиски, как правило, осуществлялись в рамках традиционных рамок, очерченных принятыми в уголовном праве признаками субъекта преступления: возраста, вменяемости, принадлежности к категории физических лиц. Этим и определялась полемика, развернувшаяся в научных дискуссиях: поиск оптимального и обоснованного современными реалиями

возраста уголовной ответственности, критерии вменяемости лица и уголовно-правовые последствия признания лица невменяемым, дилемма признания или непризнания субъектом преступления юридического лица, квалификационное значение специального субъекта в некоторых преступлениях. В последние годы развитие технологий поставило перед исследователями проблему определения статуса искусственного интеллекта и решения вопроса о том, является ли он лишь инструментом в руках человека или же претендует на признание самостоятельной единицей с вытекающим из этого решения признанием его правосубъектности и возможности нести ответственность. Уголовно-правовые изыскания в рамках представленной тематики чаще всего затрагивали какой-то конкретный аспект, интересный исследователю. Нельзя не отметить и разрозненность уголовно-правовых и криминологических исследований в этой сфере, как, впрочем, и во многих других. Термин «лицо, совершившее преступление» используется преимущественно криминологией, которая исследует его с позиции целей этой науки. Однако монографическая работа В. Н. Куфлевой [1] доказывает недальновидность такого подхода. Автор разумно называет в качестве самостоятельной категорию «субъект уголовно-правового воздействия», под которым предлагает понимать всех, к кому обращены требования уголовно-правовых норм, вне зависимости от способности к осознанно-волевой регуляции поведения, а отмечая, что поскольку уголовно-правовые отношения могут возникать только в связи с совершением преступления, круг субъектов уголовно-правового отношения ограничивает только лицами, способными к виновному вменению и ответственности. Это позволило сделать вывод о том, что лицо, подлежащее уголовной ответственности — это самостоятельный статус лица, совершившего преступление, отражающий определенный этап в развитии уголовно-правового отношения. Подобный подход справедливо расширяет поле необходимых уголовно-правовых исследований. При этом границы этого поля достаточно точно очерчены. Автор определяет соотношение терминов «личность», «человек», «лицо», отмечая, что наименее удачным является «личность», так как он наполнен социальным и психологическим содержанием, которое не имеет значения для решения вопроса о возможности выступать в качестве субъекта права. Обозначая, что между терминами «человек» и «лицо» нет принципиальных отличий, автор, допуская возможность включения в круг субъектов уголовного права и иных правовых образований (главным образом юридических лиц), дальновидно предлагает использовать термин «лицо», что оставляет больше возможностей для маневра и развития самой отрасли уголовного права. Не упускает эту возможность и сам автор, рассуждая о том, кто должен нести ответственность в случае причинения вреда «действиями» юридических лиц и искусственного интеллекта. Критикуя ранее высказываемый в науке компромиссный вариант решения проблемы — различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности, автор монографии убедительно исключает возможность признания этих лиц субъектами уголовной ответственности без предварительного признания их лицами, совершившими преступление. Однако необходимо отметить в высшей степени корректный подход, демонстрирующий уважение к альтернативным позициям, который проявился в признании теоретической возможности и иного решения этого вопроса на основе других философских теорий. При этом сам автор обозначает свою приверженность к той теории, которая представляет уголовное право как средство морального осуждения поступков, разрушающих систему ценностей, а следовательно, не допускает применение мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, не способных к свободному моральному выбору.

Характеризуя текущее состояние исследованности вопросов, связанных с субъектом преступления, В. Н. Куфлева использует термин «несимметричность», который, как представляется, очень точно характеризует достигнутую развитость учения о статусе государства как субъекта уголовного права на фоне некоторой отсталости исследований, посвященным физическим и юридическим лицам как субъектам преступления, что объясняется публичным характером отрасли.

Определяя теоретические основы учения о лицах в уголовном праве, В. Н. Куфлева в зависимости от стадии развития уголовно-правового отношения выделяет различные индивидуальные правовые статусы лица, совершившего преступление: лицо, подлежащее уголовной ответственности; лицо, признанное виновным и осужденное за преступление; лицо, судимое за преступление. Такой подход видится разумным и теоретически перспективным, но на первый взгляд оставляет впечатление некоторой незавершенности. Предложенный перечень как будто требует логического дополнения такой

категорией, как «лицо, не подлежащее уголовной ответственности». Однако содержание монографии позволяет заключить, что отсутствие этой категории в обсуждаемом перечне является не упущением, а принципиальной позицией автора, который «выносит за скобки» предмета исследования всех, кто не является субъектом преступления. Эта смысловая линия поддерживается и авторской критикой распространенной в науке позиции о том, что иные меры уголовно-правового характера представляют собой часть содержания уголовной ответственности. Для обобщенного наименования конфискации имущества и мер медицинского характера в работе ожидаемо предлагается иной термин — «меры безопасности».

Рассмотрение вопроса о правовом статусе лица, совершившего преступление, немыслим без обращения к принципам уголовного права, который становится условием легитимного уголовно-правового принуждения. Автор реалистично отмечает, что представленный обзор принципов является заведомо неполным, однако следует признать, что обозначенные в работе позиции способны существенно обогатить представление о значении принципов уголовного права для определения статуса исследуемой категории. Практическую ценность эта часть монографии несет благодаря качественному анализу позиций Конституционного Суда РФ и их преломлению к исследуемой материи. Так, принцип законности, который текстуально не обращен к лицу, совершившему преступление, в предлагаемой интерпретации наполняется гуманистическим потенциалом, непосредственно на него распространяемым.

Подход, при котором концепты «лицо», «совершение» и «преступление» как самостоятельные, но при этом взаимосвязанные категории получили автономное изучение, позволил обстоятельно и глубоко проанализировать понятие «лицо, совершившее преступление». Так, достаточно неожиданным выводом стала необходимость уточнения понятия преступного деяния, это связывается с тем, что концепт «совершение» должен охватывать и действия, которые сегодня законом рассматриваются как «направленные к совершению» и «действия, состоящие в «оказании содействия в совершении», они по своей сути являются особыми этапами самого совершения деяния. В работе эта позиция подкреплена убедительной аргументацией.

Получила глубокое осмысление проблема места и значения общественной опасности личности в понимании общественной опасности деяния в целом. Автор показывает значение субъективных признаков при определении общественной опасности деяния, которые обеспечивают содержательную связь личностных особенностей виновного и совершенного им поступка. Такое решение не вызывает ни отторжения, ни каких-либо опасений относительно возможного неразумного расширения значения субъективных признаков в структуре опасности деяния, так как в работе озвучен тезис о том, что признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление, не предопределяют суждений об опасности самого преступления, что видится весьма корректным.

Обоснованно не обошел вниманием автор и непростой вопрос об общественной опасности самого лица как основания применения мер уголовной ответственности. Возможно, доминирующие в настоящее время положения теории уголовного права такую возможность и отрицают, но ряд моментов, в частности, криминализация занятия высшего положения в преступной иерархии, закономерно побуждают к более обстоятельному рассуждению и принятию честных, а не только соответствующих и удобных устоявшейся теории решений. С обращением к тенденциям практики применения ст. 210^1 УК РФ автор доказывает, что уголовная ответственность по ней наступает не за статус лица как таковой, а за ряд определенных действий, без совершения которых обсуждаемое положение не признается имеющим место. Такой результат позволил заключить, что включение в УК РФ этой статьи не является реанимацией худших положений социологической школы уголовного права и не устанавливает ответственность за опасное состояние лица безотносительно совершаемых им действий.

Достаточно смелым и даже революционным можно признать предложение о «выведении» признаков субъекта преступления из разряда признаков состава преступления и наделение субъекта преступления самостоятельным статусом «условия». Логика исключения из числа признаков состава преступления тех, что функционально не предназначены для отражения опасности, а служат лишь цели ограничения круга лиц теми, кто способен нести уголовную ответственность, понятна. Однако в предлагаемом подходе усматривается несколько слабых мест. Во-первых, само по себе утверждение о том,

что признаки субъекта преступления не способны предопределять (хотя бы частично) опасность деяния, не может быть принята как безусловная истина. В качестве примера, где подобное имеет место, можно привести деяние, ответственность за которое установлена ст. 134 УК РФ. Сами по себе добровольные действия сексуального характера, совершаемые лицами, достигшими 16 лет, осознающими их значение, конечно же, неопасны. Опасность с позиции законодателя они представляют не только когда одно из лиц, принимающих участие в их совершении, не отвечает указанным признакам, а тогда, когда при этом условии другое лицо является совершеннолетним. Такое решение не может быть объяснено ничем другим, кроме как усмотрение общественной опасности в деянии, когда взрослое лицо оказывает воздействие (не обязательно вербальное, но и, например, действиями или примером своего поведения, опытом) на принятие решение другим лицом, которое по своим психофизиологическим качествам может быть не готово к вступлению в подобные отношения. Очевидно, что аналогичные действия со стороны лица, которое также не достигло необходимого возраста и в достаточной степени не осознает биологического, психологического и социального смысла половых отношений, не могут признаваться общественно опасными. Во-вторых, логическая линия исключения из числа признаков состава преступления тех, что функционально не предназначены для отражения опасности, требует продолжения в форме исключения из числа признаков состава преступления и признаков субъективной стороны на том основании, что их влияние на общественную опасность деяния не существенно и может сводиться к тому, что по этому критерию общественная опасность всех умышленных преступлений примерно одинакова, как и общественная опасность всех неосторожных преступлений. В-третьих, реализация высказанного предложения приведет к разрушению давно сложившейся и проработанной конструкции состава преступления, которая стала привычным и эффективным инструментом уголовно-правовой квалификации. А создание новой потребует длительного периода времени, в том числе, на апробацию в условиях реальной практики, где ошибки недопустимы.

В целом исследование характеризуется глубокой проработкой большого количества источников, что свидетельствует об обоснованности и авторских позиций. Монография оставляет однозначное положительное впечатление и убежденность в том, что она будет полезна и востребована как специалистами-теоретиками, так и практическими работниками. Импонирует внимание, проявленное исследователем к деталям, например, с опорой на транслируемые теоретические позиции, выявлен технико-юридический дефект уголовного закона, заключающийся в использовании термина «лицо, совершившее преступление» в нормах об основаниях освобождения от уголовной ответственности. Прослеживается и приверженность научному стилю, характерному для работ Ю. Е. Пудовочкина, выступившего научным редактором монографии — научная глубина и фундаментальность.

Категория «лицо, совершившее преступление» получила глубокое и комплексное исследование, в рамках которого центральное понятие было рассмотрено не как отдельно взятое, а в системной взаимосвязи со всеми категориями, с которыми оно связано или соприкасается. С этой позиции монографическое исследование В. Н. Куфлевой претендует на статус целостной теории, которая безусловно вносит существенный вклад в развитие теории отечественного уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования : монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Ю. Е. Пудовочкина. М. : Юрлитинформ, 2025. 352 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абызова Елена Равильевна, судья Арбитражного суда г. Москвы (Москва, Россия). E-mail: barnaul2525@mail.ru.

Базаров Рустам Ахтамович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник Донбасского государственного университета юстиции Минюста России (Донецк, Россия, ДНР). E-mail: don-8066@mail.ru.

Беденков Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: bedenkov-1989@mail.ru.

Беседина Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru.

Блинова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: jblinova@yandex.ru. ORCID: 0000–0001–9565–6464.

Большакова Олеся Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: olesyabolshakova@yandex.ru. ORCID: 0000–0003–3280–2836.

Бондарева Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: bondareva@law.vsu.ru; e-a-bondareva@ya.ru

Воронин Влад Владимирович, юрисконсульт отдела управления имущественным комплексом Оренбургского государственного университета, помощник депутата Законодательного собрания Оренбургской области (Оренбург, Россия). E-mail: vladv_v@mail.ru

Воронина Ирина Аркадьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: i_voronina@mail.ru.

Воронина Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: bukshina@mail.ru

Горожанкин Александр Юрьевич, прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного комитета РФ прокуратуры Алтайского края (Барнаул, Россия). E-mail: fest171@mail.ru.

Губернаторова Элина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков экономического и юридических профилей Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: gub-ilina@yandex.ru.

Зарубин Дмитрий Викторович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного, морского и таможенного права Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: dimaaa95.95@mail.ru

Зеленин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: uri-zelenin@yandex.ru.

Зубкова Вера Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: zvs89@mail.ru.

Казанцева Олеся Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: verwaltung@mail.ru. ORCID: 0000–0003–3697–9903.

Кобзарь Ольга Сергеевна, магистр юридических наук, аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета, юрисконсульт ООО «СОЦ «Теннис в Солнечном» (Минск, Республика Беларусь). E-mail: olga.s.kobzar@gmail.com

Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: ekov_@mail.ru. ORCID: 0000–0002–9860–6371.

Кононыхина Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tskononykhina@mail.ru. ORCID: 0000–0001–9102–761X.

Корочкин Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры евразийских исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета; заведующий, адвокат Минской областной специализированной юридической консультацией по правовому сопровождению бизнеса (Минск, Республика Беларусь). E-mail: alekseikorochkin@yandex.ru.

Куфлева Валентина Николаевна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: val_swatch@mail.ru.

Максимов Андрей Геннадьевич, полковник полиции, оперуполномоченный по ОВД 15 отдела Управления «П» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУЭБиПК МВД России (Москва, Россия). E-mail: maksimov. ag1982@gmail.com.

Манапова Анна Федоровна, аспирант Челябинского государственного университета; помощник судьи Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда (Челябинск, Россия). E-mail: anna961512@mail.ru. ORCID: 0009–0004–3601–708X.

Матвеев Даниил Дмитриевич, правовой партнер Группы компаний «Сталкер» (Барнаул, Россия). E-mail: ddmatveev@yandex.ru.

Моисеева Оксана Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: moi.seeva@mail.ru.

Наракшина Александра Михайловна, магистрант Юридического института Алтайского государственного университета; консультант отдела по обеспечению деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края (Барнаул, Россия). E-mail: alexandra.narakshina@yandex.ru.

Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Донбасского государственного университета юстиции Минюста России (Донецк, Россия, ДНР). E-mail: olkov@ieml.ru.

Панькина Надежда Александровна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Волжского государственного университета водного транспорта (Нижний Новгород, Россия). E-mail: pankina_84@mail.ru.

Рузиназаров Шухрат Нуралиевич, доктор юридических наук, профессор, академик Туранской академии (Ташкент, Узбекистан). E-mail: sh.ruzinazarov@mail.ru. ORCID: 0000–0001–8550–9276.

Русанов Виталий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: radomir77@mail.ru.

Таваралиев Хушбахт Джамшедович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: Jtavaraliev@gmail.com.

Тыдыкова Надежда Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета. E-mail: academnauka@rambler.ru.

Ударцев Артур Маратович, магистрант Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: art22rus@gmail.com.

Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: uporov65@mail.ru. ORCID: 0000–0003–4231.

Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: elena56–75@mail.ru.

Фонштейн Анна Игоревна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: anya. litovchenko. 00@mail.ru. ORCID: 0000–0003–0928–7688.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья может быть написана на русском или английском языках. Объем публикаций не должен превышать 25000 знаков с пробелами, включая библиографический список, сведения об авторах, таблицы и иллюстрации. Названия файлов указываются по фамилии автора (например: Иванов1, Иванов2). Используемый текстовый редактор: WORD, одна из последних версий, с сохранением в формате doc, docx.

2. Структура статьи:

- индексы УДК и ББК, которые проставляются в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
- название статьи;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (*например: И.И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия))*;
- аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1500 знаков без пробелов), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
- название статьи на английском языке;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (*например: I.I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia))*;
- аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов), ключевые слова к публикации на английском языке (от 5 до 10 слов);
- собственно текст статьи;
- библиографический список; таблицы с заголовками;
- рисунки с подписями;
- сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, электронный адрес). Для редакционной коллегии телефон для связи, адрес с указанием почтового индекса.

3. Рекомендуются параметры: шрифт Таймс (Times New Roman), размер № 14, через 1,5 интервала. Страницы должны иметь поля: верхнее, нижнее, левое, правое — по 2 см. Все страницы должны быть пронумерованы.

- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, но без абзацных отступов;
- без переносов.

Все таблицы должны иметь заголовки.

При использовании в тексте сокращений, кроме общепринятых, необходимо давать их расшифровку (в тексте или в примечаниях).

4. Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах, дающих полное представление о современном состоянии исследований в данной области. Доля самоцитирования, ссылок на одного и того же автора и на один и тот же журнал не должна превышать 25%. Оформляется библиографический список по ГОСТу Р 7.0.5–2008.

5. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (структурного подразделения научной организации). Для авторов — докторов наук рекомендации не требуется;
- письмо-согласие с заверенной по месту работы подписью (подписями) автора (авторов) статьи.

Рецензия от авторов не требуется. Журнал проводит собственное рецензирование.

6. Авторам статей гонорар не начисляется. Плата за опубликование статей не взимается.

7. К печати принимаются оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся материалы при условии положительных результатов независимой экспертизы. Приветствуется информирование и привлечение Ваших коллег из других вузов.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо высылать (с рекомендацией и письмом-согласием с заверенными подписями всех авторов) на адрес электронной почты: rrd231@rambler.ru либо на адрес academnauka@rambler.ru

Научное издание

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2026 • №1

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 2444)

Редактор С. И. Тесленко
Подготовка оригинал-макета: О. В. Майер

Подписано к использованию 10.02.2026.
Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 18,2.

Типография Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66